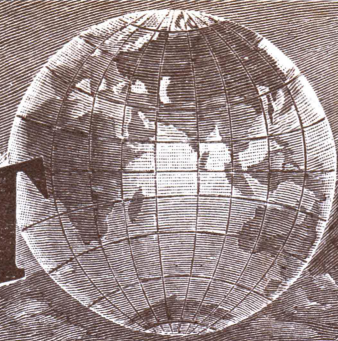

1946

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 10

Наша Летопись

РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В КИТАЕ

Сто двадцать пять лет назад русский путешественник Егор Тимковский вернулся в Россию из Пекина и стал готовить к печати свою трехтомную книгу «Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 годах». В 1824 году эта книга увидела свет. Ее перевели на три европейских языка. В труде Егора Тимковского были подробно описаны Монголия и Китай, Восточный Туркестан, Тибет и Корея.

ПОХОД ГРИГОРИЯ ИСТОМЫ

450 лет прошло с того времени, когда московский дьяк Григорий Истома совершил поход в Скандинавию. Он и до этого бывал при дворе короля датского, знал латынь, был очень образованным человеком своего времени. Путь Истома в Скандинавию лежал через Новгород, устье Северной Двины и северные моря. Обратный путь в Московию Истома вернулся через Ливонию.

Григорий Истома — современник Колумба и Кабота — дал ценные сведения об европейском севере. Он совершил одно из первых плаваний русских людей на западном отрезке Северного морского пути.

У БЕРЕГОВ ОЗЕРА ЛОБ-НОР

В 1896 году близ берегов озера Лоб-Нор, в Центральной Азии, у границы бесконечных песков, были найдены могилы, в которых были погребены тела людей в одеждах из белого полотна. Это были останки русских людей, селившихся в районе Лоб-Нора.

Известно, что около 1860 года русские переселенцы с Алтая доходили до северной границы Тибета и заводили пашни на правом берегу реки Гарим, у развалин древнего города Лоб. О русских скитальцах, достигших порога Тибета, писали Пржевальский, Певцов и Козлов — виднейшие исследователи Центральной Азии.

РУССКАЯ НАУКА О БОСФОРЕ

В Севастополе пятьдесят лет назад в местной типографии был напечатан научный труд А. Н. и Д. Н. Скаловских о влиянии Босфора на образование течений в Черном море. В том же году Русское географическое общество напечатало в своих «Записках» выдающуюся работу: «Материалы по гидрологии Мраморного моря». В ней были подведены итоги экспедиции Н. И. Андрусова, А. А. Остроумова и И. Б. Шпиндлера на Мраморное море в 1894 году.

Н. И. Андрусов известен в русской науке тем, что он осветил проблемы связи Черного и Средиземного морей, установил законы обмена вод между ними через Босфор. Вскоре после работ Андрусова русский ученый, адмирал С. О. Макаров провел свои знаменитые исследования в водах Босфора.

1946

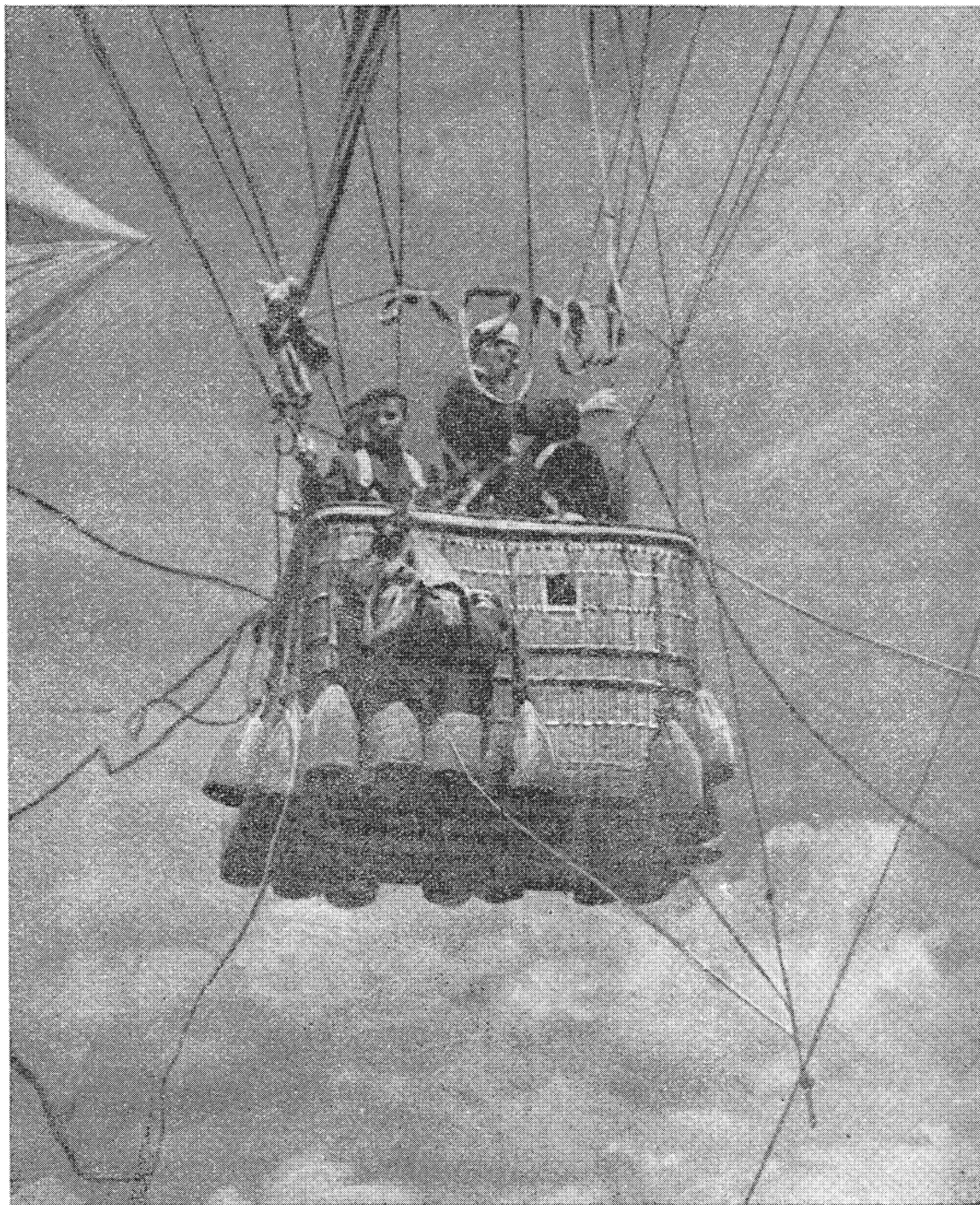
ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 10
Октябрь

Журнал основан в 1861 году

Неутомимо трудятся ученые нашей родины, исследуя недра земли, изучая высшие слои атмосферы, глубины морей и океанов. На снимке: советский субстратостат в полете.

ИВАН СЕРГЕЕВ

«Нет страны прекрасней страны Азери. Нет города чудеснее города Баку!» — так поют поэты, влюбленные в свою родную республику.

Лет двадцать назад встретился я с немолодым уже инженером, работавшим на бурении новых скважин Азнефти. Ничего поэтического не было в этом загорелом до черноты, суховатом ленинградце с воспаленными, уставшими глазами и небритым подбородком.

Мы стояли на розовой от заката ветреной набережной, которую бакинцы называют Парапетом. В вечерней дымке мерцал перед нами беспокойный серебряный Каспий, и с востока над горизонтом, за которым лежали далекие пустыни Туркмении, поднимался темносиний полог ночи.

Инженер взмахнул рукой, будто посылал морю прощальный привет, и я увидел, как из его пальцев, звеня, выпорхнули светлые кружочки и упали далеко в радужные от нефтяной пленки каспийские волны.

— Есть такое поверье, — смущенно улыбаясь, сказал инженер, не глядя на меня: — если хочешь сюда вернуться, брось морю горсть серебра, и будет так.

На мой вопрос, в первый ли раз он здесь, инженер рассмеялся.

— О нет, что вы!.. В третий! И, надеюсь, не в последний.

В тот вечер первого моего знакомства с неприятной землей Апшеронского полуострова сокровищ я не мог понять такой восторженной и странной, на мой взгляд, любви к этому медленно усыхающему одинокому морю-озеру, опустившемуся уже на двадцать шесть метров ниже уровня океана, к этому огромному беспорядочному городу, сложенному из серого, грязноватого камня, серого бетона, серого в черных пятнах асфальта.

Меня, как и всякого, кто впервые видел Баку того времени, поразили этот характерный для города мрачно-серый его панцырь. Казалось, тут трудно дышать не только людям, но даже деревьям: асфальтовая броня сплошной корой покрывала центральные площади, улицы, чахлые бульвары. Для деревьев были оставлены в асфальте круглые окошечки, похоже на сковородки. И казалось, деревья не живут, а жарятся на этих сковородках, как жарятся и томятся люди под нестерпимым солнцем, раскаляющим серый город Баку, столицу Азербайджана.

Мне понятна была любовь поэтов к своему городу, к своей стране. Я встречал поэтов, воспевавших голую тундру такими красочными словами, будто это была не промерзлая насквозь земля, а цветущие поля и сады Кахетии; я знал поэтов, влюбленных в горячие пески Кара-Кума... На болотах Полесья, в печальных просторах Бет-Пак-Дала, в тесных ущельях Дарваза и Бадахшана я слушал белорусские, казахские, таджикские песни, прославляющие землю родины, возраставшую эти песни. Любая земля прекрасна и мила тому, кто на ней родился и вырос. Эта истина не требует доказательств.

Лишь много лет спустя стала для меня ясна другая истина: можно по-настоящему любить только то, что хорошо знаешь, то, куда вложена частица твоего труда, твоих надежд, твоей жизни. Опыт приходит с годами.

Панорама Баку.

Много раз за истекшие двадцать лет бывал я в стране Азери и каждый раз узнавал о ней что-то новое, характерное, удивительное. Облик страны складывался по частям, как мозаичная картина, потому что мне приходилось бывать то в одной, то в другой части республики... С самолета эта страна совсем не походила на ту, которая открывалась взору с седла невысокого лохматого коня; совсем по-другому выглядела она из окна вагона и казалась иной, если идти пешком из селения в селение по сухим и пыльным дорогам, мимо гудящих телеграфных столбов, осторожно переходя через неглубокие бурные потоки, отдыхая в жалкой изорванной тени придорожного чинара... Чаще всего приходилось мне пересекать страну Азери на автомобиле, и, когда машина мчалась по гудронированной сети прекрасных дорог Апшерона или по шоссе от моря на запад, страна сразу же уменьшалась в масштабах, становилась маленькой, доступной. Стоило же нам только свернуть в сторону, как расстояния вырастали и горизонт словно отступал в бесконечность. Из личного опыта, а не из географических карт и книг узнавал я эту страну, лежащую на стыке Европы и Азии.

Кавказским хребтом и бурной рекой Самур отделена республика с севера от страны гор — Дагестана. Теплые волны Каспия омывают ее с востока. К югу тянется каменистая зыбь Ирана — одной из древнейших стран мира. А на западе примыкают к стране Азери братские республики — Грузия и Армения. Зелеными долинами Алазани и Куры соприкасается Азербайджан с Грузией, горные вершины служат ему границей с Арменией, а на дальних склонах этих гор, за узкой полосой армянской земли, лежит часть Азербайджана — Нахичеванская автономная республика с маленькой столицей Нахичеванью на Араксе — реке, отделяющей СССР от Ирана и Турции.

По сравнению с огромными масштабами нашей родины, Азербайджан невелик — он занимает всего 86 тысяч квадратных километров. Это не так уж мало — на такой же примерно площади расположены государства вроде Австрии или Португалии¹. Но эти страны известны всем уже многие сотни лет, а об Азербайджанском государстве мир узнал совсем недавно — четверть века назад, хотя история народа Азери насчитывает не одно тысячелетие.

С древнейших времен населял этот народ юго-западное побережье Каспийского моря и восточные земли Закавказья. С древнейших времен пылали над священ-

ными жертвенниками Апшеронского полуострова таинственные вечные огни. Ни суровые холодные норды, ни штормовые бури с ливнями и колючим снегом не могли погасить вечного пламени, будто истекающего из самой земли. Редкие путешественники, посещавшие Апшерон, поражались этому дивному чуду природы. Оно занимало их воображение гораздо больше, нежели жизнь и быт самого народа, о котором они говорили глухо: «А живут в той стране огнепоклонники».

Более поздние путешественники уже не обращали внимания на «огнепоклонников», а успех изучали богатства апшеронских недр, откуда вырывались наружу горючие нефтяные газы. На местах языческих храмов поднялись буровые вышки. Неугасимые огни померкли, и ярким пламенем вспыхнуло имя далекого города Баку. По всему миру загрела слава о бакинской нефти.

Ее добывают на Апшеронском полуострове. Гигантским клювом вдается в Каспийское море этот полуостров сокровищ. Сухие ветры, то палящие зноем, то обжигающие холодом, свистят над этой пустыней, изнывающей от жажды. Здесь, в низовьях Куры и Аракса, редко выпадают летние дожди: тяжелые облака, несущие влагу с Черноморского побережья, задерживаются высокими горными хребтами. И потому вдоль берегов Куры, по левому берегу Аракса земля орошается искусственно. На плоских степях, кое-где пересеченных каналами, родится замечательный хлопок — следующее за нефтью богатство республики. Азербайджан — вторая хлопковая база Советского Союза¹.

Однообразны Мильская, Муганская и Ширванская степи, окружающие место встречи двух водных артерий республики. Но едва вы двинетесь к западу ли, к северу или востоку, как удручающее однообразие степей сменяется более веселыми картинами природы.

Двигаясь на запад по главной железнодорожной магистрали, мы попадем в Кировабад, второй по величине и по экономическому значению город страны, а за ним — в цветущие виноградники Шамхора, на родину ароматно-терпких рубиновых вин. Это они создали славу Шамхору. Но не вином, не хлопком и не садами мечтает прославиться запад республики. К югу от Шамхора, к западу от Кировабада, в отрогах Шах-Дага советские геологи нашли магнитный железняк и медь, кобальт и марганец, золото и барит, мрамор и другие ценные ископаемые. Здесь же находится гора, от основания до вершины сложенная из алунита — минерала, из которого добывают алюминий. Не в шут-

¹ Австрия — 84 тысячи квадратных километров, Португалия — 89 тысяч квадратных километров.

¹ Первое место принадлежит Узбекской ССР.

Фото М. Доренского.

ку, а всерьез, этот район республики называют «Азербайджанским Уралом».

Передвигаясь к северу, к южным склонам Большого Кавказа, мы встретим густые леса, прорезанные бурными потоками, летящими с горных крутиз. Тут совсем иная природа: влажное дыхание невысоких туч, светлосиреневые туманы на зеленых склонах, где бурно цветут и плодоносят фруктовые сады вокруг Нухи и Шемахи — городков, стоящих на шоссе на дороге из столицы республики в Грузию. Между этими городками и к западу от них особенно развито шелководство. Это же шоссе приведет нас в Закаталы — район ореховых рощ... Много чудесного можно повидать здесь в этих крохотных городках и аулах, забравшихся высоко в горы Большого Кавказа. Здесь живут издревле знаменитые поколения мастеров-кустарей, создающих замечательные произведения искусства — тончайшие ювелирные изделия, цветистые ковры, нежнейшие, как паутина, шелка, художественную чеканную посуду.

А к югу от Шамхора, за железными горами Дашкесана, за алунитовыми массивами Заглика, на прохладных и влажных горных кряжах, высоко взнесенных над страной Азери, лежит Нагорный Карабах — страна садов и песен, шелководов и ковровщиц, пастухов и табунщиков. Сюда из года в год, когда выгорают от солнца недолговечные травы окрестных степей, поднимаются в горы Карабаха многочисленные стада республики. До наступления холодов они пасутся на горных пастбищах — яйлагах — и веселой сытой лавиной скатываются в долины и степи, когда сухая земля низин, увлажненная скупыми осенними дождями, украшается зеленым ковром. Поздней осенью степь переживает вторую весну, менее красочную, но более долгую, чем первая.

Самый длинный путь — это путь в Нахичеванскую республику, богатую хлопком и солью, фруктами и серой, металлами и минеральными источниками. Климат Нахичевани суров и жарок. Земля ее богата и в то же время скудна. Плодородные поля перемежаются голыми языками малых пустынь. Как и на востоке Азербайджана, так и тут богатство и скудость природы решает вода. Там, где она есть, куда ее притянул человек, там пышные сады, пушистый хлопок, зеркальные квадраты рисовых полей, иссиня-зеленые шпалеры виноградников, табачные плантации, золотые массивы

пшеницы. Там, где нет воды, — ветер, каменная пыль, горькие, скрюченные жадной растения.

И есть в Азербайджане край, где такое обилие влаги, что люди страдают от ее избытка. Мы увидим этот край, если двинемся на крайний юго-восток страны, в сказочную Ленкорань, вдоль каспийского побережья, где в низовьях и в устье Куры работают рыбные промыслы, откуда идет во все края земли черная зернистая икра и прославленная красная рыба.

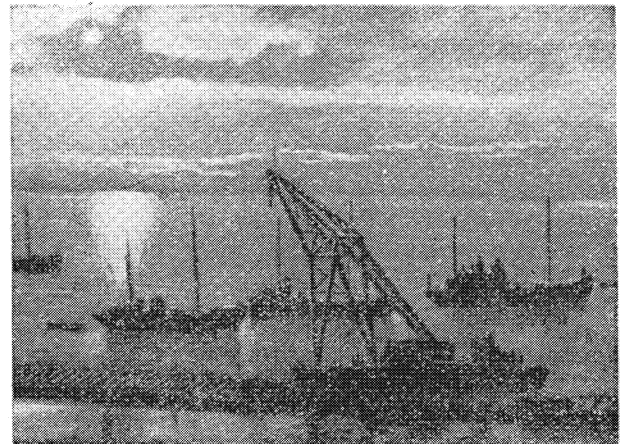
Узкой лентой тянутся вдоль моря — от болот Куры до иранской границы — джунгли и субтропические леса, переплетенные лианами. У окраин лесов рядом с голубыми болотами лежат изумрудные рисовые поля, за ними на скатах холмов курчавятся низкорослые чайные кусты молодых плантаций, а вдаль сияют горы. Горьковато-пряный аромат мандаринов и лимонов смешивается с душистым запахом сухих табачных листьев и цветов невиданных растений, переселенных сюда из Калифорнии, Аргентины, Японии, Мексики.

Леса и болота Ленкорани — воистину рай для охотников. В зарослях Талыжского хребта водятся тигры, леопарды, медведи, волки, в непролазных джунглях теплых прибрежных озер обитает множество всякой водоплавающей птицы. Сюда, в эти влажные субтропики, летят на зимовку бесчисленные птичьи караваны из лесов, болот и равнин нашего севера.

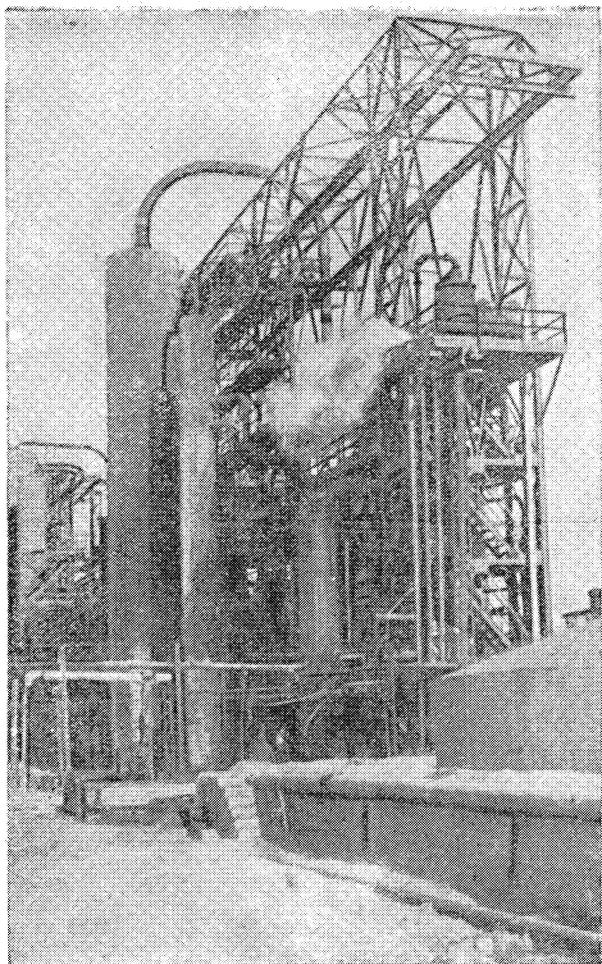
Таков внешний облик страны Азери, открытой ветрам и солнцу.

Но этот облик — облик новый, советский, современный. Дореволюционный Азербайджан выглядел совсем не так: степи были пустынями, а не плантациями хлопка, Ленкорань — болотной глушью, а не культурным оазисом. Горные богатства лежали без движения. И только одну нефть, жидкое золото земли, жадно сосали иностранные концессионеры — Нобель, Ротшильд и другие хищники поменьше.

Город Баку был душен и неприветлив. В начале нашего века он по праву считался крупнейшим нефтяным центром мира. Бакинские промыслы давали половину мировой добычи нефти. За несколько десятилетий своей славы город вырос во много раз, распозлся во все стороны, украсился дворцами скороспелых миллионеров-нефтепромышленников. Но коренные жители города, азербайджанцы, не чувствовали себя здесь хозяевами. В самом Баку они жили только в тесной средневековой крепости да на промыслах, где вместе с азербайджанскими бедняками ютились в землянках рабочие-нефтяники — армяне, русские, грузины, персы.

Баку. Вид на море с приморского бульвара. Фото Ю. Еремина.

Крекинг-завод. Здесь получают горючее для моторов.
Фото Ю. Еремина.

Город жил сам по себе, своей жизнью, обособленной от жизни страны, в которой господствовали самые отсталые патриархально-феодалские отношения. В самом же Баку не было ни институтов, ни парков, ни дворцов культуры, ни домов отдыха, ни вузов, ни клубов, ни детских садов.

Более всего капиталисты-промышленники опасались единства рабочих, их совместной борьбы против угнетателей. Нефтепромышленники не жалели средств на организацию раздоров. Царские колонизаторы, подкупляемые капиталистами, натравливали азербайджанцев на армян, армян на азербайджанцев. И в прошлом веке и в начале нашего столетия тут время от времени вспыхивала страшная резня. Последние кровавые погромы прокатились по стране немногим более четверти века тому назад.

Но здесь же, в пролетарском Баку, создавалась и росла одна из крупнейших большевистских организаций нашей страны. Здесь работали революционеры-большевики, друзья и товарищи молодого Кобы, как называли в партийном подполье товарища Сталина. Неумимый пропагандист и агитатор, он возглавлял борьбу с кавказскими меньшевиками, писал листовки, руководил подпольной типографией, организовывал стачки, объединяя рабочих для будущих боев. И здесь же в Баку уже после Великой Октябрьской революции особенно резко и явственно проявились мудрость и сила ленинско-сталинской национальной политики. Страшное время кровавой резни и ненависти вспоминается сегодня, как давно минувший тяжелый сон.

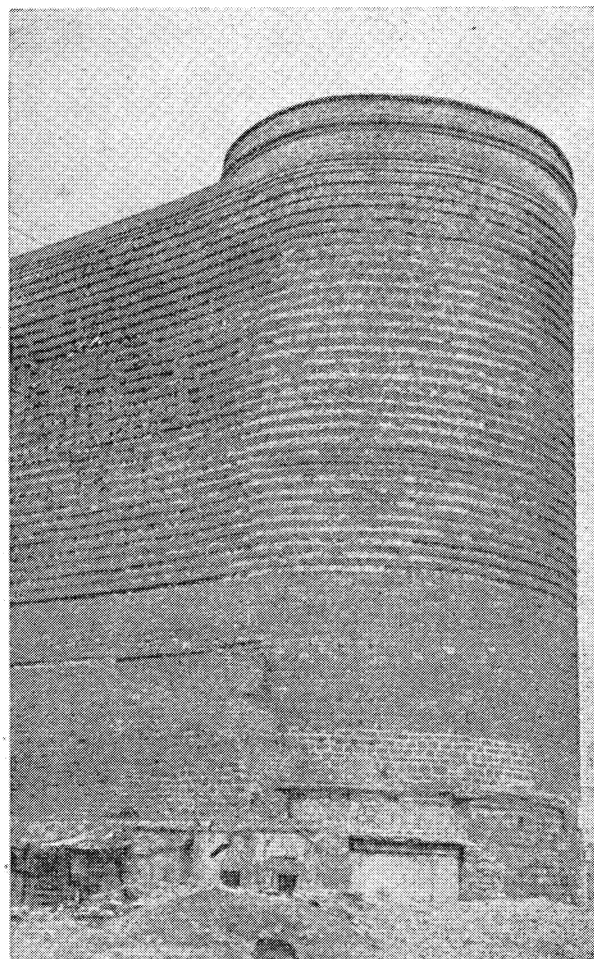
Только при советской власти после долгих испытаний Баку стал столицей своего народа. А испытания были

тяжкими. Капиталисты, не желавшие распрощаться с бакинской нефтью, пытались отстоять ее с помощью турок, немцев, англичан и местных предателей, возвращенных националистическими партиями — азербайджанскими мусаватистами и армянскими дашнаками.

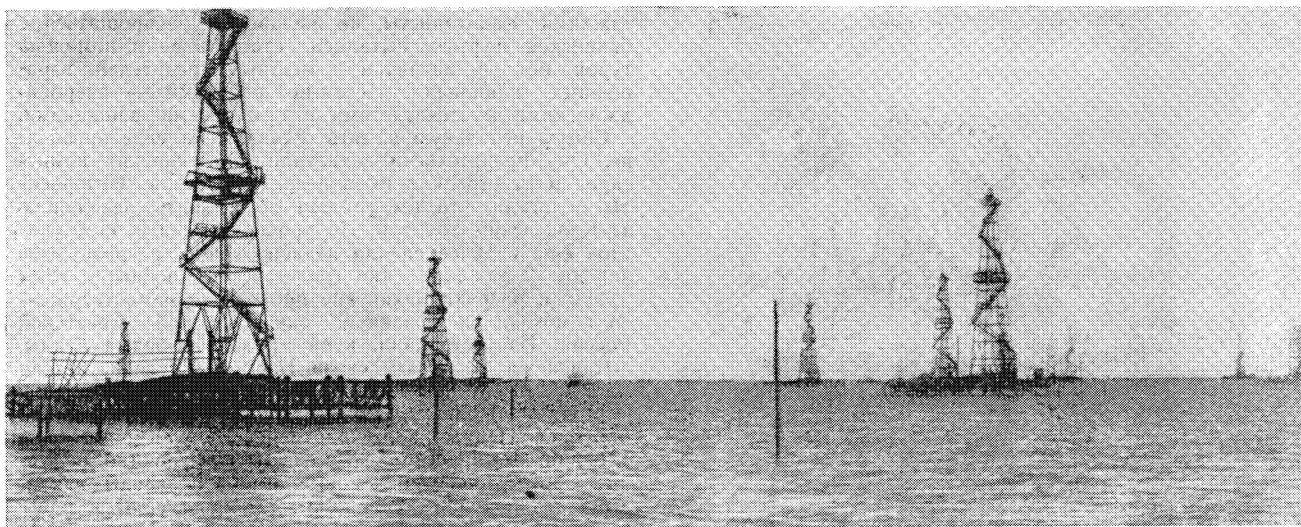
Самую печальную память оставили по себе англичане. Они предательски захватили 26 бакинских комиссаров и расстреляли их в песках Закаспия. Интервенты полагали, что им удастся обезглавить революцию за Кавказским хребтом. Но кровь казненных коммунистов еще сильнее спаяла недавно еще разрозненные народы. В тяжелые дни гражданской войны, в годы голода и разрухи бакинские пролетарии самоотверженно помогали истерзанной, окровавленной Советской России. Из Астрахани, куда рвались белые банды, пытавшиеся разорвать связь Баку с Москвой, летели на промыслы пламенные слова трибуна революции Сергея Мироновича Кирова, верного друга и товарища бакинцев. Направленный партией в Баку, Киров вместе с бакинцами поднимал разрушенное хозяйство нефтяных промыслов, строил новые вышки и заводы, закладывал глубочайшие скважины, разбивал сады и виноградники, проводил каналы, прокладывал новые дороги, перестраивал старый Баку и мечтал о городе, полном солнечного блеска, яркой зелени садов, сияния стекла, гладкого бетона и сверкающего, как водная гладь, голубого асфальта.

— Здесь будут сады в 1934 году. Тут станет город в 1936 году. Через три года на месте этого болота будет озеро. Этот кусок пустыни в 1940 году исчезнет — тут мы сделаем оазис.

Так говорили большевики. И слова их становились делом: на желтых просторах пустынь вставали шумя-

Старый Баку. «Девичья башня».
Фото М. Доренского.

Нефтяные вышки Сталиннефти в море, в одном километре от берега.

Фото М. Доренского.

щие сады и города, останавливались реки, создавая новые озера, высыхали болота, и живая вода, бегущая в новых канадах, рождала оазисы. Это были не мечты, а реальный план. Четкий, точный, прозаический, чуть-чуть даже суховатый, обросший мохнатым лесом цифр, обложенный пухлыми папками и скучноватыми на первый взгляд свертками чертежей.

Много менялось неприметно. Росли нефтяные вышки на Апшероне. Рос и украшался Баку. Сады и парки входили в город. На месте грязных лачуг и землянок рабочих поселков поднимались рядом с нефтепромыслами светлые многоэтажные дома и коттеджи бакинских пригородов — Арменикенда, имени Монтина, Степана Разина... Яркие краски зданий, голубой асфальт дорог, аллеи перистых мимоз, свежая зелень бульваров и скверов радовали глаз. Становилось видно, как богата земля Азербайджана.

Вместе со столицей поднимались к жизни и к богатству глухие дотоле города страны. Старая Ганджа, родина великого поэта Низами, получив славное имя Кировабад, стала крупнейшим текстильным центром, где перерабатывают азербайджанский хлопок и шерсть, в старой шелководческой Нухе вырос огромный шелкоткацкий комбинат, в Ордувате — фруктово-консервная фабрика, у берегов Куры, в заливах Каспия, множились рыболовецкие флотилии, в степях Мугани дымили хлопкозаводы.

Страна богатела. Исчезали межи на полях, и вчерашние бедняки, став колхозниками, собирали богатые урожаи на своих полях, где рычали тракторы и шумели комбайны. Зажигались в степях, в горах и в долинах электрические огни. Строились сотни новых школ.

Как-то неприметно исчезла женская чадра. Женщины пришли на заводы и фабрики, в школы и институты, заполнили собою легкую и пищевую промышленность. Вчерашняя восточная рабыня, азербайджанка, впервые осознала себя человеком. Ей были открыты все дороги в мир.

Русские товарищи — москвичи и ленинградцы, посланцы партии и советской власти, как старшие братья, любовно пестовали молодую Азербайджанскую республику. Исполнялись давние чаяния великого просветителя Мирзы Фетх-Али Ахундова, современника Пушкина, Лермонтова, Грибоедова. Словом и делом боролся Ахундов за то, чтобы его народ был грамотным и культурным, чтобы женщина перестала быть рабой, чтобы азербайджанский и русский народы стали близкими друзьями, такими же, какими для него, Ахундова, были русские ученые, русские писатели и великий русский поэт Пушкин.

Почти целый век прошел, пока исполнилась эта мечта.

Было время, и было оно совсем недавно, когда самой

популярной книгой в республике был букварь. За школьными партами, за столами и просто на полянках под чистым небом учились грамоте даже старые пастухи, седобородые колхозники, морщинистые старухи. Из глухих селений уезжала в Баку молодежь, чтобы спустя несколько лет вернуться в родные края инженерами, агрономами, мелиораторами, врачами, ветеринарами... Открывались театры, музыкальные школы, музеи. Родились свои писатели, композиторы, драматурги, режиссеры. Создавалась консерватория, филармония, киностудия, которая вскоре выросла в кинофабрику. На витринах книжных магазинов появились сочинения Ленина и Сталина, Пушкина и Шекспира, Толстого и Бальзака, Горького и Чехова, Дарвина и Менделеева, непечатанные на родном азербайджанском языке. Сложная вязь арабского шрифта сменилась «латынницей» — латинизированный алфавит, сыграв свою прогрессивную роль, уступил место новому алфавиту, созданному на основе русской азбуки.

К новому, когда оно хорошо, привыкают быстро, и это новое не всегда бросается в глаза.

Мне запомнилась одна маленькая, но примечательная для Баку деталь. Старый город, столицу нефти, можно было узнать и почувствовать с закрытыми глазами. У Баку был специфический запах. Острый, всепроникающий, надоедливый до тошноты, он преследовал вас всюду. Казалось, что не только воздух, но и стены домов, и вода, и хлеб пропитаны легкой сладковатой вонью, от которой мутило душу.

От этого запаха в Баку было невозможно спрятаться. Местные жители, разумеется, его не чувствовали. Человечек привыкает ко многому.

И вот в одно из моих свиданий с республикой я не услышал знакомого запаха нефти.

Заметил я это случайно, проходя мимо какой-то невзрачной керосиновой лавки. Резкий аромат ударил мне в нос, и тут я сообразил, что если я его чувствую, то значит там, дальше, в стороне запаха нефти уже нет. И, представьте себе, так и было. Он исчез. Воздух стал чист, как кристалл, и я чувствовал дыхание наступрий, цветущих в соседнем скверике, и колочий аромат «петушних гребешков», похожих с виду на «люля-кябаб» — шашлычную котлетку, насаженную на длинный зеленый вертел-стебель.

Мне объяснили, как объясняли когда-то цену густых клубов дыма над заводскими трубами, что запах нефти, пожалуй, стоит подороже дыма. Конечно, пышные дымные султаны выглядят весьма поэтично, как и черные фонтаны нефти, бьющие из глубины недр, но эта поэзия обходится слишком дорого...

И тогда я впервые подумал, что уже давно не слышал и не читал сообщений, какие прежде встречались частенько: «Забил мощный фонтан нефти», как давно уже

В Нагорном Карабахе.

Фото Ю. Еремина.

не видел фотографий с изображением нефтяных фонтанов. Эта мелкая деталь как-то неприметно выскользнула из сознания. А теперь, оказывается, нефтяники берут скважину на запор до того, как она начала фонтанировать и буквально выбрасывать на ветер десятки и сотни тысяч кубометров ценнейшего газа. Ведь запах нефти—это легчайшие фракции ее. Спрессуй этот запах потуже, упакуй его в бидон, в бак или в цистерну—и получишь первосортнейшее горючее для моторов.

Воздух был чист, небо ясно, море... да, и море тоже было свободно от излишних «красот». Прежде его покрывала радужная пленка нефти. Она доставила мне однажды мало удовольствия. Как-то в июльский вечер, когда Баку дышал, как раскаленная печь, я сбежал с товарищем спастись в море и, сидя по горло в воде, радовался относительной прохладе.

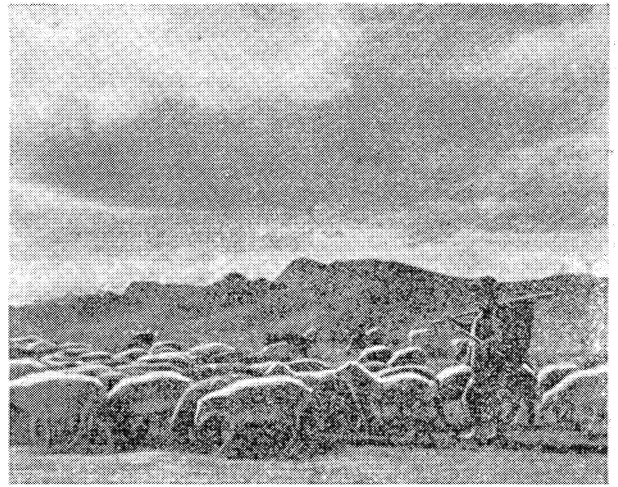
Мы провели приятный часок и вылезли из воды в полной темноте. А придя в гостиницу, принялись отмывать черные ошейники, надетые на нас ласковым морем — это был след радужной нефтяной пленки.

За каждой такой мелкой и крупной деталью, частью проходящей мимо нашего сознания, стояли цифры новых богатств. Это была разумная экономия рачительного хозяина. Ему не след было заниматься расточительностью. Это был не капиталист-хищник, а настоящий хозяин страны — народ.

...Пять долгих лет я не видел Азербайджана. Была война. Из Баку приходили письма. Я следил за республикой по газетам и все чаще встречал азербайджанские имена в списках награжденных за доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками. Названия азербайджанских дивизий упоминались рядом с именами русских городов — Керчи, Таганрога, Орла... Бок о бок с русскими братьями азербайджанцы защищали свою великую родину.

Минувшая война была войной моторов. Самолеты, танки, подлодки, автомашины, корабли, самоходная артиллерия, мотоциклы, походные электростанции требовали горючего. Гитлеровские полчища рвались к Баку. Они замыслили достичь Баку кратчайшим путем — с юга. Но этот замысел был сорван своевременным вводом союзных войск в Иран. Тогда Гитлер дал приказ взять Баку с севера. Он определил даже точную дату падения Баку — 25 сентября 1942 года. Гитлеровцы остервенело ползли к Кавказу. Но на пути бандитов несокрушимой Кавказского хребта встала могучая Красная Армия. И за ее спиной, в ближнем тылу, не зная усталости, работали бакинские промыслы, крекинг-заводы, оборонные предприятия. Весь Азербайджан поклонился товарищу Сталину: «Как не иссякают прозрачные ручьи наших гор, как не иссякает любовь народа к своей Родине, так не иссякнет и поток горючего, идущего из Баку на фронт».

Эту клятву азербайджанцы сдержали с честью. Од-

Стадо в предгорье.

Фото Ю. Еремина.

ного только бензина для авиационных моторов они давали втрое больше, чем до войны.

Под защитой Красной Армии Азербайджан продолжал расти, развиваться, богатеть, крепнуть. Уверенность в победе была так велика, что республика, трудясь дни и ночи во имя этой победы, продолжала начатую еще до войны разработку великих планов перестройки и переделки своей земли. В тяжкие военные дни народ Азери праздновал рождение своей Азербайджанской Академии наук. Это был достойный ответ фашистским варварам.

...И вот я снова здесь, в Баку! Жемчужно-розовый город лежит под крылом самолета. Мы идем на посадку. Раннее утро. С опасной скоростью падает на нас гигантский косой чертеж, составленный по всем законам картографии: желтоватая земля, темные пятна садов и парков, голубоватое море, окаймленное тонкой белой полоской прибоя, сероватые линии дорог... Как будто ничего не изменилось.

И попрежнему продолжает жить мечта. Очередь за новыми. И рядом с каждой мечтой точная дата: 1947-й год, 1948-й, 1950-й...

В этом последнем году послевоенной пятилетки Азербайджан будет добывать в полтора раза больше нефти, нежели добывал в 1945 году. Изменится, правда, удельный вес бакинских промыслов. Сорок пять лет назад они давали половину мировой добычи нефти, а полвека спустя, в 1950 году, будут давать половину общей добычи всех нефтеносных республик Союза: РСФСР, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Украины, Грузии, Киргизии и Таджикистана.

Азербайджанскую нефть добывают сейчас не только на Апшеронском полуострове. Неутомимые советские геологи нашли нефтяные месторождения в районе Кировабада, в Прикуринской низменности. Свежая поросль нефтяных вышек поднялась к югу от бакинской бухты; новые вышки вырастают в глубине материка и не только на материке, но и в море.

Нет, я говорю не об островах Каспия, где тоже добывают нефть, а о нефтяных вышках, опирающихся своими ажурными ногами прямо в морское дно. Число этих вышек растет (а совсем недавно нефть отбивывали у моря, засыпая мелководные бухты землей, глиной, камнем), и с материка один за другим бегают катеры, таща в море металлические трубы.

Должно быть, ни одна страна такой величины, как Азербайджан, не требует столько труб. И это понятно — ведь нефть приходится поднимать из глубочайших недр по трубам; десятки и сотни километров труб опускают в новые буровые скважины, по трубам же течет нефть к предприятиям, ее перерабатывающим, по трубопроводам бежит нефть через весь Кавказ — от Каспийского до Черного моря. Земля Апшеронского полуострова проколота и перевита трубами: будто толстые жирные змеи

извиваются они по сухой равнине полуострова, тянутся вдоль шоссе и железных дорог, взбираются на холмы, ползут через рвы и каналы и, как железные лианы удивительных тропических лесов, опутывают башни и сложные конструкции крекинг-заводов.

Удовлетворить потребность республики в трубах призван новый огромный трубопрокатный завод. Сегодня уже видны контуры этого первенца азербайджанской металлургии. Он строится в 40 километрах от столицы на реке Сумгаит. Рядом с ним станут новые предприятия — заводы, фабрики, комбинаты... Не пройдет и пяти лет, как вырастет новый индустриальный центр — город Сумгаит. А сегодня азербайджанцы уже утверждают, что он будет одним из красивейших городов республики. И этому надо верить.

Поднимаются корпуса новых машиностроительных и других заводов. Для машин и буровых станков, которые будут строиться на этих заводах, нужен металл. И его уже добывают в новых рудниках «азербайджанского Урала». Азербайджанской рудой будет питаться молодая металлургия Грузии.

Всем этим предприятиям — нефтепромыслам, заводам, рудникам, городам — потребуется энергия. И ее дадут новые электростанции, среди которых будет главенствовать энергетический гигант — Мингечаурская ГЭС — грандиозное сооружение послевоенной пятилетки. О нем надо говорить особо, как о стройке необыкновенной, которая резко изменит весь облик Азербайджана.

Мингечаурская ГЭС строится в самом сердце страны, там, где река Кура, пробив невысокий горный хребет Боз-Даг, вырывается на равнину, затопляя весной сотни селений и заболочивая громадные пространства.

Боздагские ворота — это широкое ущелье, прорытое Курой. За ним царствует хаос: грохот бешеной реки, бросающейся из стороны в сторону, бездорожье, безлюдье, дикие девственные леса. В нескольких километрах от ущелья приютилось маленькое селение Мингечаур. Оно стоит, как страж, словно предупреждая: «Поворачивай назад! Дальше пути нет». Это, кстати говоря, точный перевод имени селения.

Но советские люди прошли за Боз-Даг. Сегодня там по воле большевистской партии работают тысячи строителей, сегодня там рычат танки, прокладывая дорогу лесорубам, валяясь наземь вековые деревья, свистят пилы, стучат топоры, гремят взрывы. Это готовят ложе будущему Мингечаурскому морю.

Оно образуется после того, как ущелье будет закрыто циклопической плотной — величайшим земляным сооружением в СССР. Ее ширина — пятьсот метров, длина — полтора километра, а высота — двадцать этажей.

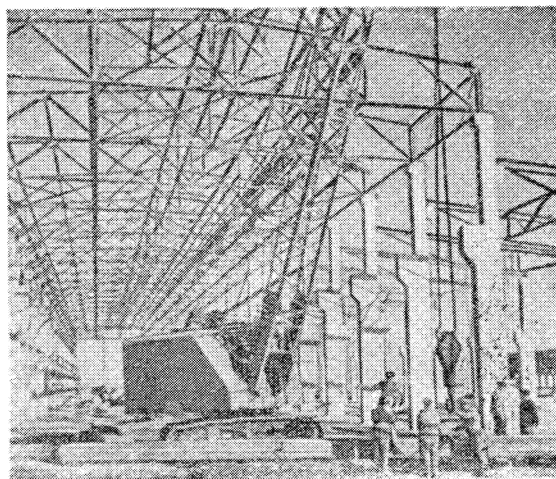
Новый водоем в центре Закавказья вместит 16 миллиардов кубометров воды. По площади он будет чуть меньше Женевского озера, а по запасу воды в 13 с лишним раз превысит Московское море, отмеченное уже на всех географических картах мира.

Побежденная Кура будет вращать шеренгу турбин Мингечаурской гидроэлектростанции, по мощности равной 2/3

Долина Куры в районе Боз-Дага.

ГОРОД НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ СУМГАИТ

Строительство литейного цеха Сумгаитского трубопрокатного завода.

За последнее десятилетие в Азербайджане разведаны большие запасы руд. Огромные залежи железной руды найдены в Дашкесане, богатые месторождения алунитов — сырья, из которого производится алюминий, — в районе Заглика.

В новой пятилетке началась разработка обнаруженных залежей. Часть из них будет обрабатываться в городе Сумгаите, находящемся на берегу Каспийского моря, в сорока километрах от столицы Азербайджана — Баку.

Сегодня это только станция и растущий изо дня в день поселок. Сумгаит — город будущего. Сейчас — если ехать по шоссе или поездом — на тысячи гектаров с обеих сторон дороги тянутся по степи котлованы, фундаменты, ажурные конструкции цехов, которые обрастают кирпичом, изредка — готовые коробки зданий. Ветер разносит характерный запах стройки — свежеструганного дерева, бетона, свариваемого железа.

В 1948 году, когда будут пущены заводы первой очереди, количество рабочих-строителей и производственных рабочих достигнет до двадцати тысяч.

Уже готовы теплоэлектроцентрали, которая пока отдает часть тока предприятиям Баку, ремонтно-механический цех трубопрокатного завода и несколько цехов других заводов.

Трубопрокатный завод — наибольший из строящихся в Сумгаите. Рельсовые пути между цехами протянутся на 65 километров. В цехах будут установлены блюминг, прокатный и трубопрокатный станы. От скважины, где нефть впервые выходит из недр земли, до пристани, где

нефтепродукты качают в трюмы танкеров, горючее движется по трубам. Через два года у нефтяной промышленности Баку будут трубы, изготовленные здесь же, в Баку, из местного сырья. Дашкесанская руда будет служить сырьем для сумгаитского трубопрокатного гиганта.

Площадка строящегося рядом алюминиевого завода похожа издали на гигантский муравейник. Между горами вырытой из котлованов земли строители сооружают фундаменты, ставя на них железобетонные колонны. Этот завод также начнет давать продукцию в 1948 году. Сырье для Сумгаитского алюминиевого завода дадут алуниты Заглика. Азербайджанские горняки начнут добывать их ко времени пуска завода.

В местах нефтяных месторождений на поверхность земли выходят подземные газы. Если зажечь такую газовую струю, она будет гореть.

В Сумгаите эти газы тоже найдут применение. Газы будут поступать на завод по специальному трубопроводу.

На берегу моря растет жилой городок. Строятся одно- и двухэтажные дома и маленькие домики-коттеджи. Место строительства окружает однообразная, ровная, лишенная растительности степь. Но человек меняет и пейзаж местности. Вокруг строящихся домов уже кое-где мелькает зелень — сосны, олеандры, персидская спирень. Будущей весной здесь высадят тысячи деревьев и кустов, устроят скверы и цветники.

Таков будет один из замечательных городов новой пятилетки, младший брат Баку — Сумгаит.

Днепрогэса. Она обеспечит дешевой энергией город Баку, старые и новые нефтяные промыслы, новые заводы и фабрики, новые города и селения, которые вырастут в мертвых сегодня степях. Исчезнут болота, а с ними и местный бич — малярия. Широкой водной дорогой ляжет извилистая ныне, петляющая вправо и влево Кура. Плененная вода покорно потечет по уготованным ей каналам, похожим на полноводные реки, пройдет по туннелям, пробитым сквозь толщу горных хребтов, и оросит не освоенные доныне земли Кура-Аракской низменности.

Орошаемые площади в республике увеличатся. Голые степи станут богатейшей житницей Закавказья — цветущим краем пшеничных полей, садов, хлопковых плантаций. И сегодня уже ученые и инженеры перекартывают карту страны, проводя голубые линии будущих реканалов, толстый черный пунктир железных дорог, плавные серые ленточки шоссе, и очерчивают циркулем большие и малые кружочки будущих промышленных центров, городов, селений, железнодорожных станций, пристаней — ведь по будущей Куре пароходы смогут курсировать в глубь материка круглый год, ибо реки здесь не замерзают.

Новым полям, плантациям, садам понадобятся десятки и сотни тысяч тонн удобрений, и республика получит их на месте со своего мощного азотно-тукового комбината. Рассвет сельского хозяйства, животноводства, садоводства, виноградарства будет способствовать дальнейшему подъему ведущей отрасли республиканской экономики — нефтяной промышленности. Так звено за звеном связываются воедино все народнохозяйственные отрасли Советского Азербайджана.

Да, в 1950 году он будет совсем иным, нежели мы видим его сегодня. Значительно изменится облик страны, пейзаж украсится новыми красками, даже климат в отдельных районах, особенно в зоне Мингечаура, приобретет иной, более приятный характер. 1950 год — это еще не свершение сегодняшней мечты, а лишь начало ее осуществления.

...И вот двадцать лет спустя после первой своей встречи с Азербайджаном я снова здесь, в Баку, на ветреном Паранеге... Позади осталась серая пыль Боз-Дага, грохот танков, рушащих девственные леса на дне будущего Мингечаурского моря, ночные костры у горных стоянок геологов, черные тучи малярийных комаров над куриными болотами, дрожащие огни на стройплощадке Сумганта, сады Кировабада, Шамхора, Евлаха... Как и двадцать лет назад, сейчас дул норд, звенящий вегер, стонущий, будто оркестр гигантских золотых арф. Море кипело и клокотало, рыча, набрасываясь на берег, окованный серым камнем. Да, это действительно был Баку — город ветров: ведь древнее имя города и значит — удар ветра. Ведь здесь, у Апшерона, 334 дня в году играют штормы. И я живо вспомнил свою давнюю встречу с инженером, которого покорила эта страна — страна огня, страна мечты, страна славы. Теперь я понимал его, и меня уже не могла удивить восторженная его любовь — она ничуть не казалась мне странной. За долгие годы странствий по родной земле я видел, узнал и понял многое.

Уже погасли розовые краски заката, стих норд, и берег загорелся тысячами огней.

Далеко в море шли корабли: на юг — в Иран, на север — к устью Волги, на восток — в Красноводск. Изумрудами и рубинами мерцали сигнальные огоньки на невидимых мачтах. Шумел позади меня город, звенели трамваи, шуришали шины автомобилей по влажному вечернему асфальту. Немолчный голос города заглушал шелест листьев, мягкий рокоток моря и низкие басовитые гудки танкеров, уходящих в плавание.

Светлое зарево стояло над Баку, как сказочный зодиакальный свет. Я невольно опустил руку в карман и, нащупав горсть монет, хотел бросить их в Каспий, но тут же рассмеялся: к чему было оживлять древние поверья? Я знал, что все равно вернусь сюда, чтобы увидеть торжество мечты, осуществленной руками человека.

Это шоссе построено в дни войны. Построено отлично. По ровной иссиня-грифельной ленте асфальта от Баку до Астары (село на границе с Ираном) мчатся машины — пустые, груженные, с людьми. Дорога то идет по берегу Каспийского моря, то уходит в степь.

Вот и цель путешествия — показалась Кура. На левом крутом берегу, в двадцати километрах от устья, стоит знаменитый Банковский (поселок Банк) комбинат имени Кирова, изготовляющий треть мировой продукции черной икры.

Черная — зернистая и паюсная — икра добывается из осетровых — осетра, белуги, севрюги. Рыба эта, иначе называемая красной, ловится преимущественно в апреле и мае, когда она мечет икру. Красная рыба живет в море, а метать икру идет в реки, больше всего в Куру. Весной неповоротливые громадные белуги, полтораметровые осетры, стремясь к местам икрометания, идут по реке против течения, перематывая через отмели. Рыбаки свысока относятся к этой рыбе за ее простодушие — белуга ловится на кусок белой клеенки, насаженный на самоловку (на комбинате ловля идет в массовых масштабах, неводом).

Лучшие экземпляры выловленных осетровых комбинат живыми отправляет на находящуюся неподалеку Куриинскую рыболовную станцию. Это единственный в мире рассадник осетровых, где их выводят, искусственно оплодотворяя икру. Здесь готовится материал для «засева» морских просторов, засева, который дает стада ценнейшей рыбы. Станция ежегодно выпускает на волю десятки миллионов рыбьих мальков. Кроме того, научные работники станции ищут условия, позволяющие получить икру от рыбы, выросшей в неволе.

На прилегающем обширном дворе — вделанные в землю цементные бассейны разных размеров, наполненные водой, куда выпускают взрослую рыбу. Вода в бассейнах проточная, специальные

насосы создают в ней быстрое течение. В воду под значительным напором подается воздух, обогащающий ее кислородом.

Созревшую и оплодотворенную икру работники станции помещают в инкубаторы. Это деревянные ящики, затнутые сверху частой металлической сеткой.

Инкубаторы, укрепленные на якоря, плавают в Куру. Вылупившиеся мальки очень нежны, в природных условиях они гибнут тысячами, здесь их выращивают в больших деревянных бассейнах — выростниках — во дворе станции. Когда мальки подрастут, их переводят в цементные бассейны.

Еще пара недель — и маленькие осетры и севрюжки не только способны ускользнуть от хищников, подстерегающих их в море, но сами смотрят, как бы кого проглотить. Тогда работники станции снаряжаются в очередную экспедицию. Осетровую молодь вылавливают сачками из бассейнов и выпускают в ящики и ведра с водой. Катер увозит их вниз к дельте Куры. Тут ящики и ведра опрокидываются, мальки уходят в родное Каспийское море, чтобы через несколько лет вернуться в Куру взрослыми рыбами.

В. С.

Научный работник станции П. Буров осматривает севрюгу, от которой возьмут икру.

Фото Ф. Шевцова.

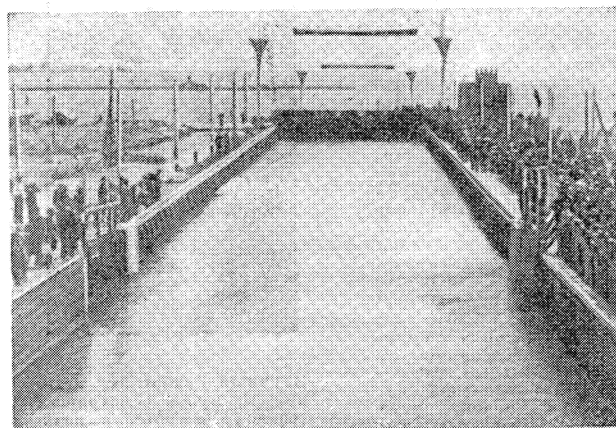
Беломорканал

ГЕННАДИЙ ФИШ

Фото Н. Клишно

Пассажирский пароход «Вересаев» открывает навигацию на Беломорско-Балтийском канале имени товарища Сталина.

Восстановленная верхняя камера шлюза № 1 в день открытия навигации 28 июля 1946 года.

Больше двухсот лет мечтали об этой дороге. Тринадцать лет назад она была открыта. Разрушительное дыхание войны бурей пронеслось над ней.

И вот в жарком июле 1946 года снова первый пароход поднялся по Повенчанской лестнице на сто два метра — пересек водораздел между Белым и Балтийским морями — и по реке Выг, по шлюзам медленно спустился в море, которое еще издавна непоседливыми соседями — викингами — называлось «Русское море». Так и по сей день называют его финны и шведы.

Издrevле мечтали новгородцы о кратком морском пути на русское поморье. Но до Сталинской эпохи мечтам этим суждено было оставаться мечтами. Проходили на поморье мореходцы через Варяжское море, огибая Швецию, скалистые берега Норвегии, и, только миновав Скандинавию, совершив по чужим, часто враждебным морям длинный путь в четыре тысячи восемьсот километров, приходили раньше новгородские суда, а затем и пароходы из Санкт-Петербурга в Архангельск.

До 1933 года пароходы шли из Ленинграда до Архангельска семнадцать суток, а по прямой расстояние между городами всего 600 километров.

Водный путь простирался лишь до северных скалистых берегов Онежского озера — до древнего деревянного города Повенца. Оттуда иные смельчаки тянули свои сруги и карбасы против течения по быстрой порожистой речке Повенчанке, проходили по озерам, из которых бесчисленными островами славилось озеро Выг. «На Выг-озере островов, что дней в году» — гласила старая пословица. А там снова волоком по болотам и дремучим лесам, по порожистым речкам шел путь этих редких смельчаков.

А для всего народа правилом была другая пословица: «Повенец — миру конец». Отсюда уже ни путей, ни троп, ни перепутий. Одно слово — миру конец.

И лишь однажды великой волей, великой необходимостью государственной, величайшим напряжением сил мечта эта на две недели как бы воплотилась в жизнь. И затем снова более чем на два века заглохла.

В кровопролитной и длительной войне со Швецией пробивала себе Россия «окно в Европу». Всем известны история нарвских сражений, история Полтавской победы, но гораздо меньше написано о том, что победа морская, Гангут, была заложена здесь, у берегов Белого моря. Проведенные отсюда суда положили основание нашему Балтийскому флоту.

На берегу Белого моря, неподалеку от теперешнего города Беломорска, расположено старое рыбацкое поморское село Нюхча. Вот что записано в «Церковном памятнике села Нюхчи» о том, как Петр Первый протасил свои боевые суда из Белого моря на Балтику:

«В 1702 году проходил Петр с сыном своим Алексием и синклитом в Нюхчу с моря. Свиты его, кроме начальников, ближайших бояр, духовных особ и чиновных людей, было 4 000 человек (солдат). Царь пристал из Архангельска через пролив океана на 13 кораблях под горою Рислуды, а на малых судах пристал к Вардегоре; корабли изволил отпустить в Архангельск. От пристани царь шел в Нюхчу и изволил посетить село; отсюда пошел в Повенец мхамн, лесами и болотами (160 верст), по которым были деланы мосты Соловецкого монастыря крестьянами. По этой дороге людьми протасены два

корабли до Повенца, от которого его величество озером Онегою на судах поплыл в пределы Великого Новгорода и пришел к городу Орешку, что ныне именуется Шлиссельбург».

Так волоком по просекам и гатям, на катках были протасены петровским войском и крестьянами два фрегата — «Святой дух» и «Курьер». И с этими войсками и другими судами, построенными в Лодейном поле, неожиданно для противника Петр явился на подступах к Балтике.

Просеки заросли молодняком. Прошли годы. Молодняк успел состариться. Только в немногих местах в лесной чаще сохранились следы этого похода, да есть они еще в названиях некоторых мест в Карелии. И мечта продолжала оставаться мечтой.

В Петрозаводском музее на стене укреплена доска с фамилиями людей, хлопотавших в течение двух веков о том, чтобы каналом соединить Белое и Балтийское моря. Там поименованы и пудожский купец Бакинин, и купеческий сын Антонов, промышлявший рыбой, и директор олонечского завода Армстронг, и Петербургское вольно-экономическое общество, и десятки других, неизменно получавшие от правительства стереотипный отказ, глядящий, в зависимости от настроения, о том, что эти проекты или технически неосуществимы, или экономически невыгодны.

Да и в самом деле, край был дикий, пустынный, богатства его еще не были даже разведаны, и разве только рыбу и лес можно было раньше перевозить по этому пути. Но лесу и вокруг столиц было немало.

2

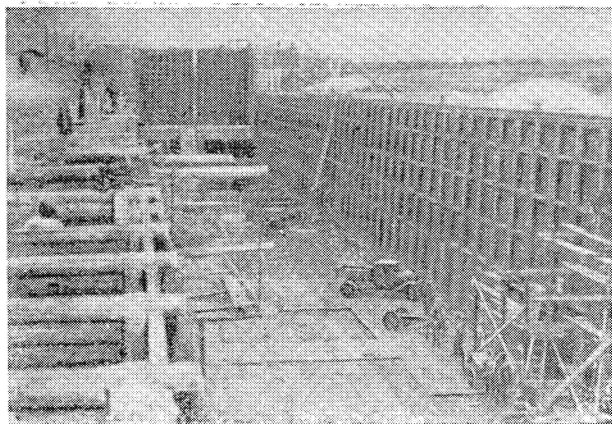
Все изменилось с тех пор, как советский народ принялся строить социалистическое общество. На севере началось громадное строительство. Открыты в Хибинах апатиты, необходимые для производства удобрений, исчислялись миллионами тонн. На Кольском полуострове нашли железную руду и никель. Осваивался Великий северный морской путь. Проход судов по маршруту Ленинград—Владивосток через внутренние воды постепенно становился повседневной реальностью. Волею большевистской партии и всего советского народа осуществилась идея строительства канала, соединившего Балтийское море с Белым.

Мечта воплотилась в жизнь.

Среди топей и болот, лесов и скал, на зыбкой почве, изобилующей пльвунами, и в скалистых грядках, где приходилось прокладывать путь только взрывчаткой—аммоналом, в двадцать месяцев—в рекордно короткий срок был построен самый большой канал в мире—протяжением в 227 километров!

Путь из Балтийского моря в Белое сократился на четыре тысячи километров и теперь весь проходит во внутренних водах Советского Союза. Он идет от Повенца вверх по реке Повенчанке через озеро Водло, Воло-Матко, Узкое. Здесь водораздел: с одной стороны, берут реки в Белое море, с другой—в Балтийское. Вода в озерах была поднята. Они соединились друг с другом. Это огромная, в весенние и летние дни—голубая, сияющая на солнце, в хмурые осенние дни—серая, неприветливая, холодная полоса воды. В некоторых местах трасса канала совпала со старым петровским путем.

Теперь старые пословицы стали анахронизмом. Повенец уже не миру конец, а начало нового пути в широкие морские просторы. Советский север этим каналом связан с советским югом—с Волгой, Каспием, и с советским западом—Ленинградом, Эстонией, Латвией, Калининградом (Кенигсбергом). И на Выг-озере островов стало значительно меньше, чем раньше,—подпертое плотинами и другими гидротехническими сооружениями, оно значительно повысило свой уровень, и вода затопила много поросших лесом островов и островков. Теперь это озеро—главный узел канала, подпертое Надвоицким шлюзом, одно из величайших в мире водохранилищ. 7,1 миллиарда кубометров воды! Такое водохранилище обеспечивает не только водный режим канала, но и режим таких рек, как Выг и Кумса, используя падение которых можно построить гидроэлектростанции,

Восстанавливаемая нижняя камера шлюза № 3. На втором плане — ворота шлюза.

Лучшие из лучших. Бригада плотников тов. Горowego в течение 10 месяцев работы выполняла нормы в среднем на 170 процентов.

вырабатывающие свыше полутора миллиардов киловатт-часов.

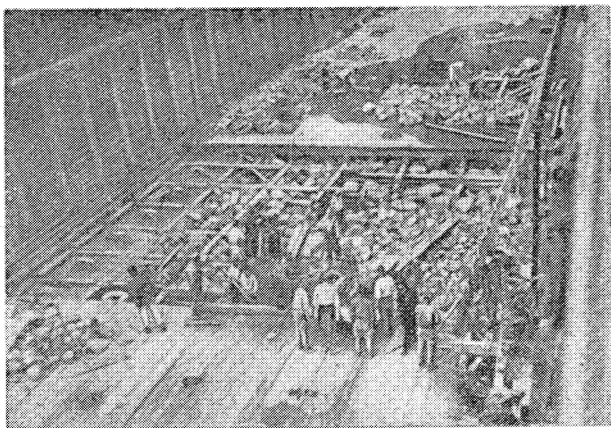
Дальше от Выг-озера ступень за ступенью, шлюз за шлюзом спускается канал к Белому морю.

В двадцать месяцев в тяжелейших условиях строители соорудили 19 шлюзов, 15 плотин, 12 водоспусков, 49 дамб и 33 искусственных канала.

В июле 1933 года канал был сдан в эксплуатацию.

В конце июля по трассе канала прошел пароход «Анохин», на борту которого находился тот, по чьей инициативе канал был построен и чьим именем назван,—Иосиф Виссарионович Сталин, со своими соратниками товарищами Кировым и Ворошиловым.

Около восемнадцатого шлюза «Анохин» догнал два судна Военно-Морского Флота, совершавших по приказу вождя переход из Балтийского моря в Белое и дальше в

Шлюз № 2. Заделка дна камеры, взорванной авиабомбой.

Баренцovo. На миноносце состоялся митинг, на котором товарищ Сталин объяснял краснофлотцам значение для Советского Союза северных морей и необходимость создания Северного флота. Эти два корабля, проведенные по Беломорско-Балтийскому каналу, и были зародышем нашего Северного военного флота, который так героически сражался с фашистами на крайнем правом фланге фронта Великой отечественной войны. В поселке Сорока товарищ Сталин пересел на поезд и проехал дальше на север, к Баренцову морю. Здесь он наметил место строительства базы Северного флота.

Дата пребывания товарища Сталина с краснофлотцами на севере и стала датой праздника Военно-Морского Флота.

Беломорско-Балтийский канал не оставался только великой транспортной магистралью. Нет, он оживил весь пустынный край, через который пролегла его трасса. Он стал основой экономического и культурного расцвета Северной Карелии.

На том месте, где воды канала сливались с серыми и холодными водами Белого моря, возник большой морской порт и, вместо маленького поселка Сорока, — город Беломорск, ставший на время Отечественной войны, когда Петрозаводск был оккупирован врагами, временной столицей Карело-Финской союзной республики. На трассе канала была построена большая мебельная фабрика в Надвоицах. В Сегеже был выстроен и пущен в эксплуатацию крупнейший в Европе целлюлозно-бумажный комбинат, в Пиндушах — верфь деревянного судостроения. Медвежегорск из глухой, захудалой станции стал городом. Перед войной проектировалось строительство новых гидроэлектростанций, которые должны были дать энергию для электрификации Кировской железной дороги и всего края. Вокруг канала был создан ряд совхозов. Они добились блестящих успехов в развитии северного сельского хозяйства, животноводства и звероводства.

За первые семь лет было перевезено по каналу свыше десяти миллионов тонн различных грузов и около двухсот тысяч пассажиров.

Перспективы развития Севера оказались беспредельными.

И тут на нашу родину обрушились дикие орды фашистских изуверов. От Черного моря до Баренцова простиралась линия фронта, шла небывалая в истории человечества война. Ожесточенные бои шли и на территории Карелии.

3

Помню, в первых числах октября 1941 года вместе с товарищем ходил я по деревянному, уже наполовину эвакуированному Повенцу. Прошли мы мимо первого шлюза канала, дошли до начала Петровской просеки и повернули обратно, разыскивая домик, в котором жил здесь в ссылке в 1904 году Михаил Иванович Калинин. С трудом разыскали мы этот простой бревенчатый домик с небольшим палисадником, за которым высиялись

облетающие пожелтые березы. Серое небо. Серая волнующаяся рябь залива Онежского озера. В ту минуту мы и не знали, что вот здесь, около этого домика, остановится почти на три года линия фронта. Когда в следующий раз, через год, я был в расположении частей, левым флангом своим примыкавших к Онежскому озеру, этого домика, в котором когда-то жил М. И. Калинин, уже не было. И города тоже уже не было. Из окопа в бинокль мы видели только развороченные срубь, занесенные теском и илом черные угли пепелищ. Город был сожжен войной и сметен водяным валом, перекорезившим все и занесшим песком то, что сохранилось от огня. Город был рассечен линией фронта.

Враг ворвался в Медвежегорск, враг докатился до трассы канала. В районе пятого шлюза он дошел до плотины.

Невероятным взрывом плотину подняло в воздух. Никто никогда не расскажет о том, что произошло в этот серый северный октябрьский день. Живых свидетелей не осталось. Сто пятьдесят миллионов кубических метров воды ринулось сразу на то место, где была плотина. Вода шла огромной волной, стеной невероятной силы, сметая все на своем пути. Лавина эта обрушилась на пятый шлюз. Сорок шестую дамбу слева смыло, смыло двести тысяч кубометров земли. 1250 вагонов земли! Уничтожив дамбу, вода вырыла большую вытянутую долину глубиной до пятнадцати метров, повернула влево и смыла другую дамбу — еще полтора тысячу кубометров земли — и пошла уже прямо к Повенецкому заливу. Другой поток ударил в головные ворота шлюза, сорвал их, сдвинул левый бетонный устой (20 000 тонн), вырвал правую стену шлюза и, ломая лес, сметая дома, покатились вниз. Река в этот день изменила свое русло, а два миллиона кубометров вынесенного грунта и песка земли занесли руины сгоревшего Повенца...

Дальше врагу не удалось здесь продвинуться ни на шаг.

Шлюзы канала стали как бы непроходимым водоразделом между двумя лагерями. Измотав противника, Красная Армия заставила его остановиться здесь.

Два года и восемь месяцев проходил фронт вдоль Беломорско-Балтийского канала — вплоть до раннего утра 19 июня 1944 года, когда началось наступление на Карельском фронте, наступление, которое вымело всех врагов с территории Карелии.

Еще Берлин не был взят нашими войсками, когда пришли на канал первые восстановители. Жить было нелегко. Земля была изрыта окопами, вздыблена взрывами, роши опалены огнем и разбиты снарядами, ворота шлюзов сорваны.

Казалось, гораздо легче построить новый канал, чем разбираться в этом страшном переплетении вздыбленного, перекорезанного материала, железной арматуры, сгнивших досок, разбитого бетона.

От дней войны здесь оставались землянки. И эти землянки стали первым жильем восстановителей. Но подступы к ним были заминированы. И все леса, дамбы, берега, все окрестности канала тоже были минированы. Тысячи, десятки тысяч самых разнообразных мин, и простых и с сюрпризами, оставили здесь белофинны. Немало труда было отдано на то, чтобы разминировать места, окружающие трассу канала.

В Законе о пятилетнем плане, принятом на Первой сессии Верховного Совета СССР, записано, что Беломорско-Балтийский канал должен быть пущен в 1946 году.

Но в 1946 году есть и июль месяц и ноябрь. Если пустить канал в декабре — первая навигация будет в следующем, 1947 году. Если пустить в июле — навигация по каналу пройдет еще в первом году послевоенной пятилетки.

И вот, вдохновленный речью товарища Сталина на предвыборном собрании 9 февраля, коллектив работников Беломорстроя написал письмо вождю. Они обязались: «Открыть навигацию на Беломорско-Балтийском канале имени Сталина в июле 1946 года» и «закончить сооружение канала и эксплуатационные поселки, с тем чтобы восстановленный канал был лучше и красивее, чем прежде, до войны».

Это письмо стало боевым приказом на строительстве. Однако не так-то легко было выполнить его. Все силы природы, казалось, соединились для того, чтобы помешать его выполнению, — ливни, паводки, морозы, метели.

Но и зимой бетон клали в тепляках. На одном только пятом шлюзе, где работами руководила Татьяна Михайловна Хорева, в наскоро сколоченных, ветхих сараях день и ночь топились пятьдесят печей. На четвертом шлюзе укладкой бетона руководил молодой инженер Ю. С. Абрамов. Он же был и секретарем партийной организации. Бушевала заметающая все следы, суровая карельская пурга. Мороз обжигал безжалостно. Но нельзя было допустить ни минуты задержки в работе, иначе сорвалось бы бетонирование шлюза. Абрамов пятьдесят два часа без отдыха, вдохновенно работал на шлюзе на открытом воздухе. Он обморозил лицо. И ни один из рабочих не оставил своего вожака. Ушли голодные, замерзшие, но только тогда, когда дело было совсем закончено.

Так работали на всей стройке. И вдруг прорыв! Нет дров, нет лесоматериалов. Тепляки могут каждую минуту стать холодильниками. Электростанция вот-вот остановится из-за нехватки топлива. Ряжевые работы срываются. Метели и снежные заносы мешают своевременно подвезти лес. И тогда снимаются рабочие с второстепенных участков; возглавляемые коммунистами, идут в лес, на лесные делянки, и начинают там работать, соревнуясь друг с другом.

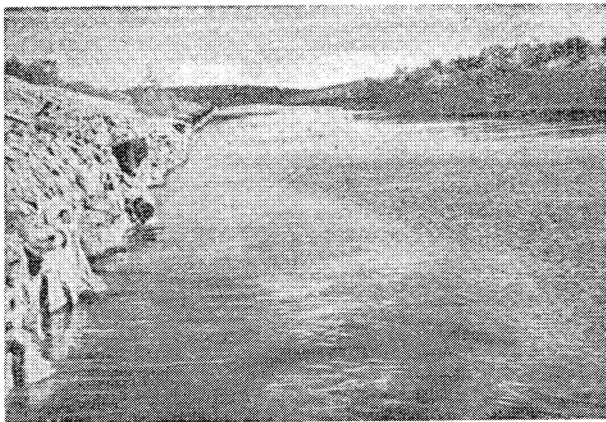
По льду Онежского озера прокладывается срочно ледовая трасса. В холод, в метели, в темные, непроглядные ночи северной зимы по льду шли груженые лесом машины на стройку. Леса теперь хватило.

На помощь строителям пришла новая высокая техника. И только благодаря сочетанию самоотверженной работы с новой высокой техникой удалось выполнить слово, данное товарищу Сталину. Большая часть земляных работ была произведена с помощью гидромеханизации. Мощные землесосы брали из забоя разжиженный грунт и по трубам большого диаметра гнали его в насыпь, в тело дамбы.

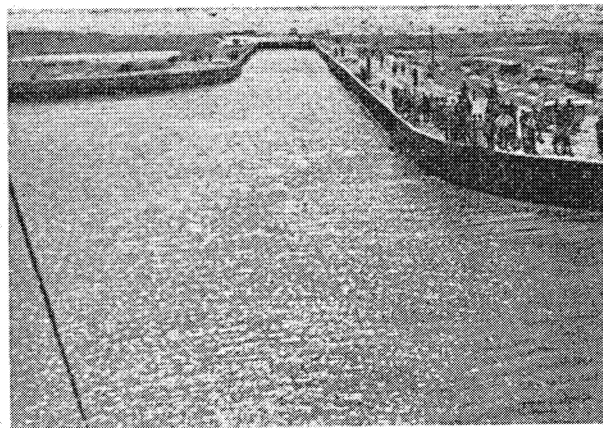
Впервые в широких масштабах на стройке применялась сушка древесины токами высокой частоты.

И вот, вынув и засыпав 1 250 000 кубометров грунта, срубив 113 000 ряжевых конструкций, восстановив 8 шлюзов, 19 плотин и дамб, построив 25 000 метров жилой площади и закончив много еще других работ, в памятный день Военно-Морского Флота строители рапортовали великому Сталину о том, что клятва их выполнена.

28 июля белоснежный пароход «Вересаев», несая на своем борту руководителей стройки, лучших строителей, гостей, правительство Карело-Финской республики, под торжественные звуки гимна спускается вниз по шлюзам Повенчанской лестницы.

Вид канала перед выходом в Волозерское водохранилище, питающее южный склон. Здесь канал проходит по руслу реки.

В районе шлюза № 3.

Ветер колышет знамена, доносит аромат свежей смолы...

У ворот первого шлюза — там, где бескрайная гладь Онеги, — его ждет многотысячная толпа. Строители. В жарком воздухе солнечного дня разносятся речи победителей — людей, вернувших родине важнейшую водную магистраль Севера.

С палубы «Вересаева» виден новый, свежесрубленный, чистый поселок — начало нового города Повенец. К строителям приходит телеграмма товарища Сталина:

«Медвежегорск, Карело-Финской ССР.

Беломорстрой Министерства внутренних дел СССР — товарищам Бусыгину, Малышеву, Куприянову, Кузнецову.

Приветствую и поздравляю строителей Беломорстроя МВД СССР с завершением в короткий срок восстановления важнейшей водной магистрали Беломорско-Балтийского канала.

Проведенная Вами большая работа вновь открывает водный путь для перевозок массовых грузов между Белым морем, Волгой и Балтийским морем, существенно разгружая железнодорожный транспорт.

Желаю Вам и всему коллективу Беломорстроя дальнейших производственных успехов в выполнении порученных новых задач по строительству важнейших государственных объектов.

И. Сталин».

Итак, еще один пункт пятилетнего плана превратился в живую реальность. Навигация первого года новой пятилетки совершается уже и по Беломорско-Балтийскому каналу. За первый месяц работы канала уже прошло по его путям и шлюзам двести судов! Прошли караваны барж на Обь и Енисей, тысячи кубометров леса в Ленинград.

Хибиногорский голубоватый апатит для всего Союза, мончегорские железные руды для металлургического гиганта в районе Ленинграда, каменный уголь с далекой Печеры, строительные материалы Карелии, лес — вот что пойдет по каналу, а для северных районов хлеб и грузы для экспедиций Северного морского пути. Снова восстанавливается путь: Ленинград — Северная Сибирь — Курильские острова — Владивосток, проходящий по внутренним водам Советского Союза.

Сюда, на Онежское озеро, долетает соленый запах Ледовитого и Тихого океанов... И здесь звонко звучат голоса строителей, поющих свою песню:

Из Белого моря к балтийским волнам
Путь снова проложен советским судам.
В труде беззаветном в карельском краю
Мы Сталину клятву сдержали свою.
Привет вам, Советской страны корабли,
Мы сделали все, чтоб вы плавать могли
С Балтийского моря к полярным волнам.
Пусть солнце отчизны сопутствует вам!

Возвращение „Морского Льва“

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

Повесть

Рис. Б. Езиева

ГЛАВА ПЕРВАЯ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ

I

Нож семь раз перевернулся в воздухе, пролетел над Васиной головой и вонзился острием в красный ствол сосны.

Вася не вздрогнул, не обернулся. Нагнувшись над ручьем, он долго выбирал место, где вода посветлей, потом, не торопясь, зачерпнул ведром. Выпрямившись, с полным ведром в руке, он медленно пошел от ручья к бараку, ни разу не взглянув на Матю.

Улыбающееся Матино лицо стало грустным и строгим. — Пстой! — сказал он умоляюще.

Но Вася прошел мимо, не обернувшись.

Матя был всего на два года старше Васи, но казался совсем уже взрослым. Звали его Матвей Паркин, он служил матросом на моторном катере «Морской лев». Вася подружился с ним еще в начале лета, задолго до того, как сюда, на северный берег озера, пришли финские войска. Матя был карел, но по-русски говорил, как русский: он родился на восточном берегу, возле города Олонца. Когда «Морской лев» приходил в бухту, Матя шел в лес к бараку, где жил Вася с отцом и с другими лесорубами. Заметив Васю перед бараком, он останавливался от него шагах в пятнадцати и, ухватив нож двумя пальцами за острие, швырял. То, что умел делать Матя с ножом, всегда казалось Васе чудом. Много раз перевернувшись в воздухе, пролетев над Васей, нож вонзался в дерево.

Потом они шли на берег озера и бродили вдвоем по плоским песчаным отмелям. Они оба были комсомольцами — Вася совсем молодым, вступившим в комсомол всего три месяца назад, а Матя — с двухлетним стажем; оба мечтали о создании комсомольской судовой команды, где все будут комсомольцами — от капитана до кока. Они говорили о том времени, когда Вася тоже станет матросом и будет плавать вместе с Матей на «Морском льве». Это было решено бесповоротно. Отец Васи всю жизнь был лесорубом. Вася зимой учился в школе, в маленьком городке Вологодской области, а летом уходил с отцом в лес. До этого лета он не знал, кем будет, когда станет взрослым. Но, попав на северный берег Ладожского озера и встретившись с Матей, он понял, что будет моряком.

Как все ладожские моряки, Матя называл свое озеро морем. И оно совсем, как море, только вода в нем

пресная. Вася никогда не видел моря, но много читал о нем и часто старался его себе представить. Здесь, на берегу огромного озера, Васе казалось, что он уже когда-то слышал этот могучий шум ветра в прибрежных соснах, этот вечный, не умолкающий ни днем, ни ночью грохот тяжелых волн, что он уже не раз глядел на эту далекую полоску горизонта, где хмурое небо спадает к хмурой воде, на этих белых чаек, косо летящих над гребнями волн. И Матя, коренастый, молчаливый, уверенный, с голубыми твердыми глазами, такой загорелый, что волосы его были светлее лица, почти все время проводивший в плавании, казался Васе властелином этих могущественных и опасных просторов. Он завидовал Мате, восхищался им, подражал его развалистой небрежной походке, любил его и дружил с ним, — до тех пор, пока берег не заняли финские войска. — Ну, стой, — попросил Матя еще раз.

Вася не обернулся. Слегка сгибаясь от тяжести ведра, он шел к бараку.

Матя подпрыгнул, вытащил из сосны свой нож, сунул его в ножны, висевшие на поясе, и пошел за Васей.

— Ты остался совсем один, я знаю, — говорил он, догоняя его. — Ты не можешь жить один. Тебе нечего есть...

Вася шел к двери барака, делая вид, что не слышит.

— Я знаю, что тебе нечего есть, — говорил Матя, догнав его и идя с ним рядом. — Я видел, как ты вчера весь день собирал клюкву на болоте...

Вася молчал. До двери барака оставалось всего несколько шагов.

Матя торопливо засунул пятерню себе за пазуху и вытащил кусок черного хлеба. Он взял Васю за свободную от ведра руку и стал совать хлеб ему в ладонь. Но Вася пальцев не сжал, и хлеб выпал на землю.

— Хорошо, — сказал Матя, нагибаясь и поднимая хлеб. — Я положу его сюда, на пень. Когда тебе захочется есть, ты выйдешь и съешь.

Он положил хлеб на пень, перед самой дверью. Вася остановился, обернулся и поставил ведро на землю. Потом вдруг взмахнул ногой изо всех сил и напудал хлеб носком сапога.

Краюшка взлетела, пролетела над пнями перед бараком и, шевельнув листья ольхи, упала в ручей.

Вася поднял ведро и ушел в барак. Матя долго стоял перед дверью, молча глядя внутрь, в темноту.

— Ну, тогда прощай, — сказал он наконец.

И медленно побрел прочь, к деревне.

2

Барак был низкий, длинный, без окон, наскоро сколоченный из досок, — не барак, а, как его называли лесорубы, «шалман». Свет проникал в него только через раскрытую дверь да через отверстие в крыше, сквозь которое была просунута жестяная труба печурки. Входящему вначале казалось, что в бараке совсем темно, но потом глаза начинали привыкать и можно было различить длинные нары вдоль стен и лежащие на них тюфяки — двенадцать с одной стороны и двенадцать с другой. Здесь, в этом бараке, Вася прожил все лето вместе с отцом и лесорубами. Но потом пришли финские солдаты, выгнали ночью всех лесорубов из барака и повели куда-то через лес.

Васю они не взяли, — они брали только взрослых. Вася шел уже семнадцатый год, но ростом он был велик, и его принимали за четырнадцатилетнего. Он хотел идти вместе с отцом, но отец велел ему остаться, а утром отправиться по берегу в город Сортавалу, там сесть на пароход, переплыть на южный берег озера и оттуда добираться домой, к матери. Однако утром оказалось, что в Сортавале тоже финны. И Вася остался один в бараке.

Иногда он ходил через лес к деревне, лежавшей на берегу бухты, и, стоя на бугре между сосен, смотрел, как по деревенской улице бродят финские солдаты. Всех мужчин из деревни увели; увели и некоторых женщин, а остальных выгоняли каждое утро на берег рыть укрепления. Бухта была пустыня, и только «Морской лев», длинный, узкий, с двумя тонкими радиомачтами, стоял, пришвартованный к пирсу.

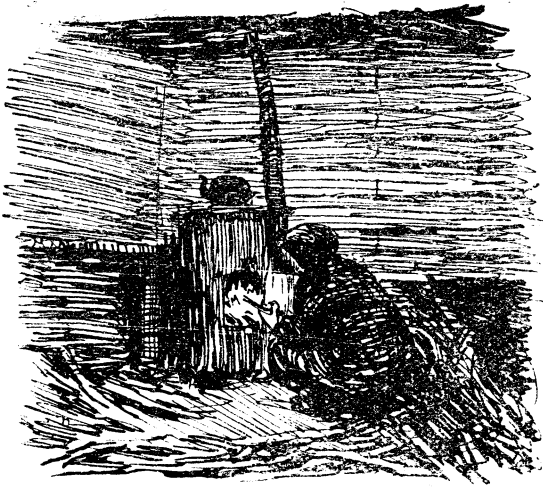
Многих женщин из деревни Вася знал, и они его знали. Он иногда натякался на них в лесу, они собирали хворост и, опасливо оглядываясь, заговаривали с ним.

Они рассказали ему, как финны захватили «Морского льва». «Морской лев», не зная, что деревня уже занята финнами, спокойно вошел в бухту и, как всегда, пришвартовался у пирса. Команда сошла на берег, и там ее схватили. Всего на «Морском льве» было пять человек, — трое русских и двое карел: Матвей Паркин и старый матрос Андрей Кукконен, которого вся Ладога называла Кукша. Всех русских сейчас же увели, а Матю и Кукшу оставили, потому что они умели говорить по-фински. На «Морской лев» прислали новую команду — троих моряков из Финляндии, и Матя с Кукшей стали служить у финнов. Матя, видимо, был доволен: он ходил по берегу с финскими матросами в обнимку и пел финские песни.

Вася, держа ведро в руке, смотрел через дверь, как Матя уходил все дальше, мелькая между стволами сосен. По правде сказать, он хотел, чтобы Матя обернулся. Он несколько не жалел, что поддал Матю хлеб ногой и швырнул его в ручей, и все же хотел, чтобы Матя обернулся. Но Матя пропал за соснами, так ни разу и не обернувшись.

Вася налил воду в черный от копоти чайник и растопил печурку. Он жался к печурке, ожидая, когда закипит вода, потому что озяб за ночь и никак не мог согреться. Холодный сентябрьский ветер дул с озера, проникая сквозь все щели, скрипя наскоро сколоченными досками. Бока железной печурки накалились и тускло рдели во мраке, а Вася все жался к ним, сидя на корточках, и дрожал. Наконец чайник запел тоненьким голоском. Вася налил кипятку в жестяную кружку и стал с наслаждением пить, обжигая пальцы и губы.

Матя ошибся, думая, что Васе нечего есть. Правда,

хлеба у Васи не было, но у него были селедки. Они хранились в погребе, где лесорубы держали свою провизию. Этот погреб был вырыт в конце барака и сверху закрыт досками. Финны, увозя лесорубов, погреб не заметили, и там, в большой глиняной банке, сохранились селедки. Вася пересчитал их и каждый день съедал по одной. От селедок ему постоянно хотелось пить, а когда хочется пить, легче переносить голод. Вася пил кипяток кружку за кружкой, пока не согрелся.

Напившись, он стал думать. Огромный день предстоял ему, такой же пустой и тоскливый, как вчера, как все дни теперь. Когда нечем было заняться, в голову лезли невеселые мысли. Их было много: и об отце, и о родных, и о поступках Мати, и о финнах, и о немцах, но все эти мысли в конце концов сводились к одному: что теперь делать?

В комсомол он вступил перед войной весной, в школе, и, получая комсомольский билет, мечтал о подвигах. Он мечтал совершить что-нибудь необычайное, от- важное, ради товарищей, ради родной страны. И вот теперь, когда он попал в такое трудное, опасное положение, он только думал, думал, и ничего не мог придумать. Его либо уведут, как увели отца, либо он погибнет в бараке от голода, — погибнет без всякой пользы!..

Чтобы отогнать мысли, нужно чем-нибудь заняться. Чем? Очистить селедку? Но он вспомнил, что во вторую половину дня ему захочется есть еще сильнее, чем сейчас. У него осталось всего пять селедок, и он не знал, что будет делать, когда съест последнюю. Он решил пойти на болото собирать клюкву.

В лесу сладковато пахло дымом. Это горели подожженные снарядами леса, где-то там, вдали, где пролегал фронт. По ночам, выходя из барака, Вася видел на краю неба тусклые пятна зарев. Но днем здесь, в лесу, о войне напоминал только этот запах дыма, да ровный далекий гул, к которому Вася так привык, что уже перестал его слышать.

Днем небо, покрытое низкими, быстро бегущими тучами, было серо и хмуро, зато земля сияла пестро и ярко. Золотые пряди на берегах развевались, как знамена, листья осин были темнокрасные, словно подгорели. Стволы сосен стали еще краснее, чем летом, и казались горячими, но горячее всего были сухие бугры, покрытые жестким, твердым вереском. Ветер с озера шевелил этот осенний пламенеющий лес, и, с громким хрустом давая сапогами сухие сучки, Вася невольно почувствовал себя спокойным, даже веселым.

По склону заросшего вереском бугра он спустился в болото. Здесь, в низине, загороженной со всех сторон, ветра не было и крепко пахло прелью. Между мягких мшистых кочек стояла вода, то черная, то золотая от ржавчины. Клюква лежала, казалось, прямо на мху и отваливалась при одном прикосновении пальцев. Вася, согнувшись, собирал ягоды привычным движением руки и совал в рот.

Вдруг он услышал нарастающий гул моторов. Он поднял голову, но ничего не увидел, кроме туч. Самолеты шли с озера, приближаясь, шли за тучами, — над ними было ясное небо и солнце. Залаляли финские зенитки на берегу, совсем близко, и Вася понял, что это самолеты советские. Моторы гудели уже прямо над Васей, разрывы зенитных снарядов пачкали облака. Мелкие их осколки сыпались в лес, шуршала листва берез.

Потом гул стал удаляться, стихая за лесом. Зенитки умолкли. И сейчас же отдаленные тяжелые взрывы потрясли землю. Вася прислушивался к ним с удовольствием. Это наши самолеты бомбили что-то у финнов в тылу.

Забыв о клюкве, вытянувшись и приоткрыв рот, Вася стоял, вслушиваясь в каждый звук. Он слышал, как самолеты, отбомбив, пошли назад, к озеру. Береговые зенитки опять залаляли, еще яростнее, чем прежде. Вася жадно глядел вверх, надеясь увидеть самолеты. Но за тучами они были невидимы.

Вдруг черное пятнышко возникло в туче, сгустилось, уменьшилось и оказалось самолетом. Самолет вывалился из тучи совсем недалеко и пошел прямо к Васе, опускаясь. Это был советский истребитель «И-16», прозванный «ишаком», ширококордный, с короткими крыльями. Вася умел разбираться в самолетах. Самолет двигался не быстро и как-то боком, все ближе к вершинам леса, к Васе. Хвост дыма, черный на серых тучах, тянулся за ним. Теперь все зенитки били по нему одному, но он, казалось, был к ним совершенно равнодушен, не поворачивался, не менял курса, и снаряды не попадали в него только оттого, что он шел уже слишком низко. Над Васиней головой он прошел так низко, что казалось, вот-вот заденет за верхушку сосны. Черный дым вырывался из него сзади толчками. Но через верхушку сосны он перевалил и скрылся из глаз за деревьями.

И сейчас же Вася услышал треск, грохот и увидел огромный черный столб дыма, поднявшийся до самых туч. Самолет упал где-то совсем близко, между болотом и деревней. Прыгая с кочки на кочку, Вася выбрался из болота и взбежал на поросший вереском бугор.

За стволами сосен он увидел пламя. Там что-то поминутно взрывалось с оглушительным треском. Вася помчался к самолету, с разбегу перескакивая через кусты и камни. Но вдруг увидел финских солдат, бегущих к самолету из деревни, и остановился.

Их было не меньше сотни, и Васе не хотелось попадаться им на глаза. Они нестройно мчались через лес, размахивая винтовками. Вася постоял, подумал, потом осторожно свернул влево и через густые заросли ольхи спустился в овраг.

Отсюда, со дна оврага, ничего не было видно, кроме серых огромных камней, нависших над головой, да ольхи на крутых склонах, да узкой извилистой полоски неба вверху. Но взрывы в горящем самолете были слышны и здесь. В промежутках между взрывами до Васи доносились возбужденные голоса — весь лес кругом был уже полон людьми.

Наверху в кустах зашуршало, и к Васе в овраг скатился огромный человек с черным лицом и мохнатыми ногами.

Увидев Васю, человек этот остановился и согнулся, выставив вперед руку с револьвером. Белки его глаз сверкали на черном лице. Вася слышал, как он дышал, — напряженно и часто. Между ними было шагов пять, не больше.

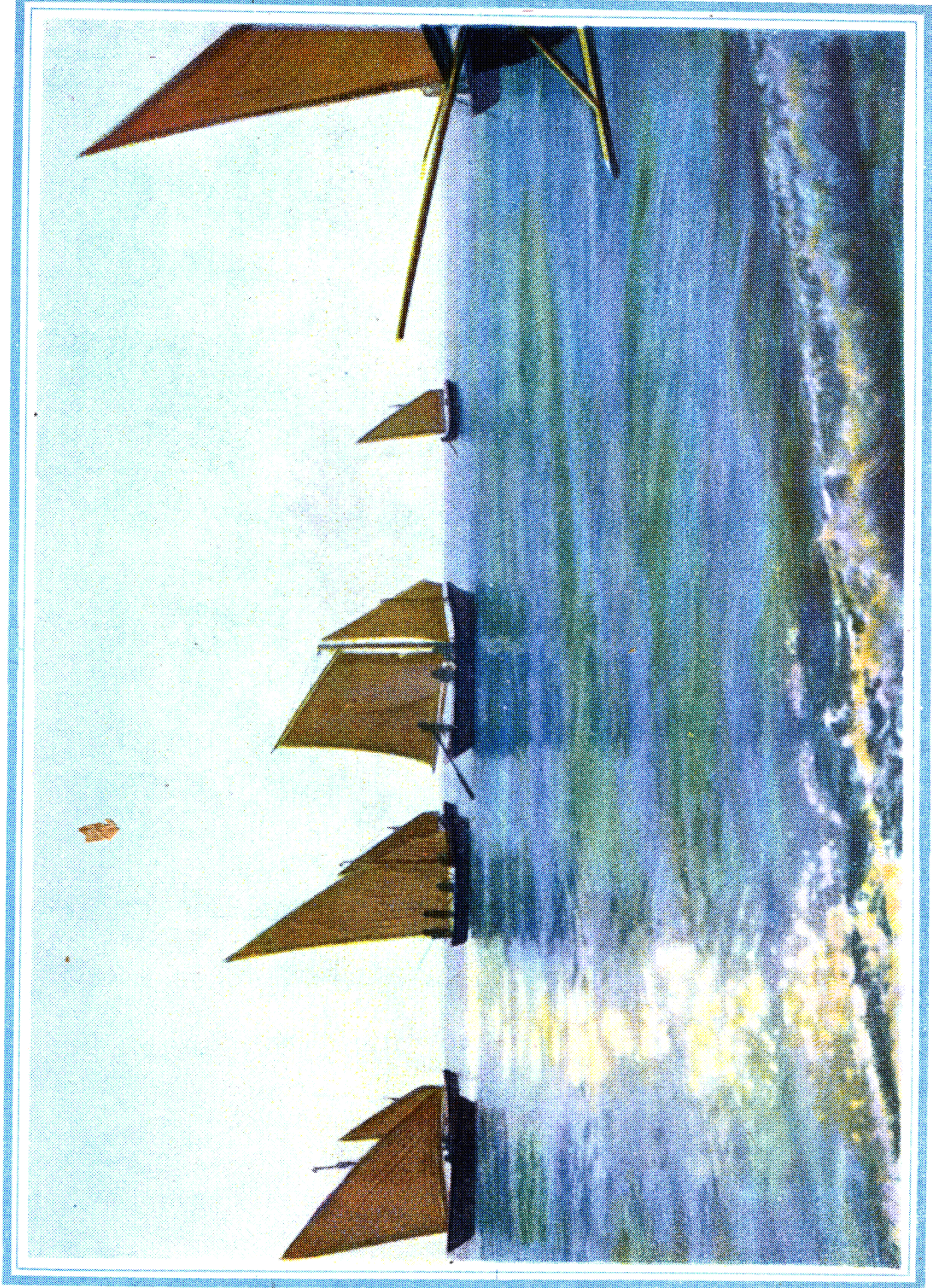
Они оба молчали.

— Вы летчик с того самолета, — сказал Вася, наконец. — Идите за мной. Здесь вас убьют.

Летчик продолжал рассматривать Васю, не спуская с него дула револьвера. На ногах у него были огромные унты с рыжим мехом, на голове кожаный шлем. Весь бок его голубого комбинезона обгорел и еще дымился. Он молчал.

— Они сейчас придут сюда. Они ищут вас по лесу, — сказал Вася. — Идите за мной.

Вася повернулся и пошел по дну оврага. За спиной он слышал шаги летчика.

Рыбачьи лодки выходят на лов осетра (Каспий)

Фото Ю. Еремина

С давних пор славится Каспий своей «красной рыбой»—осетром, севрюгой, белугой и шипом. Когда рыба огромными стаями идет к местам нереста, рыбачьи лодки заплывают далеко в море, где их ждет богатый улов. В новой пятилетке широко развернутся работы по искусственному разведению осетровых: море будут «засевать» мальнами этой рыбы, выведенными в лабораторных условиях.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ШЛЕМ

1

Оврагом они вышли на болото, пересекли его в тех местах, где кусты были гуще, и пошли низинкой, вдоль ручья, — того самого, который протекал возле барака. Они двигались не быстро, потому что унты летчика мало приспособлены для ходьбы. Летчик был очень высок и шел согнувшись, чтобы голова не торчала из-за кустов. Он не спускал револьверного дула с Васиной спины и, казалось, вел Васю, как арестованного. Время от времени к ним из-за деревьев доносились голоса. Тогда летчик мгновенно поворачивал свое закоптелое, покрытое сажей лицо, поворачивался сам и приседал, держа револьвер прямо перед собою. Вася приседал тоже. Голоса смолкали, и они шли дальше.

К двери барака Вася подошел один, оставив летчика внизу у ручья. Он заглянул в дверь — нет ли кого-нибудь в бараке. Но в бараке было пусто. Вася взмахнул рукой. Летчик поднялся по склону, и они оба вошли в барак.

Вася дверь не закрыл и сам остался возле двери, чтобы никто не мог подойти незаметно, а летчика пропустил мимо себя, в глубь барака. Там, возле печурки, летчик остановился оглядываясь.

— Ты здесь один? — спросил он.

— Один, — сказал Вася.

— А сюда не придут?

— Ко мне никто не ходит.

— А если придут?

— Если придут, я вас спрячу.

Летчик сунул револьвер в карман, сорвал с головы шлем и бросил его на нары.

— Хорошо, я тебе верю, — проговорил он. — Мне бы только до ночи. Ночью я уйду. Эх, как они в меня саданули! — прибавил он сокрушенно.

Он все еще был полон боем, полетом, катастрофой. Здесь, в бараке, он стоял, выпрямившись во весь рост, и головой почти касался потолка.

— Как в меня саданули! — повторил он. — Мы сопровождали бомбардировщиков. Они бомбили железнодорожный мост. Мы штурмовали зенитные батареи, чтобы не мешали. Выхожу из пике, вдруг — толчок. Меня лицом об гашетку пулемета. Ну, саданули в меня. Оборачиваюсь — горю. Я — в переворот, чтобы сбить пламя. Два переворота сделал, и рули отказали. Кое-как выпрямился триммерами, лег на обратный курс. Думал — дотяну. Куда там, стал терять высоту, не дотянул и до озера.

— Вы ранены? — спросил Вася.

— Нет, цел.

— У вас лицо черное.

Вася зачерпнул кружкой воды из ведра и помог летчику умыться. Когда сажа была смыта, на Васю глянуло совсем молодое, мальчишеское лицо. Летчику, повидимому, не было и двадцати лет. Губы его рас-

пухли, брови сгорели, кожа со лба была содрана. Но, возбужденный, он не чувствовал боли.

— Самолет зацепился за верхушку елки, и меня выбросило, — рассказывал он, вытирая лицо платком. — Меня швырнуло на суки, и я падал медленно, с сука на сук, и вот — не разбился...

— А как вас зовут? — спросил Вася.

— Виктор. Виктор Остросаблин.

— Вы, верно, есть хотите.

Он чувствовал себя хозяином, принимающим гостя. Откинув доски, прикрывавшие вход в погреб, он спрыгнул вниз и через минуту вернулся с двумя селедками.

— Здесь вы будете прятаться, если ко мне кто-нибудь придет, — сказал он, закрывая погреб. — Но ко мне никто не ходит.

Они пообедали великолепно. У Виктора над коленями были большие карманы, и в них оказался «неприкосновенный запас»: четыре плитки шоколада и палец толщиной, печенье, масло, завернутое в пергаментную бумагу. Они ели селедку с шоколадом, запивая холодной водой.

Виктор несколько раз помянул, что ночью уйдет, но куда собирался итти, не сказал.

— Вот только в них скоро не побежишь, — проговорил он, показывая на свои унты, которые намокли в болоте и стали еще огромней.

— Я вам отдам свои сапоги.

Виктор рассмеялся.

— Не налезут, — сказал он. — У меня нога вдвое больше твоей.

Потом внимательно и удивленно посмотрел Васе в лицо.

— Так ты отдал бы мне свои сапоги? — спросил он. — А сам как?

— А я могу босиком, — сказал Вася. — Когда я жил у нас в деревне, я бегал босиком до снега. А снега еще нету.

Помолчав, он прибавил:

— Пока идешь, не холодно.

— Ты тоже собираешься уходить? — спросил Виктор.

— Ясное дело, — сказал Вася. — Чего мне тут оставаться? Я комсомолец.

— Комсомолец? Я тоже комсомолец, — сказал Виктор. — Куда же ты пойдешь?

— А с вами. Куда вы, туда и я. Вы куда пойдете?

— А куда, по-твоему, нам надо итти?

— В лес, — уверенно начал Вася.

Потом, уже не так уверенно:

— Будем пробираться к югу вдоль западного берега... К Шлиссельбургу...

— В Шлиссельбурге уже немцы, — сказал Виктор. — Нынче утром наши еще держались в крепости Орешек, как раз напротив Шлиссельбурга. Северный берег Невы пока наш. И мыс Осовец наш. А севернее Осовца — фронт, от озера до Финского залива. Как же мы через фронт перейдем?

Вася помолчал.

— Да, через фронт, пожалуй, не перелезешь, — сказал он, наконец.

Но сразу приободрился.

— Ну, пойдем вдоль восточного берега.

— На Свирь? — спросил Виктор.

— На Свирь...

— На Свири тоже фронт, — сказал Виктор угрюмо. — Вдоль всей Свири, от Ладожского озера до Онежского. Там перейти еще труднее.

Он нахмурился и задумался.

— Вот, разве водой...

— Через озеро?

Виктор кивнул.

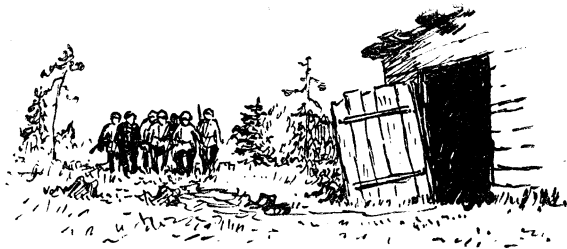
— Я уже думал об этом, — сказал Вася.

— Уже думал? — переспросил Виктор. — На чем же ты думал плыть?

— На лодке, конечно.

Виктор прищурил один глаз.

— А ты знаешь, сколько отсюда до южного берега? — спросил он.

— Нет, не знаю.

— Двести километров.

В эту минуту Вася, беспрестанно поглядывавший в открытую дверь, заметил за соснами финских солдат.

2

Лес перед бараком был вырублен, и ближайшие сосны находились в пятидесяти метрах. Солдаты шли гурьбой, громко разговаривая. Их было шестеро, седьмой — штатский.

Этого штатского Вася сразу узнал. Матя!

Вася схватил Виктора за руку, отвел в глубь барака и заставил спуститься в погреб.

— Садитесь на пол, — сказал он ему. — Ну, как?

— Тесно, — ответил Виктор из погреба.

— Нагните голову.

Вася закрыл вход в погреб досками и вернулся к двери.

Солдаты стояли у ближайших сосен и смотрели на Матю, который что-то говорил, показывая рукой куда-то в сторону. Ему сердито возражал маленький кривоногий солдат, показывая прямо на барак. Они спорили, куда идти. Потом кривоногий солдат повернулся и быстро пошел к бараку. Все потащились за ним, — Матя в самом конце.

Подойдя к двери, кривоногий о чем-то спросил у Васи по-фински.

— Не понимаю, — сказал Вася.

Кривоногий повернулся к Мате и что-то строго сказал ему.

Матя вышел вперед.

— Ты не видел русского летчика? — спросил он у Васи.

— Не видел, — сказал Вася, глядя в землю.

— Он сюда не приходил?

— Не приходил.

Кривоногий отпихнул Васю и вошел в барак. За ним повалили все. Войдя, солдаты столпились у входа, не сразу привыкнув к сумраку барака. Но кривоногий пошел вперед, между нар. Следом за ним шагала Матя. За Матей пошел и Вася — с безучастным видом и громко бьющимся сердцем.

Возле печурки они остановились. Здесь было светлее, — свет падал через отверстие, в которое уходила труба. Кривоногий и Матя огляделись.

Вдруг Вася заметил, что Матины глаза, скользя по нарам, остановились. Вася взглянул туда, куда смотрел Матя, и чуть не вскрикнул.

На нарах лежал позабытый шлем летчика.

Матя глянул на Васю. Васино лицо дрогнуло.

Матя сказал что-то кривоногому и показал в угол, в темноту. Пока кривоногий, обернувшись, разглядывал угол, Матя подошел к шлему и сел на него.

Матя сидел на шлеме, подложив под себя руки, и все что-то говорил кривоногому, заставляя его поврачиваться то в одну сторону, то в другую.

Кривоногий взял палку и стал шумно шарить ею под нарами. Обойдя печурку, он двинулся в конец барака, туда, где был вход в погреб. Матя встал. Шлема под ним не оказалось.

Матя пошел за кривоногим, давая ему, видимо, советы, где искать. Он хорошо знал барак, так как часто приходил сюда к Васе летом, и Вася был убежден, что он давно догадался, где спрятан летчик. Матя подошел к входу в погреб и встал на доски.

Стоя на досках, он, ни на минуту не умолкая, заставлял кривоногого лазать во все углы, ползать на четвереньках под нарами. При этом он все время переминялся с ноги на ногу, стуча сапогами по доскам. Солдат, утомленный поисками, отвечал ему все раздраженнее. Потом плюнул на пол и пошел вон из барака.

Все солдаты вышли вслед за ним. Матя ушел последним...

3

Виктор вылез из погреба, держась рукой за темя.

— У меня голова разбита, — проговорил он. — Этот малый стучал сапогами прямо по моей голове.

— Он унес ваш шлем, — сказал Вася угрюмо.

— Не может быть!

Виктор опустился на нары. Он сразу забыл об ушибленной голове.

Вася рассказал ему, как Матя сел на шлем и как шлем исчез.

— Ты думаешь, он меня предаст? — спросил Виктор.

— Если он нас предаст, я его убью, — сказал Вася.

— Ну, этим уже не поможешь. А кто он такой?

Вася торопливо и сбивчиво стал рассказывать Виктору о Мате, о своей дружбе с ним, о «Морском льве», о том, как Матя, комсомолец, остался служить у финнов. Описывая «Морского льва» и вспоминая, как он мечтал когда-то плавать на нем вместе с Матей, Вася почувствовал такую боль, что вдруг замолчал и отвернулся.

— Если он меня предаст, мне труба, — сказал Виктор. — Неужели он меня предаст?

Виктор, кажется, был не вполне убежден, что Матя способен на предательство. Вася почувствовал это, и ему стало еще больнее.

— Я убью его, — повторил он.

Вдруг какая-то тень мелькнула за дверью барака. Виктор вскочил и прыгнул в сторону погреба. Но Матя уже вошел в барак.

На этот раз он был один.

— Здравствуйте, — сказал он, обращаясь только к летчику и слозно не замечая Васи. — Можете не прятаться, они больше сюда не придут. Вот ваш шлем.

Он вынул из кармана шлем и подал его Виктору.

— Спасибо, — сказал Виктор. — Если бы вы не взяли его, я пропал бы.

— Когда вас пошли искать, — сказал Матя, — я сразу понял, что мне надо принять участие в этом деле. Я здешние места лучше их знаю, и вот я стал их водить. Я их кружил, кружил, четыре раза к одному и тому же бугру вывел. Мне давно уже казалось, что вы здесь, в бараке, и я все старался держать их подальше. Но попался один проклятый, который все тянул в барак, и мне пришлось пойти. Я вас, кажется, помял немного, когда стоял на досках. Вы не сердитесь, я щупал ногой, там вы или не там.

Матя сидел на нарах, болтая широко расставленными ногами в сапогах и обращаясь только к Виктору. На Васю он ни разу не взглянул, словно его и не было. Но Вася не обижался. Вася смотрел на него и чувствовал себя счастливым.

Он любил Матю, ему приятно было слышать его голос, следить за его ладными, уверенными движениями. Так, значит, Матя не предатель, Матя с ними! Глядя в Матины глаза, спокойные, широко расставленные, с прямым ясным взором, он теперь удивлялся, как мог считать его предателем. Но почему же тогда Матя согласился служить у финнов?

— Они ко мне ничего относятся, потому что я остался у них на службе, — продолжал Матя, словно угадав Васины мысли. — А я остался, потому что не хотел, чтобы меня далеко от воды уводили. Отсюда посуху до наших не доберешься, а по воде я, может быть, как-нибудь убегу...

— Как же вы убежите по воде? — спросил Виктор.
— Не знаю...
— На лодке, что ли?
— Нет, на лодке нельзя, — сказал Матя. — На лодке догонят. Тут нужно на чем-нибудь быстроходном бежать, чтобы за одну ночь пол-озера пройти...
— А «Морской лев» — быстроходный катер?
— Быстроходнее на Ладоге нету.
— А вы не думали захватить «Морского льва»?
Так спросил Виктор. Матя вздрогнул. Вася от волнения и неожиданности перестал дышать.
— Думал, — сказал Матя. — Но..
— Но? — переспросил Виктор.
— Но я был один. Ну да, один, потому что на старика расчет плохой.
— На какого старика? На Кукшу? — спросил Вася.
— Да, на Кукконена, — сказал Матя.
— А что, он за немцев?
— Какое там, он их ненавидит! Но сказать ему ничего нельзя.
— Нельзя?
— Он все разболтает. Не умеет удержаться. Ходит по деревне и во всю глотку кричит, что при советской власти было лучше. Не знаю, как его до сих пор не забрали... Я все жду — вот-вот его заберут.
— А, кроме этого старика, у вас никого не было? — спросил Виктор.
— Был вот этот молодец, — сказал Матя, в первый

раз взглянув на Васю. — Да он со мной и говорить не хочет.

— Ты бы мне все объяснил, Матя! — воскликнул Вася.

— Как же тебе объяснишь, когда ты не слушаешь...

Вася был потрясен. Только теперь он понял, почему Матя остался на «Морском льве» у финнов. Матя не хотел расстаться с кораблем, потому что мечтал вернуть его родной стране!

— А можно втроем захватить такое судно, как «Морской лев»? — спросил Виктор.

— Трудно, — сказал Матя. — Но если все как следует обдумать, вдруг и удастся.

— Другого выхода у нас нет, — проговорил Вася.

— Никакой другой выход нам не годится, — сказал Виктор. — Мы не должны возвращаться домой с пустыми руками. «Морской лев» — советский корабль. Мы приведем с собой «Морского льва». Вы можете управлять им? — спросил он Матю.

— Управлять не штука, — ответил Матя. — Я стал бы к штурвалу и повел. Я тут, на озере, все знаю. Вот как с мотором быть? Нужно в моторе разбираться. У нас нет моториста.

— Моториста нет? — воскликнул Виктор. — А я разве не моторист? Я любой авиационный мотор разберу и вновь соберу. А ваш, небось, проще.

— Не знаю, — сказал Матя. — Может быть.

Уходя, Матя оставил на нарах краюху хлеба и сказал, чтобы его скоро не ждали. Он считал, что в барак ему следует ходить как можно реже. Незачем наводить на след.

— Приду, когда будет все готово, — сказал он. — А вы ждите.

Вася и Виктор ждали. Вначале они были полны надежд и, сидя на нарах, без конца обсуждали планы захвата «Морского льва». По правде сказать, они, несмотря на долгие и подробные обсуждения, не совсем ясно себе представляли, как это сделать. У них не было никакого оружия, кроме револьвера. Они верили, что Матя уже что-нибудь придумал, иначе он не стал бы их обнадеживать. Виктор учил Васю ждать. Однако время шло, Матя не являлся, и ждать становилось все труднее.

Виктор был донской казак, первый в семье Остроаблиных, сменивший коня на самолет. Темный чуб по-казачки торчал из-под его летного шлема. Он был от природы деятелен, подвижен, каждое препятствие ему хотелось преодолеть немедленно. Профессия летчика-истребителя еще укрепила в нем эти свойства. Он был старше Васи тремя годами, гораздо опытнее, но ему ждать было нелегко.

Отчего Матя не приходит в барак? А вдруг «Морской лев» ушел ночью из бухты и никогда не вернется? Они ждут уже два дня. И Вася решил, что, если Матя до завтра не явится, он сам пойдет утром на берег и посмотрит.

На третий день с утра подул северный ветер и угнал тучи на озеро. Взошло солнце. Все щели барака ярко сияли. Это было осеннее солнце, ослепительное, но не греющее. Ледок на лужах потрескивал полсапогами, — впервые за эту осень. Ветер гнул деревья, размахивал лапами елей. Алые листья кружились в ветре.

От барака до деревни было немногим больше километра. Вася лесом дошел до бугра, возвышавшегося над бухтой, и залег на его вершине среди камней и вереска.

Отсюда была видна и деревня, и бухта, и просторная даль озера, сверкавшая на солнце. Воздух в этот день был особенно чист и прозрачен, и все предметы, даже самые далекие, выделялись с удивительной четкостью. И прежде всего Вася увидел «Морского льва», который, как раньше, спокойно стоял, пришвартованный к пирсу.

Недавно выкрашенный в серо-голубой защитный цвет, «Морской лев» казался удивительно красивым и стройным со своими двумя тоненькими радиомачтами, соединенными невидимой отсюда проволокой. Это не был военный катер, но в первые дни войны его несколько военнйзировали, отправили в Ленинград и там на заводе покрыли броней его палубу. Небольшое зенитное орудие стояло у него на корме.

Ветер, дуящий с берега, гнал воду из бухты, и песчаные отмели стали гораздо шире. На сырой песчаной отмели недалеко от «Морского льва» Вася заметил трех человек, сидящих на корточках. В одном из них он сразу узнал Матю. Двое других, с шерстяными шарфами, развешивавшимися по ветру, были, видимо, новые матросы с «Морского льва».

Вася без труда разглядел, чем они заняты. Они играли в «ножички». Это была странная игра, с которой Вася не встречался, пока не попал сюда, на северный берег Ладоги. Каждый играющий должен был бросить нож тридцатью двумя различными способами, но так, чтобы всякий раз вонзить его острием в песок. Все эти способы были точно определены правилами игры. Выигравшим считался тот, кто первый доходил до конца, бросив нож всеми тридцатью двумя способами. Вася в течение лета часто следил за игрой в

«ножички» и теперь по движениям игроков догадывался, как идет игра.

На единственной улице деревни, тянувшейся вдоль берега бухты и хорошо видной Васе из конца в конец, было полно солдат. Они теперь жили во всех избах. Только двоих невоенных заметил Вася на всей улице: Андрея Кукконена и господина Котта.

Кукконена он узнал сразу по зимней шапке с ушами, которую тот носил всегда, и зимой и летом, и по острой седой бороде, лихо торчавшей вперед. Кукконен, несомненно, уже успел подвыпить; он старался итти по середине улицы, но его все время относило то к одному забору, то к другому. Казалось, вот-вот сейчас он упадет. Но он не падал. Он никогда не падал; он объяснял это тем, что тридцать лет служит на кораблях и привык ходить по палубе в любую бурю. Вася видел, как он свернул с улицы, спустился с берега на отмель и сложным зигзагом подошел к матросам, игравшим в «ножички». Засунув руки в карманы, он стоял, покачиваясь, и следил за игрой. Потом вынул из ножен свой нож и быстро, точно, без всякого усилия, проделал все тридцать два упражнения, ни разу не сбившись.

Господин Котта был новый капитан «Морского льва», прибывший из Финляндии. Вася видел его уже не раз. Это был плотный человек небольшого роста, лет пятидесяти пяти, одетый нарядно, по-городскому. Он брил себе подбородок, и его широкое лицо с толстым носом веером обрамляла желтая с проседью борода от уха к уху. На нем была черная фетровая шляпа, темно-синие пальто и франтовские желтые полуботинки, начищенные до блеска. Он важно шел по улице, опираясь на трость и куря сигару. Вася видел, как он дошел до единственного в деревне двухэтажного домика, где прежде был сельсовет, а теперь помещался финский штаб. Все провода, на которые Вася часто наткался в лесу, сбегались к этому домику. Сейчас перед домиком стояли четыре грузовые машины, с которых солдаты осторожно снимали большие белые ящики. Господин Котта постоял, последил за разгрузкой машин, тронул один из ящиков концом своей трости. Потом поднялся на крыльцо и, миновав часовых, вошел в штаб.

У входа в пирс стояли два солдата с автоматами. На пирсе у схода «Морского льва» тоже стоял солдат с автоматом. Над деревней к лесу подымались невысокие бугры, темнокрасные от вереска, со светлыми пятнами серых гранитных скал. Сейчас эти бугры и скалы были озарены солнцем, и маленькие пластинки слюды, вкрапленные в гранит, ослепительно сияли, словно осколки стекла. Внимательно разглядывая склоны, Вася насчитал шесть пулеметных гнезд, спрятанных в маленьких окопчиках. Одно из них было прямо под ним, в сотне метров; Вася ясно видел солдатскую фуражку, торчащую из ямки. Пулемет был направлен на бухту, на пирс, на «Морского льва». Еще по прежним своим прогулкам Вася хорошо знал, где расположены береговые батареи. Орудия их тоже, конечно, направлены на бухту, на «Морского льва». И все те надежды и планы, которыми он жил с тех пор, как Матя побывал в бараке, вдруг показались ему несбыточными и смешными: три человека, вооруженные одним револьвером, не могут захватить катер, который так хорошо охраняется.

Вернувшись в барак, Вася сказал Виктору, что «Морской лев» все еще в бухте. Виктор сразу повеселел. Ничего больше Вася не сказал ему. Он не хотел огорчать его.

Перед закатом к бараку подошел гость.

— Эй, ты жив? — зычно закричал он, остановившись перед дверью.

Вася поспешно вышел из барака.

Это был Кукконен. Он сел на пень перед дверьми и приказал Васе сесть на другой пень, рядом.

По бороденке его, торчавшей вперед особенно лихо и победоносно, и по удивительной красноте лица Вася сразу понял, что он очень пьян.

— Так ты жив! — сказал Кукконен.

— Жив, — ответил Вася.

— А я сегодня с утра гуляю! — сказал Кукконен, восторженно хлопнул себя ладонью по колену и подмигнул Васе правым глазом.

— Вижу, — ответил Вася.

— Сначала я гулял с шоперами, — продолжал Кукконен, — а потом мне надоело говорить по-фински, давай, думаю, схожу в барак к лесорубам... Прошел полдороги и вдруг вспомнил: да ведь лесорубов-то увели! Хотел было вернуться, а потом решил — пойду-ка посмотрю, жив ли еще тот мальчишка... Глажу, ты жив!..

Вася промолчал.

Кукконен замолчал тоже. Несмотря на видимое желание хорохориться и казаться безудержно веселым, он как-то робко и виновато поглядывал

на Васю из-под седых косматых бровей. Что-то мучило его сквозь хмель и веселье.

— Где ж это вы так угостились, Андрей Иванович? — спросил Вася.

— Уж я найду! — сказал Кукконен самодовольно и весь расцвел. — Если мне надо, я всегда найду. Топну ногой по камню, и из камня потечет. — Он расхохотался, показав свои еще крепкие зубы. — Мой тятенька ни одного дня трезвый не был. Он у меня давно умер, еще при старом режиме, до той войны. Пришел домой пьяный, заснул на полу перед печкой, а из печки на него уголек выпал, он и загорелся. И, поверишь, горел он синим пламенем, как чистый спирт!..

Кукконен запечалился, вспомнив, вероятно, покойного отца, потом мотнул головой, чтобы согнать грусть, и снова рассмеялся.

— А ну, посмотри! — крикнул он.

С видом фокусника вытащил он из-за пазухи сначала бутылку, потом самодельный стаканчик из березовой коры, потом связку сушеных рыбок. Все это он аккуратно разложил на пне.

— Вот ты сейчас у меня выпьешь, — сказал он, наливая в стаканчик из бутылки желтую жидкость, от которой сильно несло бензином.

Но Вася выпить отказался. Тогда Кукконен выпил сам и с удовольствием почмокал губами.

— Что ж вы не закусываете, Андрей Иванович? — спросил Вася.

— А я уж лет пятнадцать, как не закусываю, — сказал Кукконен. — Посмотрю на рыбку, с меня и довольно.

Он внимательно поглядел Васе в лицо и вдруг словно что-то сообразил.

— Возьми, возьми рыбок-то, — проговорил он торопливо и протянул Васе всех рыбешек с продетой через глаза веревкой. — Бери, бери, а то кто ж тебя теперь кормит!..

Вася поколебался мгновение и взял. У них с Виктором в бараке уже не осталось ничего — ни хлеба, ни селедочек.

Кукконен выпил еще стаканчик и вдруг помрачнел.

— А знаешь, сюда немцы приехали. — сказал он, понизив голос, и глаза его яростно блеснули.

— Много? — спросил Вася.

Он еще ни разу не видел немцев. До сих пор здесь были только финны.

— Двое, — ответил Кукконен. — Один — маленький, голову держит, как петух, другой — длинный, горбатый, в очках. Живут в штабе.

Он посмотрел на Васю, — не спросит ли Вася чего-нибудь. Но Вася молчал.

— Они сегодня утром на «Морском льве» были, — сказал Кукконен еще тише.

— На «Морском льве»? Зачем?

— Не знаю. Их водил сам господин Котта. Он им все показывал. Он перед ними вот так.

Тут Кукконен вдруг вскочил с пня, стащил с головы свою теплую шапку, обнажил желтую лысину, окруженную седыми волосами, угодливо согнулся и провел шапкой по земле.

— А маленький немец с ним так.

Он выпрямился и изобразил надменного немца, который, схватив господина Котта за шиворот, толкает его в разные стороны.

— А я бы, — сказал он, и лицо его внезапно стало еще краснее, — а я бы, если бы он меня пихнул, я бы его!..

При этих словах большой нож Кукконена как бы сам собою выскочил из ножен, стремительно описал в воздухе какую-то замысловатую фигуру вроде восьмерки и вонзился в пень у ног своего хозяина, мелко дрожа.

Это как будто немного успокоило Кукконена. Он спрятал нож в ножны, сунул за пазуху бутылку и стаканчик.

— Ну, прощай, — кивнул он Васе, нахлобучив шапку почти до самых глаз. — Мы, наверно, больше не увидимся.

— Почему? — спросил Вася.

— «Морской лев» уходит из бухты.

— Когда?

— Не знаю, скоро, — сказал Кукконен. — Завтра с рассветом начнем грузить белые ящики, которые привезли на машинах.

Он снова кивнул Васе, но все что-то медлил уходить и стоял, переступая с ноги на ногу.

— Ты думаешь, мне не надо было оставаться на «Морском льве», а? — спросил он вдруг торопливо. — Я сам так думаю... Сначала думал — ничего, а теперь вижу — плохо. Что же мне теперь делать, а? Я хотел напиться, чтобы не думать, да меня и водка больше не берет!..

Он испуганно и виновато взглянул на Васю, потом повернулся и пошел прочь от барака, сложно маневрируя между пнями, но ни разу не споткнувшись.

3

Вася проснулся, разбуженный светом. Он открыл глаза и увидел Матю, стоящего перед нарами. В руке у Мати была зажигалка, на которой дрожал желтый огонек.

— Почему ты так долго не приходил? — спросил Вася.

— Не мог, — сказал Матя. — Нас больше никуда не пускают. Капитан хочет, чтобы мы всегда были у него на виду. Я и сейчас с трудом отпросился ночевать на берег. Отпустили, потому что сегодня последняя ночь.

— Последняя?

Матя кивнул.

Вася взглянул на Виктора. Они спали рядом, тесно прижавшись друг к другу, — ночь была очень холодна. В раскрытых глазах Виктора дрожал огонек зажигалки. Он тоже проснулся, но не двинулся и молча смотрел на Матю.

Матя положил на нары кусок хлеба и потушил зажигалку. Вася, дрожа от холода, нащупал в темноте заслонку печурки и открыл ее. Внутри еще сохранилось несколько красных угольков. Вася набил печурку хворостом и вздул пламя. Хворост гулко затрещал, и барак озарился тусклым красноватым светом, проникавшим сквозь все щели печурки и трубы.

— Так вы скоро уйдете из бухты? — спросил Вася, стоя к Мате спиной и пристально глядя в огонь.

— Мы уйдем завтра, в час ночи, — сказал Матя.

— Куда?

Матя ничего не ответил. Он повернулся к Виктору и спросил:

— Немцы вышли на южный берег?

Виктор кивнул.

— Они захватили километров пятнадцать побережья между Новой Ладогой и Шлиссельбургом, — сказал он.

— Я так и думал, — сказал Матя.

— Отчего ж ты так думал? — спросил Вася.

— Оттого, что нам приказано отвезти двух немцев на южный берег.

— Тех двух немцев, что живут в штабе?

— Тех самых. Один из них офицер, другой солдат. Завтра ночью мы с ними выйдем из бухты и пройдем через все озеро до южного берега.

— За два дня, я вижу, планы ваши изменились, — сказал Виктор. — Два дня назад вместе с нами вы собирались захватить «Морского льва».

— Я и сейчас собираюсь, — ответил Матя тихо. — Но пока «Морской лев» в бухте, ничего сделать нельзя. Его нужно захватить, когда он будет посреди озера.

— Посреди озера? Кто ж его там захватит?

— Мы. Я вас завтра спрячу на «Морском льве», и, когда он выйдет в озеро, мы захватим его.

После этих слов наступила тишина. Виктор и Вася даже дышать перестали.

— Если мы сейчас нападём на «Морского льва», — продолжал Матя, — нам придется драться против всего гарнизона деревни. Если мы нападём посреди озера, нас будет трое против пятерых.

— Трое против пятерых? — спросил Вася.

— Команда «Морского льва» — пять человек, — сказал Матя. — Да два немца. Значит, семь. Да вас двое. Всего, значит, будет девять. Мы трое против трех финнов и двух немцев.

— Кукшн ты не считаешь? — спросил Вася.

— Кукшнен не в счет. На него положиться нельзя. Если он что-нибудь узнает, будут знать все. Но за них он драться не станет.

Нары заскрипели, и Виктор, соскочив на пол, вытянулся во весь рост. Смутно озаренный красноватым сиянием накалившейся печурки, он, под низким потолком барака, казался великаном. Он был возбужден и взволнован.

— Трое против пятерых! — закричал он в восторге. — Да мы их побросаем, как щенков!..

Он размахивал огромными руками, представляя себе предстоящую битву на «Морском льве».

— А как же мы попадем на «Морского льва»? — спросил Вася.

— Я спрячу вас в трюме, — сказал Матя.

— Но на пирсе стоят часовые...

— Я вас посажу не с пирса, а с другого борта. Ты знаешь выброшенную на берег баржу, на мысу, слева от бухты?

— Знаю, — сказал Вася.

— Завтра вечером, когда совсем стемнеет, идите лесом к этой барже и ждите там. Я зайду за вами на яликке.

Матя кивнул и вышел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОГУЛКА В ТЕМНОТЕ

1

За ночь ветер переменялся — с севера перешел на восток, потом на юго-восток. Озеро разволновалось, и грохот прибоя стал явственно слышен в бараке. Утро было хмурое, бессолнечное, и, выглянув за дверь, Вася опять увидел темные сплошные тучи, быстро несущиеся над самыми вершинами сосен.

Весь этот день, тянувшийся бесконечно, Вася не выходил из барака, чтобы никому не попадаться на глаза. Теперь, когда до отъезда осталось так мало, он боялся, как бы все не сорвалось из-за какой-нибудь глупой случайности. Вася весь день топил печку, а Виктор то без конца ходил большими шагами взад и вперед по бараку, то вдруг влезал на нары и сидел, обхватив свои огромные колени руками, чтобы через минуту опять вскочить.

Во вторую половину дня ветер стал еще сильнее. Деревья гнулись, крутились, мотались, словно плясали вокруг барака. Ветви берез и осин были уже совсем голы, — ветер сдул с них последние листья. Ветер задувал печурку, гнал дым обратно в трубу. Этот все усиливающийся ветер наполнил их новой тревогой: а вдруг в такую бурю «Морской лев» не рискнет выйти из бухты и рейс его будет отложен?

Дождавшись темноты, они вышли из барака.

Вначале продвигались вперед довольно уверенно, — Вася наизусть знал все тропинки вокруг барака. Но вот начались незнакомые места. Тропинка вдруг оборвалась, и, блуждая ощупью в кустах, они забрели в болото. Они выбрались из него, но дальше шли уже совсем наугад, смутно чувствуя направление по грохоту волн, доносившемуся справа. Вокруг была сплошная чаща, сухие пригорки сменялись оврагами и болотами. меховые унты Виктора набухли от воды. Наконец дорогу им преградила колючая проволока.

Они испугались и отпрянули, — здесь могли быть часовые. Виктор вытащил револьвер. Медленно пошли они вдоль проволоки, надеясь обойти ее.

Это им удалось, — они просто потеряли проволоку во тьме. Но Вася уже совсем не знал, куда идти. Он стал опасаться, что они давно прошли мимо баржи. Поколебавшись, он круто повернул вправо и повел Виктора к берегу, на шум волн.

Теперь ветер дул им прямо в лицо и с каждым шагом становился все сильнее. Так они шли минут десять. Внезапно ветер с яростью швырнул в них песком и брызгами. Они вышли на берег.

Озеро было скрыто ночью, но пена волн белела во тьме. Волны вырастали из тьмы, приближаясь, и одна за другой разбивались о берег с грохотом орудийной пальбы. Прикрывая лицо руками, задыхаясь от зетра, Вася смотрел во все стороны, стараясь понять, в каком месте они находятся. Он не видел ни баржи, ни деревни, ни «Морского льва», не видел ни одной

приметы, по которой хоть что-нибудь мог бы угадать. Где искать баржу—справа или слева? Там, справа, деревня. Безопаснее держаться от нее подальше. И он пошел влево.

Каждая волна обдавала их брызгами, и они были уже мокры с головы до ног.

Они то перелезали в темноте через камни, то, согнувшись, ощупью брели в глубоком песке, который, взлетая, забивался в глаза, в уши, в ноздри. Вася стал выбиваться из сил. С каждым шагом он шел все медленнее, все неувереннее. Ему давно уже стало казаться, что напрасно он свернул по берегу влево, что они прошли мимо баржи еще лесом и теперь надо вернуться назад и идти в сторону деревни.

Он хотел было уже повернуть и остановился, как вдруг Виктор, поравнявшись с ним, прокричал ему что-то в самое ухо. Вася не расслышал ни звука, но взглянул туда, куда метнулась рука Виктора, и смутно увидел что-то огромное и темное—темнее окружающей тьмы. Виктор уже бежал вперед. Вася побежал за ним и уперся руками в высокий борт выброшенной на берег баржи.

Баржа эта лежала здесь уже давно и до половины ушла в песок. Летом, в тихие дни, от нее до воды было не близко, и Вася всегда дивился, как ее занесло так высоко на берег. Но теперь озеро подошло к ней вплотную, и волны, разбиваясь с разбега о ее круглую корму, взлетали, белея, в черное небо.

Они ощупью обошли баржу кругом. За баржей было тише,—она защищала от ветра. Они остановились, чтобы отдышаться.

— Его здесь нет! — крикнул Вася, изо всех сил напрягая голос.

Виктор рассмеялся.

— Еще рано! — крикнул он в ответ. — Неужели ты думаешь, он придет в такую бурю!

Ключья пены перелетали через баржу. Васе казалось, что в такую ночь добраться сюда на ялике невозможно. Но при мысли о возвращении в барак нестерпимая тоска охватила его. Нет, он больше никогда не вернется в барак. Пусть все, что угодно, только не эти безысходные дни и ночи в бараке.

— Надо ждать.

Они сели в холодный песок, прислонясь к барже и прижавшись плечами друг к другу.

2

Вася давно уже не ждал Мати. Он ждал только расвета. Ему казалось, что они уже целые годы сидят здесь за баржей и дрогнут. Никогда еще не видал он такой длинной ночи. Время от времени он с робкой надеждой подымал голову и оглядывал вершины леса—не начинается ли рассвет. Но тьма была попрежнему непроглядна.

Внезапно кто-то тронул его за плечо.

Матя стоял перед ним, еле видный во мраке.

— Я вас едва нашел, — сказал Матя. — Я два раза обошел вокруг баржи и уже думал, что вы не пришли.

— Который час? — спросил Вася, вскочив.

— Двенадцатый, — ответил Матя. — «Морской лев» отшвартуется через час.

«Значит, нет еще полуночи!» подумал Вася с удивлением.

— Весь день мы грузились, — сказал Матя, — и только в десять капитан отправил меня в кубрик спать, потому что ночью мне стоять на вахте. Он думает, что я сплю, а я потихоньку вышел на пирс, отвязал ялик—и сюда. Они до сих пор таскают ящики и толпятся у сходен; мы подойдем к левому борту и, если никого не встретим на палубе...

— А если встретим? — спросил Вася.

— Я, если встречу, убью, — сказал Виктор.

Он первый побежал к ялику, стараясь разглядеть его на песке. Вася побежал за Виктором, чтобы не потерять его в темноте. Матя шел сзади.

Ялик белел во мраке. Он был вытасчен далеко на песок, чтобы волны не слезнули его. Виктор первый добежал до него и бегом поволок к воде. Матя что-то крикнул, и Вася, хотя не расслышал ни звука, понял:

— Садись!

Вася вскочил в ялик и сел на нос. Виктора Матя заставил сесть на корму, но сам не садился. Он стоял рядом с яликом и медлил поджидая. Длинный язык волны дополз до ялика, подполз под него и легонько приподнял. Тогда Матя потащил ялик от берега, шлепая по воде сапогами. Вода уже доходила ему до колен. Он впрыгнул в ялик, сел и схватил весла.

Волна, отступая, поволокла их за собой в озеро, и Вася скоро потерял из виду смутные очертания берега. Потом встречная волна обрушилась прямо на Васину спину, и Вася упал бы на дно ялика, если бы не держался за борта обеими руками. Теперь их тащило назад, к берегу, и Матя греб сильно и часто, чтобы их не выбросило на песок. Но и эта волна отступила и уволокла их так далеко, что они оказались за пределом прибоя.

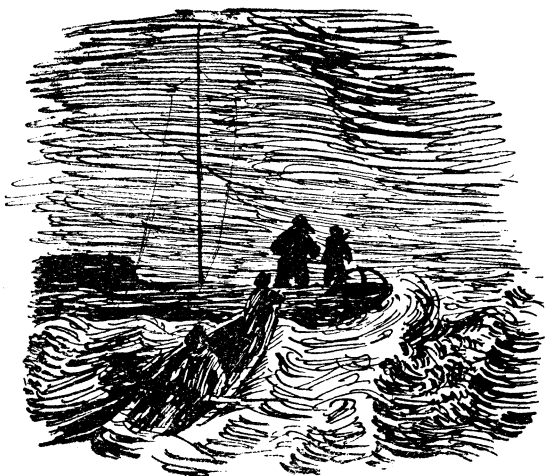
Их подкидывало вверх, и первым всякий раз взлетал Вася, потому что сидел на носу. Матя и Виктор вдруг оказывались далеко внизу, где-то у него под ногами. Потом под Васей открывалась пропасть. Нос ялика обрушивался, увлекая Васю, и Вася на мгновение видел высоко над собою Матю, Виктора и два белых гребня двух волн.

Так они то взлетали, то падали, промокнув до костей, в полной тьме, пока внезапно тонкий и тусклый красноватый луч не коснулся, скользнув по волнам, борта ялика. Луч был так узок, что они почти сразу пересекли его и потеряли. Но Матя слегка изменил курс, и они снова оказались в луче и увидели маленькую красноватую звездочку. Теперь они шли прямо к этой звездочке, по дороге, проложенной лучом.

Когда они подымались, звездочка опускалась; когда они опускались, звездочка подымалась. Вася грудью лег на нос и смотрел вперед, не сводя с нее глаз. Внезапно прямо перед собой, совсем близко, он скорее почувствовал, чем увидел, что-то очень большое и темное. Он догадался, что это борт «Морского льва» и что звездочка—прикрытый щитками фонарь на мачте.

Когда они опускались, «Морской лев» вздымался над ними, как скала, и фонарь сиял высоко в небе; когда они подымались, «Морской лев» становился совсем низким, не выше ялика, и фонарь смотрел им прямо в глаза. Их стремительно несло к «Морскому льву». Удар

был так силен, что Васю швырнуло на дно ялика. Волна прижала ялик к борту, подняла его до самой палубы. Виктор перешагнул через лежавшего Васю и первый выскочил на палубу. Вася встал и прыгнул как раз в то мгновение, когда ялик уже начал опускаться.

Фонарь бросал на палубу тусклое пятно света. Прыгнув, Вася упал плашмя на живот; ноги его висели в воздухе за бортом. Приподняв голову, он при слабом свете фонаря увидел Виктора и еще одного человека — небольшого, бородатого, в шапке. Человек этот стоял прямо перед Виктором и смотрел ему в лицо.

Виктор взмахнул огромной своей рукой и ударил человека по голове.

Человек упал. Шапка скатилась с его головы, блеснула лысина.

По лысине Вася узнал его. Это был Кукконен.

Виктор перешагнул через Кукконена, даже не взглянув на него. Он знал тяжесть своей руки и, вероятно, был уверен, что упавший уже не встанет. Но Кукконен пролежал не больше мгновения. Он перевернулся и сел, держа нож в руке. Не торопясь, он все выше подымал руку, чтобы швырнуть нож Виктору в спину.

3

За это время ялик успел спуститься и снова подняться. Когда он поднялся, Матя прыгнул на палубу. Перешагнув через Васю, он сзади толкнул Кукконена под локоть.

Нож взлетел и, пронесясь в двух сантиметрах от плеча Виктора, упал плашмя на палубу.

Кукконен мгновенно обернулся и обеими руками схватил Матю за горло.

И вдруг узнал его.

— Магька! — крикнул он, пораженный, и разжал руки.

— Да, Андрей Иванович, да, дорогой, это я, — сказал Матя, ласково глядя старика по плечу. — Это мы, Андрей Иванович. Это свои, Андрей Иванович. Вы только не кричите, Андрей Иванович, и все будет в порядке...

Он говорил с Кукконеном, словно с ребенком, произнося первые попавшиеся слова, потому что при таком ветре слов все равно нельзя было расслышать. Говоря, он ласково трогал Кукконена то за плечо, то за руку. Он поднял с палубы шапку и надел ему на голову; поднял нож и сунул ему в ножны. Кукконен притих, успокоился и только растерянно оглядывался.

— И ты здесь! — воскликнул он удивленно, заметив Васю, который успел уже встать и подойти к ним.

— Вот видишь, и он здесь, Андрей Иванович. Ты его давно знаешь, Андрей Иванович, ты его любишь. Андрей Иванович... — продолжал Матя, а сам тем временем откинул крышку люка, схватил Виктора за рукав, указав ему на квадратное отверстие на палубе.

Увидев Виктора, Кукконен снова свирепо насупился и воинственно вздернул кверху свою бороденку.

Но длинные ноги Виктора были уже в люке. Матя слегка пихнул его в спину, Виктор сорвался, полетел вниз и исчез.

— Все в порядке, Андрей Иванович, все хорошо, Андрей Иванович, все прекрасно, Андрей Иванович, — говорил Матя, подводя Васю к люку и подталкивая его сзади.

Вася полетел вниз, в темноту, и упал на Виктора, который барахтался на полу. Подняв голову, Вася увидел, как Матя быстро слез вниз, держась за невидимые поручни, и захлопнул за собой крышку люка.

— Скорей, скорей! — сказал Матя, поспешно уходя куда-то в сторону.

Здесь было гораздо тише, чем снаружи, но зато темно, как в могиле. Вася и Виктор с трудом поднялись, натываясь друг на друга, и остановились, не зная, куда идти.

Матя повернул колесико зажигалки и поднял над головой маленький колеблющийся огонек. При свете этого огонька они увидели коридор между двумя рядами поставленных один на другой белых ящиков, — такой узкий, что двигаться в нем можно было только боком. Они пошли этим коридором, — впереди Матя с зажигалкой, за ним Виктор и сзади — Вася.

За ящиками слышны были голоса, топот ног, — там шла погрузка. Внезапно кто-то окликнул их по-фински, — вероятно, свет зажигалки проникал через щели между ящиками. Матя что-то ответил, тоже по-фински, очень спокойно, и пошел дальше.

Они шли за Матей, и шум погрузки удалялся от них. Коридор вдруг свернул вправо и кончился тупиком. Матя быстро опустился на корточки, коснулся стенки одного из нижних ящиков, и стенка сдвинулась в сторону.

— Полезайте, — сказал он Виктору и Васе.

Виктор понял его раньше, чем Вася. Он лег плашмя на живот и пополз в ящик. Этот ящик оказался пустым, и противоположная его стенка была выбита. Виктор прополз ящик насквозь и очутился в каком-то темном помещении, пол которого был устлан стружками. Он попытался встать, но голова его уперлась в потолок. Тогда он устроился на полу.

Через минуту Вася уже лежал рядом с ним.

— Мне надо уходить, — вполголоса сказал им Матя через пустой ящик. — Я приду к вам, когда мы выйдем из бухты.

Они слышали, как он задвинул стенку ящика и сделал два-три шага. Потом остановился. В тишине они слышали чьи-то тяжелые приближающиеся шаги.

— А, ты здесь! — раздался голос Кукконена.

— Да, я здесь, — ответил Матя. — Тише, Андрей Иванович, тише.

— Не хочу тише! — сказал Кукконен свирепо, но, впрочем, несколько понизив голос. — Где они?

— Кто?

— Ты сам знаешь, кто. Который ударил меня по голове.

— Тише, Андрей Иванович...

— Не желаю тише! — сказал Кукконен почти шопотом. — Нет, ты мне скажешь, где они.

— Андрей Иванович, дорогой...

— Нет, ты мне скажешь! Ты думаешь, я не разгадал, что ты задумал? Я сразу все разгадал. Где они?

— Андрей Иванович...

— Что ты мне все — Андрей Иванович! Если ты не скажешь, я...

— Ты пойдешь и донесешь капитану Котта? — спросил Матя.

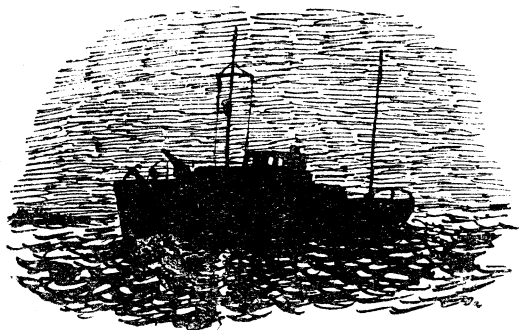
— Нет, я конечно, не донесу капитану Котта...

— А что ж ты сделаешь?

— Уж я знаю, что я сделаю!.. — Но ему, видимо, самому было не ясно, что он сделает. — Я тебе не прощу, что ты мне не веришь, — прибавил он почти плачущим голосом. — Какое ты право имеешь мне не верить?

— Я тебе верю, Андрей Иванович. Пойдем, пойдем. Мы с тобой еще поговорим. Мы с тобой еще все обсудим... Их голоса и шаги затихли вдаль.

(Окончание следует)

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЭТИ НАЗВАНИЯ?

«Зеленая страна»

Географы считают, что Исландия, 20 процентов поверхности которой покрыто ледниками, по праву носит свое имя — «Страна льдов». Но, странным образом, другая страна, меньше 10 процентов поверхности которой свободно ото льдов, получила название «Гренландия», что значит «Зеленая страна».

Площадь ледников Гренландии около 1 800 000 квадратных километров. Общий запас льда в Гренландии так велик, что если бы этот лед внезапно растаял, то уровень воды во всех океанах и морях повысился бы на 8 метров.

Тот, кто дал Гренландии ее имя, не имел обо всем этом ни малейшего представления. Эрик Рыжий, подплывший в 983 году к берегам этого величайшего в мире острова, с радостью остановил свои глаза, уставшие от однообразия бесконечного сурового океана, на скудном зеленом ковре из мха и трав, покрывавшем скалистые берега неведомой страны. Это случайное обстоятельство послужило причиной того, что Гренландия до сих пор носит имя, меньше всего характеризующее ее природу.

Страна «Медведь»

9 июля 1594 года участники экспедиции Баренца убили у берегов Новой Земли белого медведя. В честь этого события место, где охотились путешественники, получило название «Медвежий мыс».

Белые медведи действительно являются очень своеобразными хищниками северной полярной области. Но не в их честь было названо Арктикой (от греческого слова «арктос» — медведь) Северное Полярное море, его острова и северные окраины Европы, Азии и Америки.

Истинной причиной присвоения огромной стране имени медведя послужило то обстоятельство, что на далеком Севере в течение шестимесячной непрерывной ночи созвездие Большой Медведицы ярко сверкает высоко над горизонтом, описывая круги вокруг Полярной звезды. В средних широтах южной Большой Медведицы часто не виден — он скрыт за горизонтом. Ближе к экватору Большая Медведица уже никогда не поднимается высоко на небе. Таким образом, и название «Антарктика» — антипод Арктики — вовсе не указывает на то, что в этой стране нет белых медведей. Оно значит только, что здесь никогда не видно созвездия Большой Медведицы.

Через три материка

Штурман БОРИС ИВАНОВ

(Записки летчика¹)

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ АФРИКИ

1

Через два часа после восхода солнца впереди показалась узкая полоса африканского берега. Перелет через Атлантический океан приближался к концу. Прошло еще полчаса, и наш самолет пересек золотисто-песчаный отлогий берег, за которым началась зеленая земля с едва заметными горами холмов. Ее разрезает широкой извилистой лентой река Гамбия. Это британская колония, названная по имени реки, вдоль которой, на протяжении 200 миль, она вытянулась узким клином, как бы вбитым со стороны Атлантического океана во французские владения в западной Африке. С севера, востока и юга Гамбию окружает Французский Сенегал. Ширина британского клина по обе стороны реки не более 12—30 миль.

Река Гамбия широка и полноводна. Океанские пароходы могут подниматься вверх по ее течению на расстояние до 180 миль (240 км), а более мелкие суда — вдвое больше.

Мы подлетаем к устью Гамбии, образующей своими протоками ряд островков, поросших густым, непроходимым кустарником.

Нам видно в бинокль стадо диких буйволов, забравшихся в реку и высунувших одни только головы из прибрежного ила.

Самолет постепенно снижается, и мы сразу же начинаем чувствовать горячее африканское солнце. В кабине становится нестерпимо жарко.

Тень самолета пугает кабанов, вышедших из кустарника к реке на водопой.

На мысу, отделяющем океан от обширной бухты в устье Гамбии, расположился маленький городок Батерст — административный центр британской колонии. Его одноэтажные домики прячутся под кронами пальм и ветвистых деревьев.

Летающая лодка уже скользит по мутной поверхности бухты, и в кабине становится настолько знойно, что кажется, будто находишься в раскаленной духовке. По счастью, к нам быстро подошел катер, и мы перешли на его грязную, залитую нефтью палубу. Шкипер нам объяснил, что у нас нет основания жаловаться на жару, потому что в ноябре она еще

только начинается. Мы прилетели в Гамбию 6 ноября, в канун нашего великого праздника.

Катер доставил нас к небольшой деревянной пристани, такой же грязной, и нам стоило немало трудов взобраться на нее, не перепачкавшись в нефти. На пристани были сложены тюки кож и множество мешков с земляными орехами. Позже мы узнали, что 95 процентов всего экспорта Гамбии составляют земляные орехи.

Отсюда нас привели к штабу местного гарнизона, расположенного в одноэтажном каменном здании. Мимо нас прошел отряд негритянских стрелков. Они маршировали под музыку. В оркестре преобладали барабаны. Эти черные солдаты британских колониальных войск одеты в белые мундиры и красные фески. Местные негры не привыкли носить обуви, и солдаты также маршировали босыми. Но у каждого на ногах были обмотки, опускавшиеся до щиколоток. И только их младшие командиры были обуты в кожаные башмаки. Очевидно, это требовалось от них по уставу.

В дни войны Батерст представлял собой вооруженный лагерь. Но он не был укреплен, как соседствующий с ним на севере Дакар во Французском Сенегале: по обеим сторонам его фланкируют непроходимые джунгли. Удар по Батерсту мог бы быть нанесен только с моря, но здесь на рейде стоят английские военные корабли. В то время на них была возложена главная задача — наблюдать за берегами Португальской Гвинеи, расположенной к югу от Гамбии, чтобы они не смогли стать приютом для германских подводных лодок.

Пока мы сидели в тени у крыльца штаба, дожидаясь автобуса, который должен был отвезти нас на отдых, к нам подходили негры. Единственной их одеждой были трусы. В Гамбии живут негры различных племен. Еще в прошлом столетии английские фактории, расположенные по берегам Гамбии, приобретали здесь черных рабов, выменивали их на ром и дешевые побрякушки и отправляли их затем в Америку.

Негры долго и молча оглядывали нас. Мы обратили внимание на негритянскую девушку, с очень короткими черными курчавыми волосами, которые она заплела в тоненькие косички. Но девушка была модницей, и этого ей было мало. К голове она прицепила еще фальшивую косичку, сплетенную из черных шнушков, которая нависала над ее лбом в виде тугого жгута.

¹ Окончание. Начало см. «Вокруг света» № 7.

Один молодой негр решился, наконец, с нами заговорить на ломаном английском языке. Он рассказал нам, что изучил азбуку Морзе и допущен к работе на радиостанции. Он говорил об этом с гордостью, потому что достиг предела технических знаний, которые могут получить негры в британской колонии.

Через час подошел автобус и повез нас в общежитие.

Мы ехали по раскаленным от солнца улицам города среди одноэтажных, выбеленных известкой, кирпичных домов, занятых лавками и торговыми конторами, и глинобитных негритянских хижин.

Серая пыль клубилась по немощеным улицам, покрывала стены домов, лица людей и толстым слоем лежала на листьях деревьев. Улицы в некоторых местах были заасфальтированы, но лишь там, где находился дом английского губернатора или проживали английские чиновники.

Наконец нас доставили к месту долгожданного отдыха — зданию, похожему на длинный сарай.

Изнуренные жарой после бессонной ночи перелета через Атлантический океан, мы тотчас же улеглись на койки под сеточными пологам, предохранявшими от москитов и различных насекомых.

Под вечер, когда спала жара, мы вышли прогуляться по негритянским кварталам — «улицам нищеты» — и забрели на базар. Повсюду валялись гнилые овощные отбросы. К корзинкам с рыбой невозможно было подойти: мухи роями носились над ними. Разбросанный на затоптанной мешковине товар, который мы приглядели за куски серого бульжника, оказался колотым сахаром, густо запыренным пылью.

Не случайно поэтому в Батерсте никогда не переводится дизентерия.

В другой части базара, под крышей, торговали кустарными изделиями. Это большей частью грубые изделия из плохо выделанной сыромятной кожи, которые издавали тяжелый кислый запах. В большом количестве здесь можно было найти дешевые блестящие безделушки и разноцветные стеклянные бусы, специально изготавливаемые европейскими фабриками для остальных народов Африки.

На следующий день мы праздновали двадцать

седьмую годовщину Октябрьской социалистической революции. Нам был приготовлен обед в тени гигантского баобаба.

Баобаб — дерево-великан. Его могучий и полный внутри ствол, достигающий нескольких футов в обхват, служит туземцам отличным резервуаром для хранения воды, накапливающейся в нем в течение периода дождей. Из листьев баобаба туземцы варят суп, из его коры приготавливают лекарство от глазных болезней, а его огромные плоды употребляют в пищу, как овощи.

В тот же день мы пустились в дальнейший путь. Нам предстояло лететь в Марокко вдоль африканского побережья Атлантического океана. Беспосадочный перелет должен был занять около пятнадцати часов.

Мы вылетели из Батерста перед заходом солнца.

С наступлением сумерек наш самолет уже обогнул Зеленый мыс — самую западную оконечность африканского материка, на которой расположен французский Дакар.

Нам был виден его порт, наиболее благоустроенный на всем западном протяжении африканского побережья — от Гибралтара до Кейптауна.

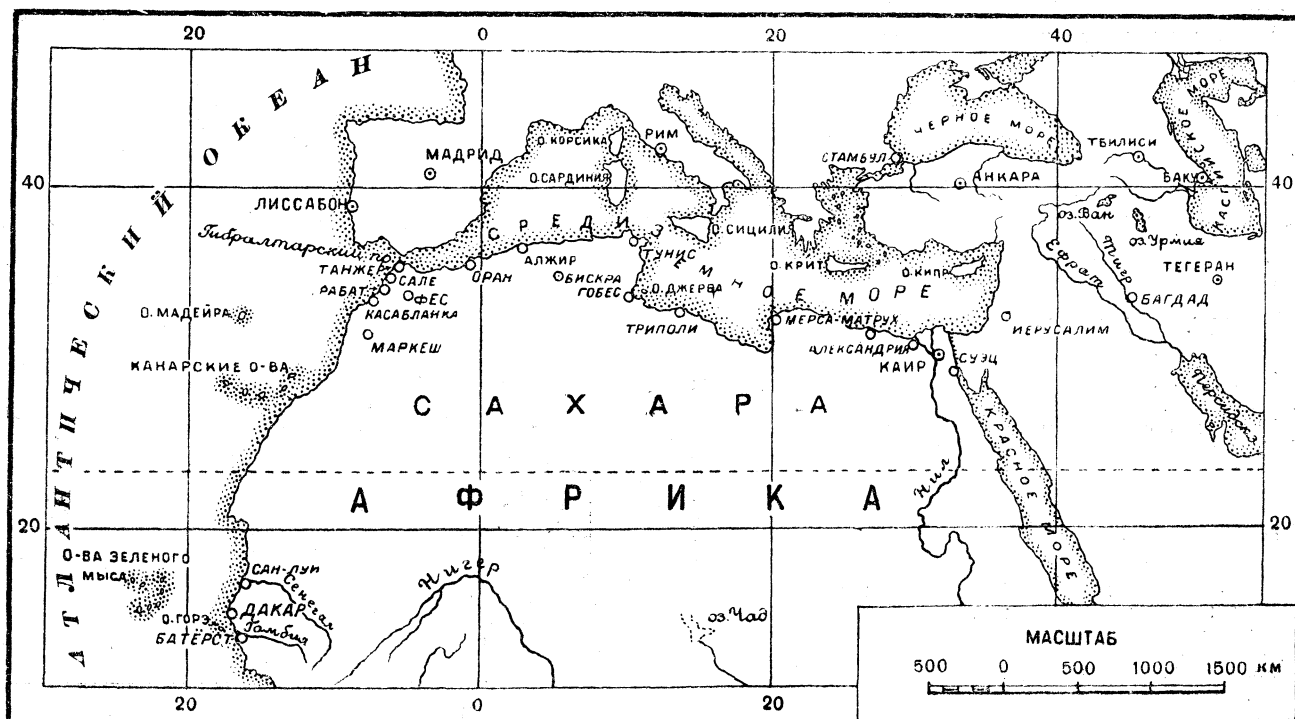
Дакар — самый приближенный пункт к Южной Америке: 1860 миль его отделяют от Наталя, откуда мы начинали свой перелет через Атлантический океан. Из Дакара ведет железная дорога в глубь Французского Судана.

Правительство Виши готово было предоставить Германии эту важнейшую военно-морскую базу, опираясь на которую Гитлер строил план захвата Южной Америки. Англичане, действуя совместно с вооруженными силами Свободной Франции, неоднократно бомбардировали с моря и с воздуха Дакар и прилегающий к нему небольшой укрепленный островок Горэ.

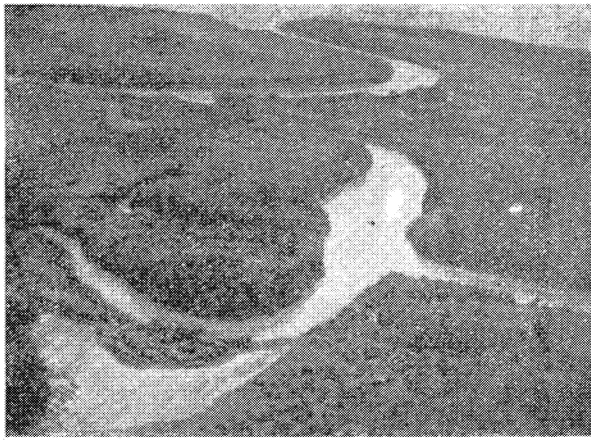
Однако за все время войны англичане не сделали ни одной попытки взять Дакар с суши, потому что это была бы чрезвычайно трудная операция.

Мы летим далее, придерживаясь берегов Французской Мавритании.

Черная звездная африканская ночь сопутствовала нам в течение всего полета вдоль побережья испанской колонии Рио-де-Оро.

Наш маршрут был: Батерст—Касабланка—Каир — горное плато Ирана—СССР.

Вдоль берегов реки Гамбии лежит британская колония того же названия.

ЖИТНИЦА ФРАНЦИИ ПРОСИТ ХЛЕБА И РИСА

На четырнадцатом часу полета перед нами открылся прибрежный город Касабланка. Мы достигли берегов французской колонии Марокко.

В городе преобладают европейские здания белой и желтой окраски с башнями золотисто-охрового цвета. Тропическая растительность придает городу нарядный вид.

Касабланка была построена португальцами во второй половине XV столетия рядом с процветавшим в то время туземным городом Анфа. Здесь португальские купцы вели бойкую торговлю с маврами. И до настоящего времени Касабланка сохраняет значение первостепенного порта.

Был ранний час, когда мы пролетали над Касабланкой. Город еще спал, и его улицы выглядели пустынными.

Спустя несколько минут мы увидели на берегу океана другой марокканский город — Рабат. Его белоснежные дома также утопали в яркой тропической зелени.

Наша летающая лодка пролетела еще немного на север и опустилась на прохладную, остывшую за ночь, тихую поверхность реки Лиотей у города того же названия, расположенного при впадении реки в океан.

По выходе на берег наше внимание было сразу же приковано к возвышавшемуся на холме многоэтажному белому зданию, обнесенному высокой, такой же белой стеной и колючей проволокой. Это тюрьма. Правительство Виши держало здесь в заточении французских патриотов. Теперь в ее многочисленных камерах содержатся французские предатели.

При режиме правительства Виши хозяевами Марокко были немцы. Они ограбили арабов и французов, и Марокко, которое считалось житницей Франции, теперь само просит хлеба и риса.

Берег, по которому мы шли, носил следы недавних боев.

Пользуясь свободным временем, мы отправились в Рабат, который связан с Лиотей шоссейной дорогой. По обе стороны шоссе непрерывной стеной тянутся тенистые деревья, превосходно укрывающие путешественников от солнца. За деревьями виднеются зеленые поля.

Повсюду следы хозяйничанья гитлеровцев. Туземные скотоводы лишились своих овечьих стад. Кое-где еще паслись одинокие овцы. Мы ожидали увидеть здесь табуны кровных арабских лошадей, которыми еще древние римляне укомплектовывали свою кавалерию. Но вместо них нам попадались на глаза только редкие исхудавшие клячи, жадно щипавшие траву.

Мы проезжаем мимо деревушки, где в глиняных хижинах и убогих шалашах ютятся оседлые берберы.

Берберы составляют коренное население Марокко.

Арабы, вторгнувшись сюда в VII веке, навязали берберам свою религию — ислам — и привили им много своих обычаев. Однако одежда берберских женщин, жительниц Атласских гор, сохраняет и до сих пор следы влияния древнегреческой культуры. Эти женщины носят белые домотканые шерстяные плащи, напоминающие хитоны, и головные уборы в виде древнегреческих шлемов.

В деревушке, мимо которой мы проезжали, мы насчитали двадцать дворов и более пятидесяти гнезд аистов.

Аисты ежегодно ранней весной совершают перелет из Южной Африки на север. Впоследствии мы встречали их в огромном количестве на всем протяжении от Марокко до Египта, где основная их масса оседает, чтобы выводить птенцов. Немалое количество аистов залетает также в Южную Европу. Они выют гнезда и у нас на Украине.

Вот мы идем по улицам Рабата, на который еще недавно смотрели с воздуха. Его высокие европейские дома и особняки носят черты стилизованной восточной архитектуры. Но есть и много зданий, построенных в зыдержанном мавританском стиле, как в испанской Гренаде или Севилье.

Витрины магазинов сверкают зеркальными стеклами. Но в магазинах пусто. Гитлеровцы их дочиста обобрали. В ресторанах и кафе нельзя ничего заказать, кроме вина.

Франуженки стучат деревянными подошвами по плитам тротуара, а французы ходят в заштопанных костюмах.

На асфальтированных улицах очень редко встречаются автомобили. Жители разъезжают на велосипедах. Среди велосипедистов больше всего женщин. Они возят на багажниках детей и корзины с разной поклажей.

В день нашего прибытия улицы были разукрашены советскими и французскими государственными флагами по случаю годовщины Великой Октябрьской революции. Были развешаны также и флаги Соединенных Штатов Америки. Этим французы желали отметить победу Рузвельта на президентских выборах.

Марокко. В европейской части города Касабланка имеются современные здания. Слева — башня для часов, построенная французами в мавританском стиле.

Рабат — административный центр Марокко. Здесь имеет местопребывание марокканский султан и французский резидент-генерал.

Султан имеет своих министров, называемых «везири-ми», с великим везирем во главе. Он устраивает торжественные выезды в сопровождении многочисленной свиты, состоящей из всадников в белых шерстяных бурчусах с белыми капюшонами. По бокам длинными шеренгами следует эскорт пеших гвардейцев.

Но это все, что осталось от его власти в стране. Султан играет роль только марионетки. Действительным управителем является французский резидент-генерал.

Из европейских кварталов Рабата мы прошли в восточную часть города через ворота к высокой белой кирпичной стене и сразу очутились на узких кривых улицах. Одноэтажные и двухэтажные дома подлинной арабской архитектуры тесно прижимались друг к другу.

Вдоль городской стены устроился шумный базар. Расположенные рядами лавки в виде альковов торговали поношенной одеждой, табаком, стеклами, свечами, железным ломом, лекарственными травами и корешками, старыми книгами, различным тряпьем и всем, чем могут торговать в разоренной стране, где побывали гитлеровцы. Мы искали здесь прославленные марокканские кустарные изделия из кожи, но ничего не нашли, кроме истоптанных кожаных туфель, называемых «бабушами».

Из харчевен тянуло запахом жареного мяса. Синий чад, отделяясь от жаровен, смешивался с пылью, поднимаемой проходившими мимо верблюдами и ослами. Тут же сновали разносчики национального блюда «каускаус». Это род каши из толченой пшеницы с ломтиками тушеной баранины и тыквы. Мы не знаем, как выглядело это блюдо прежде, но сейчас тыква явно преобладала над бараниной.

Мы остановились у высокого портала мечети, выложенного изящной и тонкой мозаикой. На ступеньках сидел глубокий старик, араб, в белом бурнусе и медленно перебирал четками.

Мы обратились к нему через нашего переводчика. Нам хотелось узнать, как жилось этому старику при немцах.

Старик внимательно взглядел на нас и начал негоплоливо:

— Было у меня двенадцать баранов, — сказал он. — Осенью Гитлер приказал остричь с них шерсть, потому что его солдатам было холодно в Московии.

Старик остановился.

— Это верно, — подумав, продолжал он. — в Московии зимой бывает очень холодно, и там лежит снег, как на вершинах наших гор. Я об этом читал у Ибн Батуты¹.

После того как я остриг баранов, Гитлер приказал заколоть их, потому что нужно было кормить его солдат в Ливии. В Ливии очень жарко. А когда жарко, саранча много ест... Я об этом нигде не читал. Знаю по опыту. И у меня не осталось ни клочка шерсти, ни фунта мяса.

Старик помолчал. Потом обратился к переводчику:

— Они хотят знать, что я думаю о шайтане Гитлере. Так ты им передай. Точно передай. Найди, пожалуйста, в их языке точно такие же слова: «Пусть свинья издохнет на могиле его бабушки!»

Утром 10 ноября мы вылетели из порта Лиотей.

Нам предстоял многочасовой перелет с посадкой у острова Джерба, близ юго-восточного берега Туниса.

С полчаса мы летим над зеленой равниной Марокко с возделанными полями. Кое-где виднеются одинокие лачуги земледельцев и редкие пятна садов.

С юга нам сопутствует цепь Атласских гор со снеговыми вершинами, а на севере, со стороны Испанского Марокко, горный хребет Риф. Под нами бежит рельсовый путь, соединяющий Рабат с Мекнесом.

Ливийская пустыня.

Средняя высота Атласских гор достигает 10 тысяч футов. Древние греки называли их по имени своего мифического героя — гиганта Атласа, подпиравшего небо. Южные склоны так называемого Большого Атласа покрыты кедровыми лесами с деревьями, достигающими четырехсотлетнего возраста. Но нам видны только его северные склоны, серые, с редкой растительностью, к кручам которых прилепились арабские селения. Даже на отдельных скалистых вершинах виднеются домики горцев, сложенные из дикого камня.

Мы подлетаем к городу Мекнес — одной из столиц Марокко. По всему городу разбросаны мечети. Мы насчитали до пятнадцати минаретов.

Мекнес прославился дворцами султана Мулай Исмаила, современника французского короля Людовика XIV. Резко выделяются высокие красные стены, окружающие дворцы, в которых французы устроили музей. Эти циклопические стены возводились тысячами христианских рабов, а внутри них были устроены темницы для христианских пленников султана.

От Мекнеса железная дорога тянется к Фесу.

Фес предстал перед нами, озаренный утренним солнцем. Этот город со своими мечетями и гробницами, облицованными мозаикой, с куполами, покрытыми глазуриью, и со стройными минаретами показался нам иллюстрацией к сказкам Шахразады «Тысяча и одна ночь». И было бы, пожалуй, более уместным, если бы над городом вместо лежащей лодки современной конструкции в этот утренний час пролетел бы сказочный ковер-самолет.

Далее мы продолжали полет вдоль границ Испанского Марокко. Эти места снискали себе в недавнее время дурную славу. Именно отсюда Франко подал сигнал к фашистскому мятежу в Испании, и сюда бежали немецкие захватчики, когда их гнали из Французского Марокко и Алжира.

«ЕГИПЕТ — ЭТО НИЛ»

Хребет Риф и Атласские горы сходятся под углом у берегов Средиземного моря. Перелетев через них, мы очутились в другой французской колонии — в Алжире. Перед нами открылись бирюзовая гладь Средиземного моря и город Оран, лежащий у подножия гор.

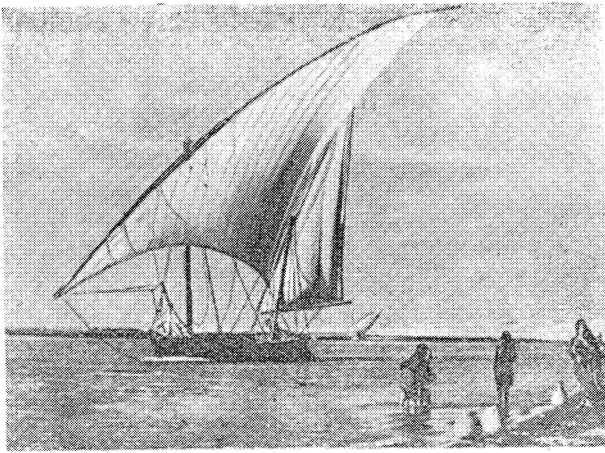
Мы пролетаем над южной окраиной города, поворачиваем на юго-восток, оставляя позади себя море, и снова углубляемся в Африку.

Почти весь дальнейший наш путь проходит над безлюдной частью горного Алжира. Здесь исчезает всякая растительность. Тянутся невысокие серые горы и пересохшие русла рек. И только возле маленького города Бискры замечаются небольшие пятна лесов.

Потом мы выходим на простор пустыни в южной части Туниса, также французской колонии.

Здесь уже начинается Сахара. Знойные песчаные дюны — и ни одного колодезя, ни одного кустика.

¹ И б н Б а т у т — путешественник XIII столетия

Египет. Неуклюжая грузовая фелука очень легко движется по Нилу, когда дует попутный ветер.

Было уже после полудня, когда мы опустились у плоского и песчаного берега острова Джерба, где впервые увидели рощу финиковых пальм.

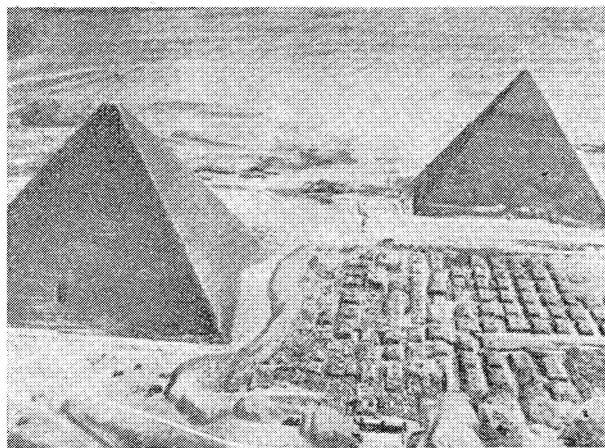
На небольшом острове Джерба живет до шестидесяти тысяч человек: арабы, греки, турки. Арабы занимаются земледелием, греки и турки — морским промыслом, добывая в большом количестве губки.

Англичане устроили на острове промежуточную авиационную базу, где делают посадку самолеты, совершающие перелет из Англии в Египет. Но авиационная база оборудована плохо. Нам пришлось останавливаться в палатках на берегу, у края воды, под финиковыми пальмами.

В это время года здесь бывает холодно, и мы ночью мерзли в палатках, как не замерзали у себя в Арктике. Когда наступило утро, мы с удовольствием отогрелись горячим чаем.

На следующее утро, до восхода солнца, мы вылетели в Египет.

Около четырех часов наш путь лежал над Средиземным морем, вдали от низких и пустынных берегов Ливии. К африканскому матерiku мы вновь вышли у города Бенгази.

Египет. Пирамиды-гробницы египетских царей. Слева — самая высокая пирамида фараона Хеопса, достигавшая высоты 470 футов. С течением времени верхушка ее осыпалась и высота понизилась до 450 футов. На строительство пирамиды пошло до 2 300 000 обтесанных каменных глыб, которых хватило бы на жилища для 120 000 человек. Рядом с ней древнее кладбище, где хоронили членов царской семьи и египетскую знать. Кладбище со склепами в виде домов и прямыми улицами между ними скорее походит на «город мертвых». На заднем плане — пирамида фараона Хефрена.

Имя этого города известно всем, кто следил по сводкам за сражениями в Киренаике между англичанами и войсками Роммеля. Здесь происходило одно из самых сильных сражений за Африку. Еще виднеются следы укреплений, изуродованных глубокими воронками авиабомб, валяются подбитые и сожженные танки, разбитые автомашины и самолеты. Земля разрисована следами танковых гусениц. Но сам город Бенгази, как нам показалось с воздуха, мало пострадал.

Отсюда война отодвинулась на запад, и туда тянутся непрерывные танковые следы.

От Бенгази летим к Бардии. Под нами лежит пустынная земля терракотового цвета без единого признака жизни. Бескрайняя пустыня теряется за пределами видимости.

От Мерса-Матрух на восток мы наблюдаем следы сражений, но у барьера небольших возвышенностей вблизи Эль-Аламейна все оканчивается. Тут немецко-итальянские войска были остановлены и Роммель начал свое отступление.

За этим барьером уже не было войны. Отсюда открывается вид на зеленую долину Нила и пирамиды Гизы.

У синих вод Средиземного моря лежит белая Александрия, убранная зеленью пальм и окруженная ковровыми полями и хлопковых плантаций.

Нил протекает по желтой, выжженной солнцем Ливийской пустыне, и с воздуха кажется, будто эти берега вправлены в узкую зеленую рамку кропотливо обработанных полей.

Мы летим вдоль границы живого растительного покрова и мертвой пустынной земли, направляясь к пирамидам.

Под нами самая высокая пирамида Хеопса. Мы снижаемся до высоты ее вершины.

Через несколько минут наш самолет пролетает над столицей Египта — Каиром, расположенным на берегах Нила. Каир раскинулся широко. В нем живет до полутора миллионов жителей.

С высоты полета город кажется хаотическим нагромождением домов с плоскими восточными крышами, среди которых возвышаются средневековые цитадели, белые купола мечетей и минареты, с запутанным лабиринтом улочек. С ними контрастирует другая часть города, с европейскими зданиями и прямыми улицами. Через широкий Нил перекинуты мосты, соединяющие с городом населенные островки Джезира и Рода.

Нам виден плывущий вверх по Нилу белый речной пароход и белые паруса фелук.

От Каира мы уходим к Суэцкому каналу. По обеим сторонам его прямых, как линейка, берегов — мертвая пустыня. И только вдоль западного берега канала мы видим длинный ряд финиковых пальм. Это искусственное декоративное насаждение. Канал, протяжением в 103 мили, соединяет Средиземное и Красное моря.

Наша летающая лодка совершает посадку на просторном озере Касфори, входящем в систему канала.

Жизнь на английской авиационной базе здесь, так же как и на острове Джерба, лишена всяких удобств. Нам снова приходится ночевать в палатках.

На рейде стоят два тяжелых итальянских крейсера, сдавшихся в плен. Англичане очистили их трюмы от снарядов. В плену итальянские команды крейсеров чувствовали себя неплохо. Война в то время перекинулась из Африки на их полуостров, и бои шли под Римом.

На озере рыбаки-арабы тянули сети, вылавливая мелкую рыбешку. Тут же охотились за рыбой пеликаны и стройные фламинго на длинных розовых ногах.

Суэцкий канал был открыт в 1869 году. На пьедестале памятника его строителя французского инженера Лессенса начертано по-латыни: «Aperire terram gentibus», что означает в переводе: «Открыть землю всем народам». Фактические хозяева канала англичане, по видимому, «строго придерживаются» этого завета. Так они, несмотря на протесты миролюбивых наций, пропускали через канал итальянские военные корабли и транспорты с войсками, когда фашистская Италия вела захватническую войну в Эфиопии.

Суэцкий канал играет важнейшую роль для Британской империи, как кратчайший морской путь к ее колониям и доминионам. Так, например, путь от Лондона до Бомбея, пролегающий прежде вокруг африканского материка, Суэцкий канал укорачивает на пять тысяч морских миль.

По договору с Суэцкой компанией египетское правительство должно получить канал в свою собственность в 1968 году.

Ночью в палатках мы были разбужены стрельбой. Стреляли египетские пограничники, разъезжающие верхом на однопорбых верблюдах, преследуя контрабандистов, которые переправляют в Египет опий.

Рано утром мы отправились на грузовом автобусе осматривать Каир.

Дорога шла через пустыню у подножия невысоких каменных гор — отрогов хребта, вытянувшегося с севера на юг вдоль побережья Красного моря. Дорога была плоха, и тяжелый автобус сильно подбрасывало.

Каир по-арабски называется «Эль-Кахира» (в переводе — «Победоносный»). Его начали строить в X столетии фатимидские халифы.

Но новая часть города не имеет никакой преемственности с древней арабской культурой. Это вполне современные европейские кварталы с отелями, универсальными магазинами, ресторанами, кинотеатрами, банками, торговыми фирмами. На его широких заасфальтированных улицах можно встретить представителей любой национальности и услышать разноязычную речь. Даже все вывески и объявления пишутся на французском языке и только сопровождаются арабским подтекстом, хотя государственным языком Египта считается арабский.

Толпа на улицах многолюдна, пестра и шумлива. Повсюду мелькают красные фески. Их также обязательно носят государственные служащие.

Всевозможные виды транспорта заполняют улицы нового Каира. Тут можно увидеть «паккарды», «форды», военные «Биллисы», тяжелые грузовики, фазтоны с упряжками рысаков и начищенными медными фонарями, двухколесные неуклюжие повозки, запряженные мулами, и легкие, запряженные ослами, с пассажирами, отправляющимися осматривать пирамиды. Можно также увидеть арабов верхом на ослах и разъезжающих на велосипедах с прицепными колясками или просто идущих пешком с нагруженными тележками.

Речные каналы забиты фелуками с необычайно высокими мачтами и парусами, напоминающими крылья птиц.

Но вот мы подходим к высоким стенам старого Каира, возведенным в XI столетии, и через ворота Баб Зувейла сразу попадаем в средневековый арабский город. Здесь, в лабиринте узких переулков, можно легко заблудиться. Пытаемся ориентироваться по очень высокой цитадели, построенной Салах эд-Дином (Саладином) — тем самым прославленным предводителем сарацинов, который сражался с рыцарями-крестоносцами в Сирии и Палестине.

Мы заглянули в ковровую мастерскую. Несколько десятков девочек-подростков, с повязанными на головах косынками, трудились у ткацких станков. Заунывно напевая, они быстро вязали узлы и, ритмично взмахивая маленькими ножами, отрезали пряжу, делая нежный и ровный ворс. Под их ловкими пальцами равномерно вырастал ковер и возникали на нем изящные орнаментальные узоры. В мастерской, наполненной шерстяной пылью, их рабочий день продолжается четырнадцать часов. За свой труд они получают непомерно низкую оплату.

А рядом, в соседней лавке, мы видели «возрождение» древнеегипетского искусства. Портной-араб вырезывал из цветных лоскутов фигурки Озириса, Изиды, богини Гатор с коровьими рогами, Анубиса с шакальей мордой, скопированных со стеной росписи древних гробниц, и нашивал их на салфетки. Хотя эти «произведения искусства» и расцвитаны исключительно на европейских туристов, а сейчас — на английских и американских солдат, однако, с точки зрения ислама, такое

занятие для мусульманина считается греховным. Но что поделаешь, если салфетки с языческими богами приносят больше дохода, чем шитье мусульманских халатов!

На площади Эль-Малика Фариды мы сели в трамвай и отправились к пирамидам Гизэ.

Мы проезжаем по мосту через полноводный Нил. Кто-то из пассажиров сказал: «Египет — это Нил». И мы невольно соглашаемся с таким определением. Шестнадцать миллионов жителей живут вплотную у его берегов, по обеим сторонам которых — бесплодная и безлюдная пустыня.

Местные жители называют свою великую реку «Зеленый Нил». Но они, очевидно, имеют в виду только его зеленые берега, потому что вода в нем рыжая от ила. Впрочем, солнце в разное время дня придает ей своеобразную окраску, но только не зеленую.

Проехав длинную дамбу, вдоль которой вытянулся ряд европейских особняков с садами, и обогнув финиковые пальмы, за которыми виднелись рисовые поля, мы сразу же очутились в пустыне.

Конечная трамвайная остановка находится недалеко от «гиганта пустыни» — Сфинкса.

У Сфинкса отбит нос, но пристально смотрящие глаза, рот и уши сохранились отлично. Губы его сложены в улыбку, о загадочности которой по-разному рассказывается в древних легендах. Некоторые современные египтологи считают, что Сфинкс представляет собой портрет фараона Хефрена, восшедшего на египетский престол в 2668 году до нашей эры и чья пирамида (вторая из трех по высоте) возвышается позади него. Хефрен приказал изваять свой гигантский портрет с львиным телом, как символ своего царского могущества.

Голова Сфинкса дала трещину, и подбородок его подпирали сотни мешков с песком, образуя своеобразную защиту на тот случай, чтобы от взрывной волны немецкой авиабомбы не оторвало Сфинксу головы.

Мы подходим к пирамиде Хеопса.

По ребру пирамиды вытянулась вереница арабов, от ее основания до вершины. Они стоят на каждом каменном выступе. Это — «единая артель», представляющая собой своего рода «лифт» для поднятия туристов на вершину пирамиды. На каждом выступе туристов поднимают на руки и передают вверх по живой цепочке.

К нам подошел представитель этой «артели» и предложил за «бахшиш» проделать и с нами такое упражнение. Мы отказались — нам не было необходимости подниматься на вершину пирамиды, так как накануне

С высоты полета Каир кажется хаотическим нагромождением домов с плоскими крышами, среди которых возвышаются белые купола мечетей и минареты.

Ирак. Скучно вознаграждаемый труд иракских крестьян очень тяжел. На снимке — крестьянин тащит за собой примитивное сельскохозяйственное орудие для обработки рисового поля.

мы имели возможность обозреть ее окрестности с воздуха. Тогда нам предложили воспользоваться услугами проводника — пожилого араба, чтобы осмотреть внутренние помещения пирамиды.

Наш проводник держался с достоинством, отвечавшим его возрасту.

Мы вскарабкались по каменным глыбам до входа в пирамиду. Здесь проводник зажег крошечный огарок свечи и повел нас по темному, узкому и низкому коридору. Итти пришлось 80 метров вверх по уклону и при этом сильно пригибаться. От застоявшегося знойного воздуха в коридоре было очень душно.

Когда мы вошли, наконец, в усыпальницу фараона, у нашего проводника «неожиданно» погас огарок, и мы очутились в полной темноте. Проводник с достоинством объяснил нам, что он, по неосмотрительности, захватил с собой только маленький огарок, который, к сожалению, весь выгорел. Но если мы пожелаем, он дополнительно за пять пиастров может осветить нам усыпальницу маггием. Пришлось согласиться.

Запылал магний, и мы увидели не слишком просторное помещение, но с высоким сводчатым потолком, покрытым столетним слоем копоти свечей. Голые стены были сложены из таких же обтесанных каменных глыб, какие мы видели снаружи пирамиды. Возле одной из стен стоял пустой каменный саркофаг. Мумия фараона Хеопса, покоившаяся в нем около пяти тысяч лет, перекочевала в один из европейских музеев.

Любопытно отметить, что во время войны мумии, хранившиеся в местном, каирском музее, вернулись обратно в свои саркофаги. Это было сделано из предосторожности, в ожидании бомбардировки Каира немецкой авиацией.

Мы вышли из пирамиды и расплатились с проводником, который с неизменным достоинством пересчитал у себя на ладони каждый пиастр.

Но тут нас стали перехватывать другие «деловые люди», предлагая покатать верхом на верблюде вокруг пирамиды, что составляет прогулку в один километр по основанию пирамиды. Каждый из них расхваливал своего верблюда и его мягкую походку.

Прорвавшись сквозь их строй, мы направились победать в расположенный в пустыне, вблизи пирамиды Хеопса, маленький ресторан, содержащийся предприимчивым греком, где английские и американские солдаты пили виски.

ТЫСЯЧА НАЗВАНИЙ ДЛЯ ВЕРБЛЮДА

Утром 15 ноября мы вылетели в Багдад.

На всем протяжении нашего воздушного маршрута это был самый короткий перелет, продолжительностью в четыре часа.

Едва мы оставили позади себя Суэцкий канал, как

гочас же оказались над песчаной пустыней с волнообразными дюнами, походившей на застывшее море во время шторма.

Отсюда уже начиналась Передняя Азия.

Безжизненная пустыня продолжалась недолго. Вскоре перед нами открылась Палестина с ее обработанными зелеными полями и цитрусовыми садами.

Приближаясь к Иерусалиму, мы летим над долиной Гедрон. Под нами оливковые рощи, виноградники и много кипарисов, посаженных возле земледельческих ферм.

К Иерусалиму мы подлетаем с юго-запада и делаем над городом круг, чтобы лучше рассмотреть его.

Иерусалим обнесен средневековыми зубчатыми стенами.

С высоты нам особенно бросается в глаза беспорядочная скученность приземистых домов, среди которых выделяются три здания: арабская мечеть Омара, расположенная на воздушной террасе на том месте, где, по библейским преданиям, находился храм и дворец царя Соломона, затем — храм «Гроба господня» и белое здание музея американского миллиардера Рокфеллера. Последнее находится за пределами средневековых стен. В этой части нового Иерусалима уже заметна планировка. Все дома здесь построены в европейском стиле, но с плоскими крышами.

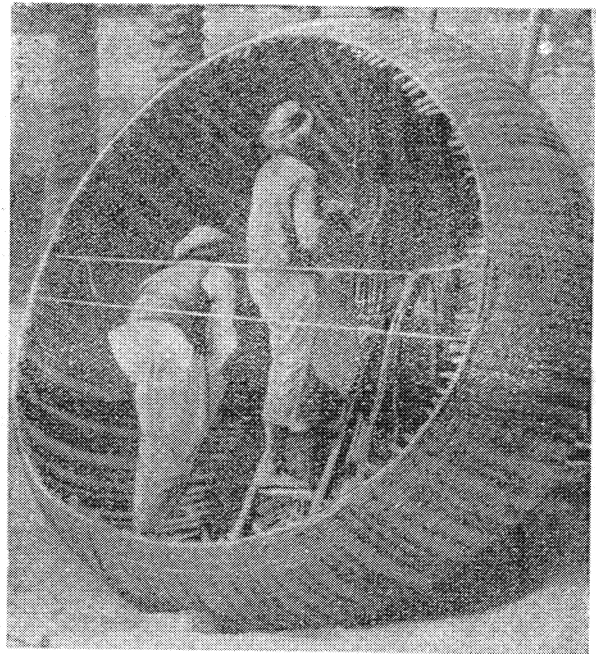
Завершив круг, мы снова легли на курс и через десять минут уже пролетали над Мертвым морем, вытянувшимся с севера на юг между двумя невысокими горными хребтами.

Это самое соленое озеро на всем земном шаре. Насыщенность солью в нем достигает двадцати пяти процентов. Рыба, случайно попадающая сюда из реки Иордан, мгновенно гибнет, но птицы, вопреки библейской легенде, все же летают над озером.

За Мертвым морем снова тянется пустыня, но не песчаная, а глинистая, с многочисленными пятнами соленых озер. Здесь мы уже в пределах Трансиордании.

Дальше начинается Ирак — такая же пустыня, но без озер.

К концу перелета мы следуем вдоль шоссе, соединяющего Иерусалим с Багдадом, и, не долетая семидесяти километров западнее Багдада, опускаемся на озеро Хабания у реки Евфрат.

Ирак. Строительство круглой лодки «гуфа», служащей жителям Евфрата паромом для перевозки людей и тяжелых грузов. В лодку впрягаются лошади, которые тащат ее ввысь по реке. Из-за недостатка твердых древесных пород лодки плетут из тростника и затем обсмоливают их, как это делалось три тысячи лет назад.

Езда на кутасе (Памир)

Фото В. Рацка

В высоких горах Памира киргизы разводят яка—кутаса. Им пользуются для верховой езды и перевозки вьюков. Рабочий як отличается от дикого окраской и меньшим ростом.

Прекрасно приспособленный к разреженному воздуху высокогорного пояса, як без труда несёт 100-150 килограммов груза через снежные поля и по крутым склонам гор.

С нашим прибытием сюда, погода резко испортилась. Но, несмотря на дождь, на следующий день мы отправились в Багдад. Через Евфрат переправляемся на пароме, называемом «гуфа». Это лодка круглой формы, которую из-за недостатка здесь твердых древесных пород плетут из тростника в виде огромной корзины и затем обсмоливают ее. Так строились эти лодки и три тысячи лет назад. В паром впрягают лошадей, и они тянут его впласть по реке.

По ту сторону Евфрата тянулись заболоченные рисовые поля. Мы видели двух крестьян, из которых один, запрягшись в примитивное земледельческое орудие, ед-ва тащил его. Но труд второго крестьянина был еще тяжелей. Он налегал изо всех сил на свой «плуг», чтобы проложить бороздки в топкой земле.

Мы приехали в Багдад, обрызганные дорожной грязью, и нам пришлось сначала зайти в английский военный клуб, чтобы привести себя в порядок.

За недостатком времени мы не могли задерживаться в столице Ирака, чтобы подробнее познакомиться с ней. Нам предстоял самый тяжелый этап перелета через высокие горные цепи Ирана, и нужно было поскорей возвращаться к летающим лодкам, чтобы подвергнуть их тщательному осмотру.

Поэтому мы направились прежде всего в центральную часть города. Мы шли запутанными, тесными и немощными улицами, где местами от дождя было так грязно, что с трудом можно было пробираться в сапогах.

В Багдаде живут арабы, курды, сирийцы, турки, иранцы, индусы. Местные жители носят на голове чалму, большей частью клетчатую, темных расцветок.

Нам часто попадались «зьяреты» — маленькие гробницы исламских подвижников веры, почитаемые, как святые места. Над ними обычно водружены шести, увенчанные металлическим изображением кисти руки, которые символизируют руку родственника пророка Мухаммеда Аббаса. Согласно исламским преданиям, в битве арабов с «неверными» под Кербалой (в 680 году) у Аббаса были отрублены обе руки в то время, когда он пил воду.

Возле «зьяретов» мы встречали дервишей — нищенствующих исламских монахов, в грязной одежде, с длинными бородами и заросших волосами, спускающимися до плеч.

В Багдаде много восточных лавок, но имеются также и современные европейские магазины.

Вместе с тем нам не могло не броситься в глаза большое количество босых людей, одетых в лохмотья.

Если бы халиф Гарун-аль-Рашид, которому Шахразада рассказывала свои сказки, прошелся бы теперь передетым по улицам Багдада, как это он любил делать при жизни, он понял бы без труда, что его некогда могущественная страна стала яблоком раздора современных империалистов.

На правом берегу реки Тигр находится старая часть города, где сосредоточены развалины и старинные мечети. Здание арабской высшей школы, построенное в XIII столетии и славившееся преподаванием в нем наук и философии, превращено в караван-сарай.

Прежде чем покинуть город, мы попали на верблюжий базар, где продавали также и лошадей. Здесь было много кочевников — арабов и бедуинов. Их легко можно было отличить от местных жителей по головному убору, представляющему собой род белой накладки, перехваченной вокруг головы двойным шерстяным веревочным обручем.

Верблюды на протяжении веков играют первенствующую роль в хозяйстве кочевников. И недаром поэтому в арабском языке существует для верблюдов до тысячи названий.

Арабы дают, например, отдельное название верблюду, который прихрамывает на заднюю левую ногу, или верблюду, который имеет привычку закрывать глаза, когда пьет воду, или такому, который не любит, чтобы на его спину садилась ворона выклевать вшей из шерсти и т. д.

Иран. Шоссейная дорога, соединяющая столицу Ирана Тегеран с берегом Каспийского моря.

Немало потрудились и арабские поэты над измышлением новых эпитетов для этих животных.

Вместе с тем арабы непочтительного мнения об уме верблюда. Для этого у них есть основание. В то время как лошадь или осел могут сами придерживаться караванной тропы, верблюд тотчас же, потеряв управление, сворачивает в пустыню. Поэтому головного верблюда в караване всегда ведет впереди осел или мул.

Бедуин в переводе означает «житель пустыни» (от арабского слова «баддийа» — пустыня). И он живет в пустыне, где единственным надежным транспортом может служить только верблюд. Поэтому бедуины отличают и очень ценят быстроходных дромадеров¹.

НАД ГОРНЫМ ПЛАТО ИРАНА

17 ноября, на рассвете, когда погода улучшилась, мы оставили позади себя Багдад.

Если у нас спросят, жив ли «багдадский вор», мы ответим: жив, потому что на борту самолета находился очень искусно обокраденный в Багдаде один из наших товарищей.

Мы набрали высоту до пяти тысяч метров, так как нужно было лететь через высокие горы северо-западной части Ирана. И все же порой нам казалось, что мы едва переваливаем через их вершины.

Когда мы перелетали самый трудный горный хребет со снежными вершинами, одна из наших летающих лодок стала заметно терять высоту. У нас замерло сердце. Каждый, конечно, понимал, что это означает для летающей лодки, и мы молча следили за тем, как морская машина уходила к земле. Потом она исчезла в облаке. Но прошло несколько мгновений, и мы все облегченно вздохнули. Летающая лодка вынырнула из облака и стала вновь набирать высоту. Ее экипаж, не растерявшись, во-время устранил неисправность.

Перевалив через снеговые вершины, мы увидели под собой большое синее озеро. Это — Урмия.

Дальше лететь было легче. Впереди еще были горы, но их высота не превышала 3700 метров.

И вот, наконец, мы перелетаем хребет Эресбаран и выходим в Куринскую низменность.

Это уже был Советский Союз, и мы приветствовали родину покачиванием крыльев.

Конец

¹ Дромадер — одногорбый верблюд, отличающийся скоростью бега.

45 дней в борьбе со штормом

И. ОСИПОВ

Рис. Н. Витинга

Ровно в полночь центральное радиобюро Министерства морского флота начинает разговор с кораблями, идущими под флагом СССР по морям и океанам нашей планеты.

Позывные московской радиции уходят в эфир. Несколько раз радиооператор выстукивает свои точки и тире, поправляет наушники и склоняется над журналом.

— Отвечает, — говорит он, приступая к записи ночных разговоров Москвы с советскими кораблями, бороздящими воды дальних морей.

Первым отзывается «Сталилабад». Он идет из Мурманска в Нью-Йорк. Сейчас, в Норвежском море, его треплет жестокий шторм. Бури и течения разбросали по морю много пловучих мин, сорвавшихся с якорей в дни войны. Переход тяжел, но советские моряки выполняют его с честью: они отважны, и трудности их не страшат.

За «Сталинабадом» откликаются пароходы «Сухона», «Каменец-Подольск», «Суворов», «Сахалин».

«Сухона» прошла Геркулесовы Столбы и выходит в Атлантику. «Каменец-Подольск» — в Стамбуле. Он побывал в Сингапуре и на Формозе, выдержал тяжелый шторм в Индийском океане. На-днях он будет дома, в Одессе. «Суворов» был в Буэнос-Айресе, где его необычайно сердечно встретили аргентинцы.

«Сахалин» откликается на свои позывные ровно в два часа ночи, но там, где он сейчас, в Тихом океане, — полдень. «Сахалин» возвращается из Лос-Анжелоса во Владивосток.

Под утро радиооператор принимает сообщения и от «Тунгуса» с «Россией». «Тунгус» пересекает Атлантический океан, а теплоход «Россия» идет в Средиземном море, направляясь в Бейрут. Он побывал в Нью-Йорке, в Плимуте, во многих портах Англии и Америки.

На Спасской башне бьет пять. Квадрат окна светлеет. С площади Свердлова дует прохладный ветерок. Колышется, точно дышит, лег-

кая ткань шторы. На судах, ведущих разговор с Москвой, сменилась вахта. Корабли поочередно откликаются на свои позывные. Одни следуют с грузом в далекие порты, другие возвращаются на родину из дальнего плавания. На борту каждого судна — опытный экипаж, закаленные советские моряки.

«Счастливого плавания», выстукивает радист, заканчивая разговор с нашими кораблями.

«Спасибо, — отвечают они. — Мы исполним свой долг. Наш экипаж готов к любым испытаниям».

Знает ли сухопутный человек, что нередко скрывается за этими словами?..

Вот что рассказали нам в радиобюро о мужественном поведении наших моряков, на долю которых выпали очень тяжелые испытания.

В феврале 1946 года советский корабль «Белгород» вышел из Лос-Анжелоса, взяв курс на Владивосток. Вскоре после выхода судна в океан начался шторм. Волны все чаще обрушивались на палубу, заливая ее от бака до бот-дека. Корабль сбавил ход. Ночью радист поймал сигнал бедствия. Где-то в океане потерпел аварию советский танкер «Донбасс». Как после выяснилось, судно, по-

строенное на заграничных верфях, было переломлено штормом пополам. Кормовую часть взял на буксир встречный американский корабль. Носовую часть с оставшимися на ней людьми унесло в океан.

Как только радист доложил капитану Вага эту радиограмму, «Белгород» лег на новый курс. Шторм не утихал. Волны били на корабле швартовую вышку, громадные валы перекатывались по палубе.

Двое суток «Белгород» искал в океане носовую часть танкера. Дело было трудное и опасное, но белгородцы твердо решили отыскать обломок танкера — и добились своего. Впереди, по курсу, вахтенный матрос увидел, наконец, что-то похожее на корабль. Подошли ближе. Над бурлящей водой возвышался черный, обглоданный штормом обломок танкера.

Ветер немного утих, удалось спустить шлюпку. На носовой части танкера нашли только одного человека. Это был второй помощник капитана, Евгений Николаевич Лепко. В бессознательном состоянии он лежал на палубе.

Придя в себя, Лепко рассказал, что произошло с танкером.

В момент аварии Лепко находился вместе с капитаном на мостике. Сквозь рев шторма донесся к ним грохот, подобный раскату грома. Судно вздрогнуло, точно ударилось о подводную скалу, и — раскололось пополам. Кормовая часть отделилась и быстро исчезла среди волн. Носовая часть стала погружаться в воду под углом в сорок пять градусов. Через несколько минут погружение прекратилось, и обломок танкера поплыл.

На верхнем мостике оставались пять человек — капитан, второй помощник, два радиста и вахтенный матрос. Положение этих людей с каждой минутой ухудшалось. Громадные волны обрушивались на мостик. Прижавшись к реллингам, лю-

Лепко остался на обломке судна один...

Ди едва успевали набрать воздух в легкие, как их снова накрывало водой.

— Я увидел идущий на нас гребень огромной волны, — рассказывал Лепко, — и едва успел крахнуться: «Набирайте воздух!», как нас накрыло. Меня сорвало с мостика, швырнуло вниз. Я ударился головой о что-то твердое и потерял сознание. Очнулся на палубе. Волна сбросила меня с мостика на люк сухогрузного трюма. Превозмогая сильную боль во всем теле, я поднялся. Первой мыслью было — скорее отыскать «конец» и подать его на мостик, выручить оставшихся там людей. Но мостика я не нашел. Его смалоало и смыло за борт вместе с людьми...

Лепко остался на обломке судна один. К вечеру его начала мучить жажда, но воду он нашел лишь на следующий день. Теперь ему грозила смерть от голода. Он пробовал глотать шарики из технического жира, запивая их водой, но это причиняло ему лишь большие страдания.

Несколько дней Лепко провел без пищи. Шторм не унимался. Привязав себя веревкой к люку трюма, чтоб не упасть за борт, Лепко добрался, наконец, до аварийного плота и нашел на нем немного еды. В тот же день его сняли люди с «Белгорода».

Интересны записи в судовом журнале «Белгорода».

24 февраля вахтенный записал:

«Берем на буксир носовую часть танкера».

Через три дня:

«Шторм продолжается. Шли малым ходом, держась против ветра и зыби. В 5 часов 25 минут буксир оборвался».

Прошло четыре дня, прежде чем измученные штормом люди с «Белгорода» могли вторично взять на буксир обломок танкера. Все это время они держались рядом с ним, не теряя его из виду.

4 марта в судовом журнале было записано:

«К вечеру опять начался шторм».

5 марта:

«Ветер усиливается. После полудня он достиг силы урагана. Носовая часть танкера высоко поднятая над водой, развернулась по ветру и потянула нас за собой. В 15 часов 30 минут буксир вторично оборвался. Выбрать его невозможно: палубу

беспрерывно накрывает водой. Идем малым ходом со спущенным за кормой буксиром».

Ураганный ветер унес в океан обломок танкера. Девять суток героической борьбы ни к чему не привели...

Но на борту «Белгорода» находились отважные моряки. Они не отступили от принятого решения.

6 марта вахтенный записал:

«Ветер уменьшился до шести-семи баллов. Выбрали буксир и легли на обратный курс».

Еще четверо суток бороздил «Белгород» океан, разыскивая носовую часть танкера.

10 марта с верхнего мостика среди пенных волн заметили темное пятнышко. Оно медленно выросло, принимая знакомые очертания высоко поднятого над водой обломка танкера. Но тут шторм разразился с новой силой, нельзя было завести буксир. Океан, казалось, не хотел выпускать своей добычи...

«Белгород» сбавил ход и несколько дней шел по ветру, держась рядом с носовой частью танкера. Наконец настало 16 марта. В этот день вахтенный записал:

«Погода немного улучшилась. Утром удалось отправить людей на «Донбасс». В третий раз завели буксир».

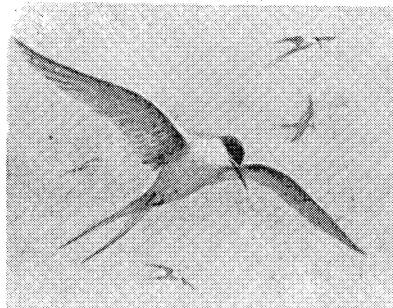
Однако, едва «Белгород» успел снять с обломка танкера своих людей и закрепить стальной трос, как снова нагрянул шторм. Но теперь он уже не помешал нашим морякам добраться до ближайшего порта.

Сорок пять суток провел экипаж «Белгорода» в северных широтах Тихого океана, спасая танкер «Донбасс».

В Анжелосе уже было известно об этой героической эпопее. Когда «Белгород» привел сюда носовую часть танкера, американские матросы горячо встретили советских моряков.

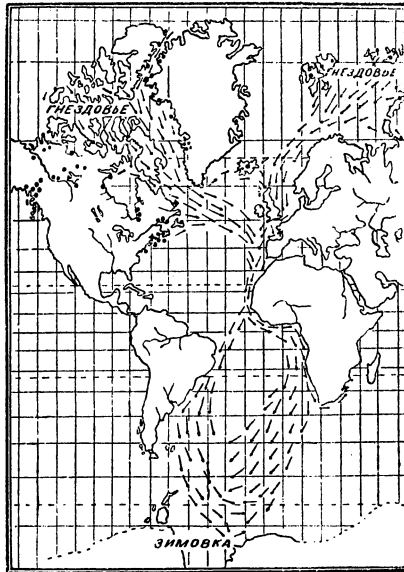
...В последний раз уходит в эфир неизменный «Счастливого плавания!» Передатчик выключен. Ночная беседа с кораблями закончена. Сменяется вахта и в радиобюро. За окном разгорается день. Когда снова наступит ночь, Москва возобновит разговор с кораблями, идущими под флагом СССР в далеких морях обоих полушарий.

Птица, которая любит солнце

Есть на земном шаре птица, которая не любит ночи и всячески ее избегает. Она стремится жить только при дневном свете. Мы ошибемся, если будем искать ее в тропиках. В густом тропическом лесу всегда царит полумрак. Пестрые птицы тропиков видят не так уж много солнца.

Чтобы найти птицу, которая избегает ночи, надо отправиться далеко на север. Она принадлежит к отряду чайковых. Ее зовут полярная крачка.

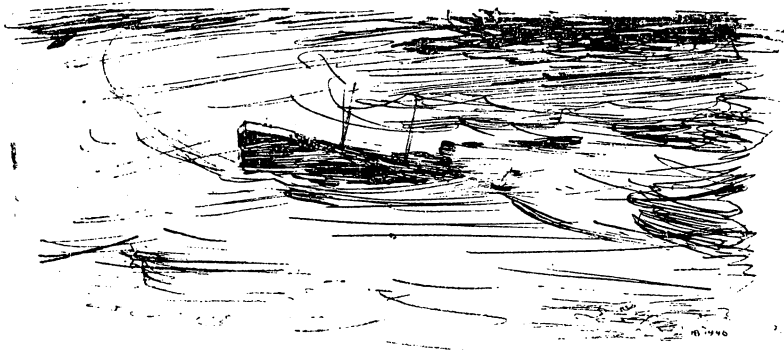

Карта перелета птиц.

Эта небольшая птичка с длинными узкими крыльями весит не больше ста граммов. Колониями селится она на плоских побережьях моря, иногда около озер. Пока на севере день, она держится там, выводит и воспитывает своих детей. Но вот солнце начинает прятаться за горизонт, сначала на короткое время, потом все дольше. Гнездовые дела в это время закончены, подросшие птенцы не уступают в искусстве полета родителям; полярная крачка отлетает на юг. Но она летит не в жаркие страны, а пересекает все широты от полюса к полюсу и прекращает свой перелет в приполярных странах Антарктики. Пока на севере зима и полярная ночь, здесь, в Антарктике, лето и день.

Чтобы жить при дневном свете, птичка делает ежегодно перелеты от незаходящего солнца к незаходящему солнцу — более десяти тысяч километров в одну и затем в обратную сторону.

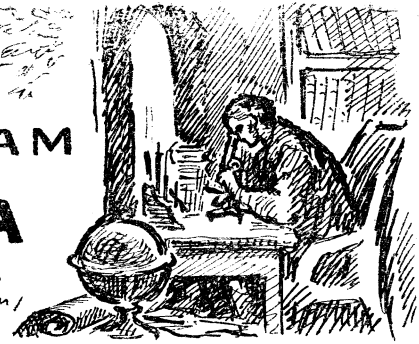
Н. Гладное.

ПО СЛЕДАМ ВЕТРА

/ Прошлое земли
под микроскопом /

Д. АРМАНД

Что может быть увлекательнее работы географа-исследователя? Великие путешественники прошлого: Колумб, Магеллан, Васко да Гама, перевернули своими открытиями старые представления о Земле. Перед исследователями XIX века также разрывались широкие заманчивые возможности. Пржевальскому удалось впервые пересечь и нанести на карту необъятные пустыни, Черскому — открыть неизвестный громадный горный хребет, Миклухо-Маклаю — изучить быт и нравы первобытных народов, незнакомых европейцам.

В начале XX века, когда все населенные страны были открыты и нанесены на карту, исследователи жално набросились на последние «белые пятна», где еще могли скрываться крупные неожиданности: необитаемые полярные шапки земного шара. Но вскоре и они были пересечены в разных направлениях. Нет и не может быть больше на земле не только неоткрытых материков и стран, но даже мало-мальски крупных островов. Что же осталось на долю будущих географов?

«Стоит ли идти на географический факультет? Ведь все открыто до нас», так часто рассуждают молодые люди, которым пришла пора выбирать себе специальность.

К этому выводу они приходят, рассматривая новые карты и атласы. Там даже в тропических джунглях Южной Америки нанесены и подписаны все речки, даже у недоступных вершин Гималаев проставлены высоты в метрах.

Между тем известно, что во всех странах продолжают работать географические общества; они издают журналы, организуют экспедиции. У нас в СССР имеется ряд научных институтов, занимающихся вопросами географии, университеты ежегодно выпускают сотни географов. Для чего? Что собираются делать все эти люди и учреждения?

У современных географов много

Можно ли восстановить картину древнего климата, определить, какая температура была на русской равнине сотни тысяч лет назад, сколько выпадало дождей, какие дули ветры? Все это нужно знать современному географу, чтобы составить ясное представление о том, как складывался облик нашей Земли, как устроена ее поверхность. В статье сотрудника Академии наук СССР тов. Д. Л. Арманда рассказано об одном из остроумных способов, разработанном советскими учеными, чтобы проникнуть в отдаленное геологическое прошлое нашей страны.

новых задач, какие и не снились великим географам и путешественникам прошлого, открывателям неведомых, таинственных стран. Им надо углублять наши знания о Земле и происходящих на ней процессах, объяснить такие явления, о которых их предшественники только собирали сведения. На этом пути им тоже может встретиться немало удивительных приключений. Для решения новых задач география пользуется новыми приемами, привлекает на помощь точные науки: физику, химию, математику, и сама, уточняя наши знания о Земле, постепенно становится точной наукой.

ЗАЧЕМ ИЗУЧАЮТ ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ

Знать, где и какие есть острова, куда текут реки, сколько в той или иной местности выпадает дождей, — все это еще полдела. География только тогда будет настоящей наукой, когда сможет объяснить, почему лицо Земли устроено так, а не иначе, почему, например, в Западной Европе зимой идут дожди, а в Восточной Сибири под той же широтой трещат 60-градусные морозы; почему в Калининской области местность представляет собой сложный узор холмов и озер, а на Украинеровную степь, изрезанную сетью оврагов.

Чтобы понять устройство человеческого тела, надо, как это сделал Дарвин, проследить весь путь развития человека из животного. Чтобы понять устройство земной поверхно-

сти надо точно так же проследить за всеми переменами, которые претерпела та или иная страна на протяжении миллионов лет. Отрасль географии, изучающая прошлое современных материков, гор, озер и т. д., называется палеогеографией, то есть географией древности. Цель палеогеографии — составить карту Земли, какой она была много тысяч лет тому назад, и установить, какие условия существовали тогда в тех или иных странах. Восстановление сменявших друг друга картин природы далекого прошлого помогает понять, как и почему возникли современные формы земной поверхности, почвы, растительного и животного миров. Свою задачу палеогеографы разрешают вместе с геологами, изучая горные породы, отложившиеся в древних водных бассейнах или на суше, а также сохранившиеся среди них остатки или отпечатки животных, так называемые ископаемые.

Самое трудное — восстановить картину климата, определить, какая температура была, скажем, на Русской равнине сотни тысяч лет назад, сколько выпадало дождей, какие дули ветры. Когда хотят привести пример совершенно невыполнимой задачи, говорят: «Ищи ветра в поле». Ведь ветер пролетел и исчез, не оставив следа! Верна ли эта пословица? Оказывается, неверна. След сыскался, след, не исчезающий веками.

ИСКОПАЕМАЯ ПЫЛЬЦА

Лет тридцать назад шведский ученый Пост открыл способ изучения климатов прошлого по цветочной пыльце и спорам растений. Оказалось, что мельчайшая нежная пыльца большинства высших растений и споры низших могут храниться почти бесконечно. Уже найдены споры из силурийского периода, пролежавшие в земле более 350 миллионов лет. Эти ничтожные тельца с толщиной

Рис. 1. Различные типы ископаемой пыльцы (увеличено в несколько раз). Слева направо: сосна, рогоз, ягель, береза, ржица.

стенок в 1—2 микрона не гниют во влажной почве, не раздавливаются под мощными слоями налегающих на них глин и песков. Они пропитываются минеральными солями, но сохраняют свою форму, особенную у каждого вида деревьев и трав (рис. 1). Рассматривая их под микроскопом, можно установить, какие растения жили в ту эпоху, когда отлагались современные им осадки, содержащие пыльцу. Правда, есть среди растений и исключения; например, пыльца осины и можжевельника не выдерживает хранения во влажной почве и быстро сгнивает.

Ископаемые остатки животных трудно разыскивать. Иногда приходится вырыть целую траншею, чтобы найти какую-нибудь кость или раковину. А пыльца есть везде. Каждое дерево для продолжения своего рода за каждый сезон цветения выбрасывает громадное количество пылинки: сосна, например, в среднем, 340 миллионов, орешник — 244 миллиона. Ветер разносит пыльцу и равномерным, хотя часто невидимым, слоем расстилает по земле. Поэтому почти в каждой пробе грунта, взятой наугад, микроскоп обнаруживает множество пылинки. В зоне лиственных лесов европейской части СССР в одном грамме почвы содержится 10—12 тысяч пылинки и спор. В степи их несколько меньше.

Чтобы выделить пыльцу из пробы, сделать ее видимой, определить и пересчитать, приходится произвести ряд сложных операций, называемых пыльцевым анализом.

3 000 ОБОРОТОВ В МИНУТУ

В Швеции, на родине пыльцевого анализа, его до сих пор производят устаревшим и несовершенным методом: размешивают пробу в растворе щелочи, берут одну каплю мутной жидкости и пересчитывают содержащиеся в ней пылинки под микроскопом. Этому подсчету мешают бесчисленные частицы грунта. Анализировать таким образом можно лишь те осадочные породы, в которых пыльцы особенно много, торф и сапропель (ил, отложившийся на дне озера и состоящий преимущественно из остатков отмерших растений и животных). В Западной Европе и в Америке анализ производят таким же образом. Только в СССР применяется наиболее совершенный, передовой метод, в основном разработанный советским ученым В. П. Гричуком. С его помощью ископаемая пыльца выделяется в чистом виде. Он позволяет производить анализ тяжелых

землистых грунтов, которые слагают большую часть земной поверхности. С этим способом надо познакомиться несколько подробнее, чтобы представить себе, какие сложные технические средства ставятся на вооружение современной географии для познания природы Земли.

В изучаемом обнажении, то есть в обрыве реки, в шахте или буровой скважине, через каждые несколько дециметров глубины берут пробы грунта. Каждую пробу завертывают в плотный бумажный пакет с надписью: кем, когда, откуда и с какой глубины она взята. В лаборатории пробу тщательно размешивают и определенную часть ее разводят в жидкости Туле.

Об этой жидкости стоит сказать несколько слов. Если не считать расплавленных металлов, это одна из самых тяжелых жидкостей, известных химикам. Приготавливают ее так: берут 1 килограмм смеси иодистых солей ртути и калия и в 12,5 раза меньше воды. Растворимость

смеси так велика, что в несколько секунд вся масса ее без остатка растворяется в этом ничтожном количестве воды. Удельный вес раствора оказывается равным 3,15 (брошенные в него камни, например кварц, всплывают на поверхность). Но такая плотность чудесно велика для пыльцевого анализа. Поэтому в жидкость Туле добавляют еще некоторое количество воды. Теперь она может служить хорошим отделителем: в ней тонут все частицы горных пород, а пыльца, споры, скелетики микроскопических диатомовых водорослей всплывают. После этого, казалось бы, очистить пробу нетрудно, — достаточно размешать ее в жидкости и дать отстояться. Можно сделать и так, но этот способ необычайно медленный. Частичка глины, например, так мала, что благодаря сопротивлению жидкости оседает в ней на дно со скоростью всего около 0,5 миллиметра в час. Чтобы отстоялась муть в пробирке высотой в 8 сантиметров, нужно 160 часов, то есть приблизительно неделя. И притом осадок получится рыхлый, при малейшем толчке он вновь взмутится, и тогда начинать все сначала!

Чтобы ускорить процесс, разведенные пробы пропускают через центрифугу — машины быстрого вращения (рис. 2). Центробежная сила, развиваемая в этой машине, так велика, что частицы на дне пробирок прижимаются к ним с силой, большей их веса в 900 раз. В такой же степени увеличивается и разность между давлением частицы и давлением вытесняемой жидкости. Поэтому разделение происходит с поразительной скоростью. Через 100 секунд машина останавливается. Вместо грязной жижи на дне лежит слой грунта, над ним — прозрачная жидкость Туле, и на ее поверхности тонкая пенка пыльцы. Грунт так уплотнен, что пробирку можно опрокидывать, ни одно зернышко муты не оторвется! Насколько сильно действие центробежной силы, можно видеть еще из того, что плоское дно стакана из двухмиллиметрового железа через несколько месяцев работы под давлением пробирки делается выпуклым.

Жидкость Туле с пылью сливают, сильно разбавляют водой и вновь центрифугируют. Теперь пылинки сами оказываются тяжелее жидкости и сносятся на дно пробирок. После этого жидкость выливают (она могла бы разъесть пыльцу при долгом хранении), а очищенную пробу разводят в небольшом количестве глицерина.

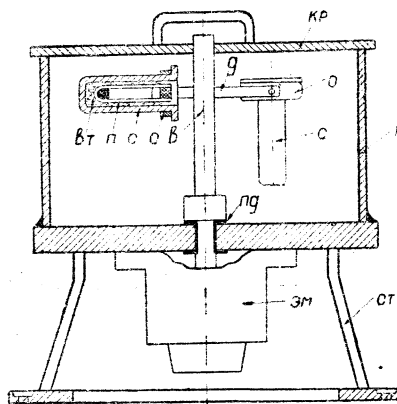

Рис. 2. Центрифуга.

Правый стакан показан в спокойном состоянии, левый (в разрезе) — в момент вращения.

К — корпус, КР — крышка, В — вал, Д — диск, О — обойма, С — стакан, П — пробирка, ВТ — вата, ПД — подшипник, ЭМ — электромотор, СТ — станина.

Четыре тщательно закупоренные и обернутые ватой пробирки с пробами вставляются в железные стаканчики. Каждый стаканчик вкладывается в отдельную обойму, посредством шарнира укрепленную на оси центрифуги. Когда включается роостат, число оборотов мотора быстро возрастает до 3 000 в минуту. Стаканы «разносить», как ребятам на гигантских пажах. На рисунке левый стакан изображен в горизонтальном положении, которое все они принимают во время вращения.

ПЫЛЬЦА ПОД МИКРОСКОПОМ

Наконец-то чистая пыльца в руках исследователя!

Ее кладут на предметное стеклышко микроскопа. К последнему приделывается особое приспособление — счетный столик, который облегчает подсчет мельчайших предметов, видимых в поле зрения. Ведущий исследование ботаник подсчитывает пылинки разных видов, попутно определяя, от какого они растения. При этом он пользуется специальными альбомами и определителями. Обработав все пробы, взятые из одного разреза (располагавшиеся в грунте друг под другом), он вычерчивает диаграмму (рис. 3). На ней показано, какая часть от найденной в пробе пыльцы приходится на долю пылинок отдельных видов растений. Нижние части диаграммы соответствуют пробам из нижних, более древних слоев разреза; цифры слева показывают, сколько лет назад эти слои отложились¹. Толщина заштрихованных полос показывает количество различных видов пыльцы в соответствующих пробах.

На нашей упрощенной диаграмме, составленной по ряду разрезов грунта близ Ленинграда, видно, что в самых глубоких (древних) слоях преобладала пыльца ивы. Ива растет в весьма различных климатах, но на первое место она выдвигается только в тундре, на северной границе распространения растительности. Вместе с пылью ивы в нижнем горизонте найдена в изобилии (для простоты не показанная на диаграмме) пыльца карликовой березы, куропаточьей травы и других типичных обитателей Заполярья. Все это свидетельствует о том, что около 14 000 лет тому назад (12 000 лет до нашей эры) в пределах теперешней Ленинградской области лежал язык великого ледника, покрывавшего тогда всю Европу.

Прослеживая диаграмму снизу вверх, мы видим, что состав пыльцы

(так называемый «пыльцевой спектр») заметно меняется. Значение ивы идет на убыль; ее место занимает более требовательная к теплу сосна. Около 12 000 лет назад в области впервые появляются широколиственные леса, между тем как ива впоследствии окончательно сходит на-нет.

На протяжении последних тысяче-

КЛИМАТ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

После того как диаграммы главных видов пыльцы составлены и изучены, можно приступить к вычерчиванию кривой климата (на рис. 3 — крайняя справа). Эта кривая существенно показывает среднюю годовую температуру, необходимую для произрастания господствовавших в каждую эпоху растений. Чем более она отклоняется вправо, тем теплее был климат. Вычерчивание ее и есть главная цель анализа.

Ученому, работающему в области пыльцевого анализа, приходится учитывать не только процентное содержание того или иного вида пыльцы в пробе, но и сочетание его с другими видами. Пыльца березы в сочетании с полярной ивой свидетельствует о совершенно иных условиях, чем та же пыльца в компании цветочных пылинков луговых трав, растущих в зоне лесостепи. Пыльца сосны, обнаруженная в большом количестве среди степных злаков, вместе с которыми она обычно не растет, несомненно, заносная. Она переносится ветром на тысячи километров, и находка ее среди южных видов не может служить признаком бывшего в данном месте похолодания, но зато является указанием на существование в ту отдаленную эпоху сильных северных ветров в июне, во время цветения сосны.

Пыльцевой анализ — работа очень сложная, требующая от исследователя большого внимания и точности. В противном случае анализ может подчас привести к весьма озадачивающим результатам. В одной лаборатории в ряде проб, взятых из разных зон, была обнаружена пыльца василька. Господство васильков во флоре тундр ледниковой эпохи явилось для ученых неожиданностью. Это открытие, пожалуй, было бы признано одним из крупнейших в ботанике XX века, если бы заведующий лабораторией не обнаружил в саду института... несколько цветущих васильков. Открытой форточки было достаточно для заборения их пыльцой всех проб, находящихся в работе. Верный себе василек и здесь оказался сорняком.

Несмотря на отдельные ошибки, трудности и курьезные недоразумения, крошечные пылинки величиной

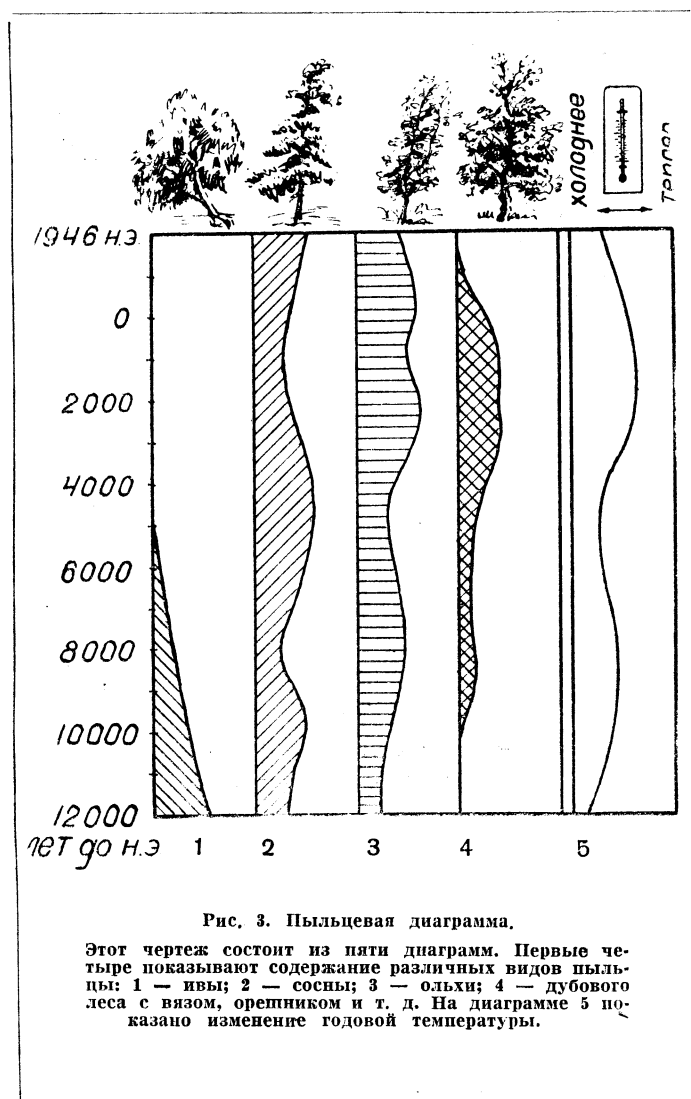

Рис. 3. Пыльцевая диаграмма.

Этот чертеж состоит из пяти диаграмм. Первые четыре показывают содержание различных видов пыльцы: 1 — ивы; 2 — сосны; 3 — ольхи; 4 — дубового леса с вязом, орешником и т. д. На диаграмме 5 показано изменение годовой температуры.

летний климат изменяется несколько раз. Наибольшего потепления он достигает около 3 000 лет до нашей эры; об этом мы узнаем по преобладанию пыльцы дуба, вяза и ольхи с подлеском из орешника. Чтобы дубовые леса, южная граница которых проходит теперь к югу от Москвы, могли развиваться в районе Ленинграда, средняя температура июля должна была на 2° превышать современную (18° вместо 16°). Такое потепление не могло объясняться одним исчезновением ледника; его ведь и сейчас нет, но современный климат все же холоднее. Очевидно, 5 000 лет назад теплые ветры, дующие с Атлантического океана, были значительно сильнее.

¹ Обычно на пыльцевых диаграммах указывается не возраст пласта, а лишь глубина его залегания. Для того чтобы «привязать» каждый пласт к определенной эпохе истории Земли, палеографы используют разнообразные, подчас довольно сложные приемы, не связанные с пыльцевым анализом.

от 15 до 150 микронов, облетавшие с цветущих растений в незапамятные времена, оказывают незаменимую услугу ботаникам и географам. Ветер, давно промчавшийся, температура, давно изменившаяся, и дожди, давно испарившиеся, улавливаются с помощью пыльцевого спектра. А восстановление картины климата, в свою очередь, позволяет восстановить карту древних морей и ледников.

Открытия, которые уже сделаны с помощью пыльцевого анализа, имеют большое научное значение. Так, уже удалось доказать, что первая наземная растительность появилась на десятки миллионов лет раньше, чем думали ученые. Гораздо раньше, чем они предполагали, господство от низших растений перешло к цветковым. Уже удалось для ряда стран изучить пути переселения и смены растительных сообществ (рис. 4), нарисовать картины изменения климата и движения ледников.

Можно надеяться, что метод пыльцевого анализа наряду с другими методами, разработанными наукой, приведет ботаников и географов к ряду новых открытий.

Помимо его глубокого теоретического значения, намечилась область,

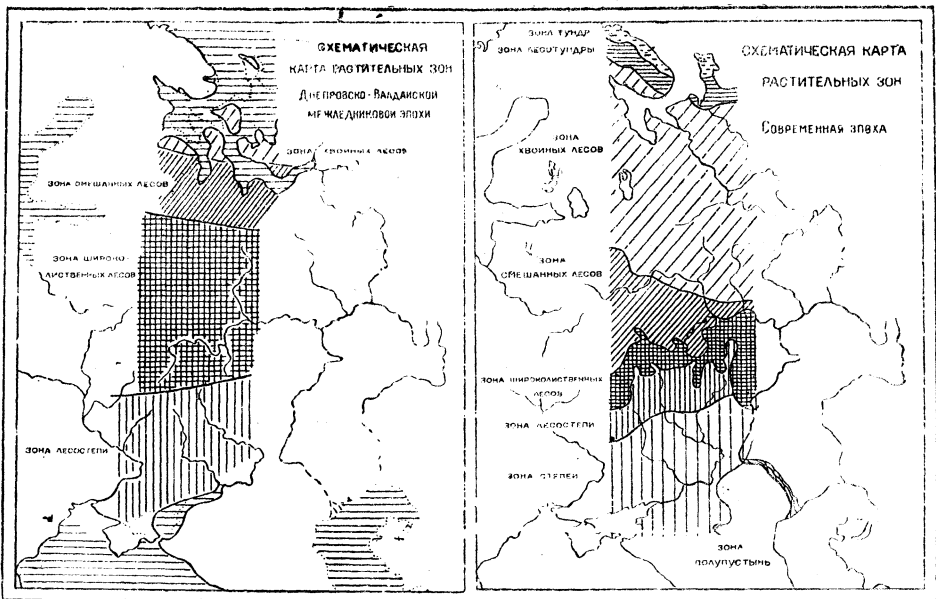

Рис. 4. Карта растительных зон далекого прошлого, составленная по данным пыльцевого анализа. Для сравнения происшедших изменений справа дана карта современных зон.

в которой пыльцевой анализ может принести практическую пользу. Эта область — изучение месторождений горючих ископаемых. Анализ ископаемых диатомовых водорослей, родственной пыльцевому анализу, уже занял почетное место в лабораториях

нефтяных институтов. Пыльцевой анализ может в первую очередь оказать большие услуги в изучении запасов торфа — горючего, с каждым годом занимающего все большее место в энергетике нашей страны.

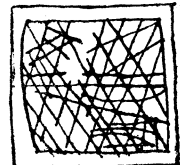
★ Фузияма, так называемая „священная гора“ в Японии, сложена не из твердых пород, а из вулканического пепла.

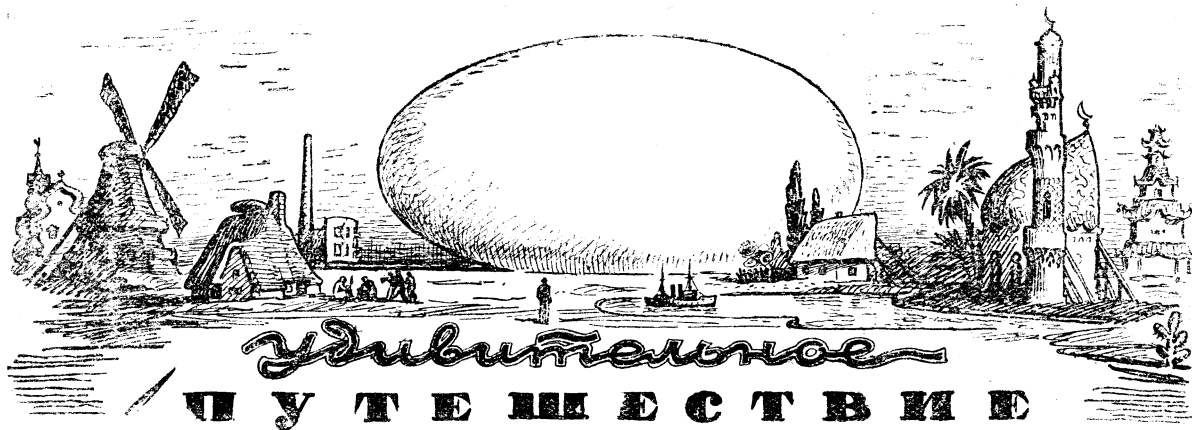
★ В штате Алабама (США) есть пруд, вода из которого каждые три года внезапно уходит, оставляя всю рыбу на сухом дне, потом вода появляется снова.

★ Гора Малибу (в Калифорнии) была однажды принята за вулкан, так как над ее вершиной собрался громадный рой крылатых муравьев, показавшийся наблюдателям дымом.

Жители небольшой группы островов, затерянных в южной части Тихого океана, задолго до прихода белого человека пользовались картой морских течений, сплетенной из бамбука. Эта карта принадлежала автору известного романа приключений «Остров сокровищ», писателю Р. Л. Стивенсону, который подарил ее одному из американских музеев.

Морские течения изображены на карте подбором разноцветных бамбуковых полосок.

В. САПАРИН

Рис. Л. Сметова

Было очень жарко, и я с удовольствием укрылся в голубой тени минарета, ажурный силуэт которого четко вырисовывался на фоне безоблачного неба.

Шагах в пятидесяти от меня группа людей в спортивных костюмах стояла около какой-то покосившейся избушки с соломенной крышей. На крыше избушки виднелось колесо — должно быть, гнездо для анста.

Немного поодаль усиленно махала крыльями, хотя не было никакого ветра, типичная голландская мельница. Женщина в большом белом чепце и туфлях с крутыми носками сидела у порога за прялкой. Эта мирная идиллия не нравилась толстому человеку в белой рубашке с засученными рукавами. Он размахивал блестящим рупором, что-то горячо говорил, требовал, чтобы мельница вертелась то медленнее, то быстрее, и два раза пересадил старушку с прялкой.

Я первый раз был на кинофабрике и с понятным любопытством оглядывался вокруг. На большом участке под открытым небом расположились постройки, относящиеся к всевозможным эпохам и к различным местностям земного шара.

Но меня интересовало не это.

Я искал своего друга Анатолия, которого не видел уже пять лет. Мы подружились на фронте, но вскоре после окончания войны Анатолий был демобилизован и все эти годы работал в исследовательском институте, где-то здесь, по соседству с киностудией.

Мне указали на странный павильон яйцевидной формы, расположенный в стороне. Исполинское яйцо серебристого цвета лежало на дороге; серая лента асфальта как бы входила в него с одного конца и выходила из другого.

Я стоял на дороге у этого яйца и не знал, что делать дальше.

Огромные створки ворот выпуклой формы были закрыты так плотно, что шов их едва угадывался на алюминиевой поверхности. Внезапно открылась маленькая боковая дверка, и из павильона вышел Анатолий.

— Вот и отлично, — сказал он, узнав меня. — А я тебя жду с утра. Собираюсь совершить небольшую поездку. Буду рад взять тебя с собой.

Я стал возражать, доказывая, что не для того же тащился я по жа-

ре, чтобы еще куда-то ехать. Если моему другу так уж хотелось покататься, он мог заехать за мной на дом. Я же хочу видеть изобретение, которое он сам обещал мне показать.

— Ну да, — согласился он благодушно. — Мое изобретение и предназначено для поездок. Мы говорим об одном и том же... Да ты вход!

И он посторонился, пропуская меня внутрь.

Переступив порог, я очутился в огромном ангаре, если его можно было так назвать. Первое чувство, которое охватило меня, было приятное ощущение прохлады. Она создавалась, должно быть, благодаря краске, отражавшей солнечные лучи, которой выкрашен был снаружи павильон.

Внутренние стенки огромного яйца были жемчужно-белого цвета. Однотонная окраска, отсутствие углов и ровное, без теней, освещение создавали странный зрительный эффект. Стены то казались близкими, то как бы раздвигались, незаметно переходили в потолок и временами даже словно, совсем исчезали, таили в общем жемчужном тоне, окружавшем нас со всех сторон.

Темная асфальтовая лента тянулась через ангар — дорога на самом деле проходила сквозь яйцо.

Посредине ангара, на асфальтовой дорожке, стояло нечто среднее между автобусом, пассажирским самолетом и моторной лодкой. В низком кузове обтекаемой формы не было и следов мотора. Машина лежала прямо «на блоках», напоминавшем днище плоскодонной лодки. С обеих сторон кузова были широкие, но короткие выступы — зачатки недоразвившихся крыльев.

В общем вся эта штука напоминала серебристую гусеницу гигантской бабочки.

Оглядев внутренность ангара, я не заметил там больше ничего, кроме еще одного яйца, подвешенного на системе блоков под потолок, прямо над машиной. Это яйцо было сравнительно небольшого размера — при-

Посредине ангара, на асфальтовой дорожке, стояло нечто среднее между автобусом, пассажирским самолетом и моторной лодкой.

мерно с кноск для продажи мороженого. В яйце было несколько мелких квадратных окошек с разных сторон; как весь павильон, оно тоже было выкрашено в жемужно-белый цвет.

Бросалась в глаза несоразмерность просторного ангара с единственной машиной, которая стояла внутри, занимающая сравнительно мало места. Но я не успел высказать своего удивления — Анатолий предложил мне занять место в странном экипаже.

Внутри сухопутной лодки (не знаю, как назвать эту машину) находился удобный мягкие сидения. Одно из них — впереди и сбоку — предназначалось для водителя. Перед ним помещался небольшой пульт с полудюжиной кнопок и обычными приборами — спидометром, часами, панелью радиоприемника. Ни рулевого колеса, ни чего-либо похожего на него не было. У сидения водителя была отлогая спинка, и помещалось оно значительно ниже пассажирских мест. Когда Анатолий уселся, он точно утонул в своем кресле. Такое устройство кузова было сделано явно для удобства пассажиров: водитель не мешал им смотреть в большое переднее окно.

Около каждого пассажирского места находилось боковое окошко. Наконец, в задней части кузова было еще окно — почти такое же большое, как переднее.

Бессспорно, это была туристская машина, предназначенная для экскурсий. Но как же она передвигается?

Я уселся на одном из мест, поближе к водителю.

Анатолий оглянулся и поднес к губам переносный микрофон.

— Все готово?

— Готово, — ответил голос из радиоприемника.

— Поехали!

И Анатолий нажал какую-то кнопку.

Раздалось едва слышное стрекотание, — я даже не понял, откуда оно идет. Никаких других звуков мотора я не слышал за все время этой удивительной поездки. Впрочем, и этот слабый шум был заглушен музыкой, которая полилась из радиоприемника.

Передняя стена ангара раскололась и стала расходиться в стороны. Асфальтовая дорожка, на которой стояла наша машина, выбежала теперь из него и бежала куда-то вдаль.

Анатолий нажал вторую кнопку.

Машина, не вздрогнув, тронулась с места. Она двинулась плавно, как бывает во сне. Я не чувствовал тряски, не слышал шороха колес.

Все быстрее неслась навстречу гладкая дорожка. Слева показались и стали убегать назад знакомые строения студии. Справа замелькали дачи в березовой роще.

Мы выехали на шоссе. Машина тенью скользила по асфальту. Ана-

толий сидел, откинувшись в своем кресле, и, не обремененный заботой о руле, только изредка касался рукой какой-нибудь кнопки на пульте. Машина, казалось, управлялась сама.

Но как же мы ни на кого не налетали? Правда, встречные машины пронеслись по другой стороне шоссе. Но мы обогнали несколько грузовиков. Грузчики, сидевшие на каких-то бочках, не сводили глаз с нашего экипажа, видимо, пораженные его диковинным видом.

Но чудеса только еще начинались. Когда мы выехали на ровный и пустынный участок шоссе, машина ускорила свой бег. Анатолий нажал какие-то кнопки, и у машины начали вырастать крылья. Они выдвигались из коротких боковых отростков. Еще несколько мгновений — и я почувствовал, что мы летим. Шоссе быстро уходило вниз, сворачиваясь жгутком.

— Послушай, но каким же образом... — начал было я.

— После! — отмахнулся Анатолий. — После все расскажу. Запасись терпением.

Я решил не мешать ему.

Машина стала разворачиваться, делая вираж, и в боковое окошко я увидел весь город.

Широкие улицы с высокими зданиями, прямые, как лучи прожекторов, прорезали древние переулки с хаотическим нагромождением низких крыш. Строгие линии набережных удивительно гармонизировали с тронутыми мхом старинными башнями. Эти башни стояли у подножья большого зеленого холма и соединялись зубчатыми стенами. На холме высились белые стены дворца с плоским куполом, виднелись и другие исторические здания. Характерный изгиб реки, омывающей Кремль, и ее гранитные берега, застроенные домами-кварталами с массой балконов, делали эту панораму близко знакомой и трогательной сердцу.

— Москва! — произнес вдруг чей-то знакомый голос. — Город, к которому стремятся думы и помыслы миллионов людей.

Я оглянулся. Кроме нас с Анатолием, внутри машины никого не было. Голос раздавался из радиоприемника.

— Радиогид — коротко пояснил Анатолий. — Записано на пленку. Читает... (Он назвал фамилию известного диктора.)

Голос в динамике между тем продолжал:

«Куда ни обратим мы отсюда свой взгляд, во все стороны расстилается необъятная Советская страна. Сегодня мы отправимся на восток, увидим Урал, посетим Магнитогорский комбинат, пересечем равнины Сибири, тайгу Дальнего Востока, дойдем до Тихого океана...»

«Однако, — невольно подумал я, — сколько же времени будет продолжаться наша «прогулка?»»

А машина уже шла на восток. Внизу тянулась Ока с заливыми лугами, большими селами и маленькими городами в зелени и яблоневых садах.

Вдруг без всякого толчка наша машина, как снаряд, устремилась вперед. Ландшафт, расстилавшийся внизу, помчался с такой быстротой, что на миг все слилось в сплошное пятно. Казалось, что мы висим неподвижно в пространстве, а земной шар вращается под нами. К тому же Земля как-то сразу отдалилась, словно мы очутились на большой высоте. На выпуклой щеке земного шара, вращавшегося под нами, промелькнула Рязань, блеснула полоса Волги, проплыла желто-бурая степь, и вот показались зеленые холмы и первые возвышенности отрогов Южного Урала.

Я успел бросить взгляд на стрелку спидометра. Описав на циферблате три четверти круга, она остановилась около дикого числа: 5 000 километров.

— В час! — воскликнул я крайне удивленный. — Известно, что скорость вращения любой точки Земли на параллели Москвы составляет 938,66 километра в час. Значит, мы двигались вдесятеро быстрее!

— В минуту, — спокойно поправил меня Анатолий.

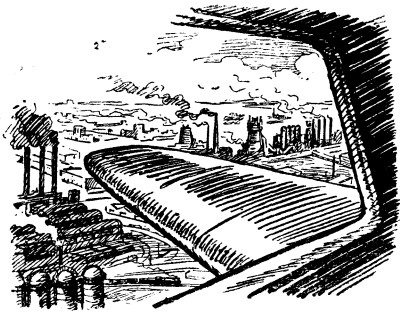
Я не успел больше ничего сказать. Стрелка устремилась в обратную сторону. Наша скорость замедлилась. Вместе с тем машина пошла круто вниз. Я невольно схватился за ручку сиденья.

Анатолий улыбнулся.

Мы падали, или, вернее, неслись прямо на невысокую, но раскидистую

— Москва! — произнес вдруг чей-то знакомый голос

Я узнавал знакомую по фотографиям панораму Магнитогорского комбината.

гору, у подножья которой расположился огромный комбинат.

— Магнитка!

Возникло ли это слово у меня в сознании, или его произнес диктор, — я не помню. Я узнавал знакомую по фотографиям панораму Магнитогорского комбината.

Мы снижались все больше, и вот уже колеса нашей машины коснулись... Впрочем, никаких колес у нашей машины не было, и ничего она не касалась, — мы просто скользили по шоссе, как в начале путешествия.

Новешенькое шоссе вело на вершину горы. Здесь был асфальтированный «пятачок» с гранитными бортами. Наш экипаж медленно объезжал по окружности эту обсервационную площадку.

Дивный вид открывался отсюда. Всюду, куда достигал глаз, виднелись величественные сооружения металлургического гиганта. Как фигуры, расставленные на грандиозной шахматной доске, высились башни-домны и окутанные желто-сизым дымом металлические тела кауперов. Блестели на солнце стеклянные крыши мартеновских и прокатных цехов. Чернели ребристые стены коксовых батарей.

Все это было насыщено движением. Одна за другой поднимались к вершинам доменных печей тележки с коксом или рудой. Целые вереницы вагонов с таким же грузом тянулись в различных направлениях. Вот откинулась стенка коксовой печи, и высокий штабель раскаленного кокса обрушился вниз...

Люди, построившие эти циклопические сооружения и управляющие ими, казались отсюда маленькими, едва различимыми фигурками. Но они были здесь полновластными хозяевами. Вряд ли можно найти более наглядное и убедительное доказательство могущества человеческого разума.

— Нет границ созидательной мощи советского народа, — сказал диктор, словно подслушав мои мысли. — Вот эти две огромные новые домны и те две коксовые батареи, что стоят направо, построены в первой послевоенной пятилетке. Только одни они дают миллион тонн чугуна и миллион тонн кокса в год.

Он приводил цифры, факты...

Описав круг на «пятачке», наша машина не стала совершать обратного спуска, а как-то вдруг перепорхнула через лежавшую внизу местность, и мы очутились у въезда в город, на берегу реки.

Я уже ничему не удивлялся.

Мы ехали по широким улицам с красивыми многоэтажными домами. Мне понравилось, что вдоль тротуаров стояли обнесенные чугунными решетками деревья и вообще в городе было обилие марков и скверов.

— Этот новый город построен на берегу Урала для металлургов Магнитки в послевоенной пятилетке, — сообщил наш радиогид.

Чудесный город промелькнул, как сон.

Мы снова в воздухе. Внизу Барабинская степь. Темнеющий на горизонте лес, словно отара овец, разбегается при нашем приближении, распадается на отдельные березовые лески, или «колки», как их здесь называют. И тогда сверху ясно видно, что эти лески разбросаны на обширной и плоской равнине.

Но что это внизу? Море. Желто-зеленые волны ходят на просторе, переходя вдали в мелкую золотистую рябь.

Это пшеница!

И когда на горизонте появляется вереница голубых теней, медленно плывущих по этому морю спелой пшеницы, невольно вспоминается сравнение комбайна со степным кораблем. Сходство усиливается тем, что «корабли равнины» не влекутся тракторами, — они движутся самостоятельно. Это усовершенствованные самоходные комбайны. Целая эскадра их вышла в пшеничное море.

Мы не наблюдаем ровной линии маршрута. Берем то к югу, то к северу, а иногда, как фантастический кузнечик, перепрыгиваем через обширные пространства, пролетаем через них в несколько секунд. Это секунды замиранья сердца и легкого головокружения.

Мои познания в географии оказываются в некоторых случаях несколько отсталыми. Мы долго летим вдоль бесконечной железной дороги, прорезающей поля и леса. Мы входим в сторону, возвращаемся, совершаем скачки через пространство, а рельсы все тянутся и тянутся...

«Так вот она, знаменитая Транссибирская магистраль», думаю я.

Но диктор сообщает, что это Южносибирская магистраль, новая дорога, построенная в послевоенной пятилетке.

Когда мы пролетаем над станцией Тайшет, я вижу, как обе магистрали сливаются воедино.

Тайга покоряет меня своим диким, нетронутым видом.

Впрочем, что это?

Ровная просека тянется от берега реки в самую глубь тайги. Вот и еще прямая дорога в кудрявой, вздохмаченной зеленой массе. Дальше — аккуратные штабеля бревен, целая лесная биржа на берегу какого-то протока.

Тысячи лет ничто не менялось в жизни тайги, и никто не трогал ее, пока не пришли сюда советские люди. И в этом глухом краю природа начала служить человеку.

...Первое приключение происходит с нами в Восточной Сибири. Мы идем над горными хребтами, покрытыми лесом. Железная дорога — та самая Транссибирская магистраль, которую я все время искал, — осталась на юге.

Неожиданно хребты расступаются. Между ними лежит темносиняя, отблескивающая сталью и прозрачная, как аметист, масса воды.

— Байкал! — торжественно говорит диктор.

В тот же миг наша машина делает крен, затем проваливается вниз носом и начинает падать. В страшном, стремительном пике мы мчимся прямо к середине озера.

Я сижу, судорожно ухватившись за поручни. Берега по мере нашего падения разбегаются в стороны. Масса воды возрастает, ширится... Недаром Байкал зовут морем. Вот уже всюду вода, вода, вода...

Деловой тон нашего гида-автомата, сообщающего, что Байкал — самое глубокое озеро в мире, меня ничуть не успокаивает.

Вода уже, кажется, обступает нас — и в носовое и в боковые окна видна прозрачная синь, но тут Анатолий (я вижу, впрочем, только рыжеватую макушку) каким-то чудом вырывает машину из пике. Это странно, но я не испытываю в этот момент ощущения, будто мой вес увеличился в несколько раз, как это должно было бы произойти, судя по тому, что я читал и слышал от пилотов, летающих на самолетах-нижировщиках.

Мы просто переходим на горизонтальный полет. Но... мы летим все ниже. Вода опять приближается, и мы, наконец, касаемся ее освещенной солнцем и покрытой мелкими волнами поверхности.

Однако ничего страшного не происходит. Наш экипаж — теперь уже не самолет и не автомобиль, как раньше, — он лодка. И эта лодка, втянув крылья, плывет по морю.

Я начинаю догадываться, что никакой аварии вообще не было. И стремительный спуск и посадка на воду — все эти потрясения, повидному, входили в программу путешествия.

Мы мчимся, как на хорошем катере. Слегка покачивает. Теперь я с удовольствием слушаю голос гида, который не скупится на краски, описывая Байкал.

На самом деле, необычайно красиво! Высокие гористые берега, по-

росшие лиственницами, изобилующие гранитными скалами, окаймляют темносинее море.

Вода удивительно прозрачна. В ней видны стаи рыб и силуэты каких-то незнакомых животных. В этих чистых и глубоких водах протекает жизнь — своеобразная и неповторимая. Многие из живых организмов, обитающих в Байкале, встречаются только здесь и больше нигде на всем земном шаре.

Хотя Байкал существует весьма длительный геологический период, образование впадины, в которой лежит это замечательное озеро, еще не закончилось. Поэтому здесь так нередки землетрясения.

Мы проплываем как раз мимо огромной скалы, рухнувшей в воду. Каменная поверхность хребта покрыта трещинами. Из одной расщелины поднимается облачко пара. Это выбивается из недр земли горячий источник.

Но вот наша «лодка» с разгона отрывается от воды. Байкал сужается, вытягивается в длину и вдруг начинает вращаться. Нет, это мы делаем разворот и берем курс далее на восток.

Не буду описывать всех подробностей дальнейшего нашего путешествия. Мы дошли до берегов Тихого океана и повернули на север.

На море был штиль. Необъятная водная гладь в районах Сахалина, Курильских островов и Камчатки была усеяна пятнышками больших и малых рыболовных судов. А на берегу материка в легкой дымке тумана время от времени возникали молы и причальные линии больших морских портов. Как оживился этот край за последние годы!

Еще поворот, на этот раз на запад. Мы возвращались в Москву. Но мы, как я заметил, шли новыми путями.

Убедившись в безопасности нашей «прогулки», я наслаждался чудесными видами, которые открывались на каждом шагу. Осматривал поля и заводы, села и города, внимательно слушал объяснения гида. Я всегда знал, что моя родина богата и велика, но впервые ощутил это так непосредственно и наглядно.

Уральский хребт мы пересекли севернее, чем в начале путешествия. Горы здесь были ниже и выглядели более пологими.

Внезапно впереди показалась панорама, напомнившая что-то очень знакомое. Высокая и крутая стена перегораживала широкую реку. Вереницы автомашин сновали по берегам. Виднелись большие здания — одни в лесах, другие уже законченные.

Днепрогэс? Но ведь это совсем другой район! И к тому же Днепрогэс давно уже восстановлен после войны, а здесь стройка в самом разгаре.

— Камская гидростанция, — сообщил радиогид. — Первая очередь недавно вступила в строй.

...В окошечке спидометра выскочила цифра «30 000 км», когда в зелени пригородов снова показалась знакомая Москва. 30 000 километров! Это длиннее пути вокруг Земли, если бы мы совершили его вдоль той параллели, на которой стоит наша древняя и вечно юная столица.

Весь этот путь проделан внутри нашего государства и — я взглянул на часы — за полтора часа! Это было самым загадочным.

Мы прошли над Москва-рекой, над широкими, полными движения мостами и взяли чуть в сторону, к Ленинским горам. Я увидел впереди тень от нашей машины, бежавшую по шоссе. В следующее мгновение мы сели на эту тень — и плавно мчались по шоссе.

Вот показались знакомые сооружения киностудии. Мы свернули на асфальтовую дорожку, поперек которой лежало серебристое яйцо.

Как занавес, раскрылись его створки, мы въехали внутрь и остановились.

Замолкла музыка, доносившаяся из репродуктора в последние минуты. Прекратилось слабое стрекотание таинственных моторов. Все стихло.

Я вскочил на ноги, готовый засыпать своего друга вопросами.

Анатолий медленно повернул голову.

— Ну как? — спросил он довольно флегматично.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Но скажи, пожалуйста, каким образом...

Анатолий усмехнулся.

— Сейчас, — сказал он, — отвечу тебе на все. Дай сначала вылезть, а то у меня ноги затекли. Кресло водителя надо будет переделать.

Он поднялся со своего низкого сиденья и распахнул выходную дверь. Мы вышли. Мы стояли около замечательной машины, окрашенной в голубовато-серебристый цвет. Крылья были снова втянуты внутрь, и сейчас она напоминала обтекаемые сани или лодку.

Анатолий удовлетворенно курил и искоса поглядывал на меня.

Я молчал, подавленный всем виденным и пережитым за этот короткий срок.

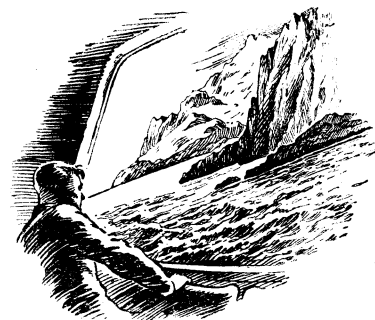
— Ну, — сказал, наконец, Анатолий, — что же тебя интересует?

Я очнулся.

— Прежде всего, — воскликнул я, — что это за новый способ передвижения? Эти немислимые скорости! Эта невиданная поездка!

— А мы куда и не выезжали, — спокойно возразил Анатолий. Он поднял голову, крикнул: «Иван Петрович!» В яйце, висящем под потолком ангара, открылось окошко, из него высунулась голова.

— Ну как? — спросила голова. — Все в порядке?

— Байкал! — торжественно говорит диктор.

— Нет полной синхронности, — ответил Анатолий. — На заднем экране было временами отставание на полфазы.

— Ну, это пустяки, — возразил Иван Петрович. — Сейчас подрегулируем.

И он скрылся в окошечке.

Должно быть, у меня был очень растерянный вид, потому что Анатолий, скупой на слова, счел нужным пояснить:

— Мы были с тобой все время в этом ангаре, и вообще эта штука, — он кивнул на экипаж, в котором мы проделали путешествие, — не может двигаться.

— Так что же это было?

— Кино.

Послышался тихий скрип блоков, и я увидел, что яйцо с Иваном Петровичем спускается из-под крыши. Яйцо остановилось близко у земли, распахнулась дверца, откинулся трап, и, наконец, показался сам Иван Петрович.

Он был в брюках «гольф», в рубашке с короткими рукавами, — все признаки заядлого кинематографиста. Если к этому добавить, что ему было восемнадцать лет, а по профессии он был киномеханик, станет понятным то чувство превосходства над простыми смертными, которое можно было прочесть на его чуть-чуть курносом лице.

— Здорово? — спросил он, снисходительно протягивая мне загорелую руку. — То-то!

И он подмигнул мне. Впрочем, тут же спохватился, напустил на себя значительный вид и принялся говорить что-то о «кадрах», «светосиле» и прочих непонятных для меня вещах.

В общем он оказался слазным малым, и я главным образом от него все и узнал. Анатолий же считал все объяснения законченными и разговаривал в углу ангара со своими помощниками, появившимися, как черти из-под земли, из трапа, который раскрылся в полу ангара. Там, под землей, как объяснил мне Иван Петрович, помещалось «энергоснабжение». В самом ангаре не должно было находиться ничего лишнего: только сама «машина» и это яйцо под потолком. Так следовало для полноты ощущения.

В старом Ордубате

Дом в Ордубате. Рисунок архитектора-историка И. Шеблыгина.

Издали этот маленький городок кажется фиолетовым пятном. Когда вы подъезжаете ближе, фиолетовое пятно постепенно переходит в зеленое. Сады окружают Ордубат большим кольцом, чередуются с домами вдоль улиц, спускаются к Аракеу.

Город этот — на юге Нахичеванской автономной советской социалистической республики, у границы с Ираном — своеобразен и живописен. На улицах — развесистые старые чинары. На площадях журчат фонтаны с проточной водой.

Замечательны дома Ордубата. Некоторые улицы его — настоящий музей

восточной архитектуры XVII—XVIII веков.

Ордубат издавна славился своими фруктами, и дома его всегда в большинстве принадлежали купцам, торговавшим фруктами.

Купцы уезжали со своим товаром далеко — по всему Закавказью, в Иран, а потому стремились превратить свое жилище в дом-крепость, замкнутый мирок, в отсутствие хозяина охраняемый верными слугами.

Такой дом выходит на улицу глухой стеной. Входная дверь — в глубине стрельчатой ниши. Купол ниши украшен розетками, сталактитами. На двери — железные кованые украшения и

дверной молоток, имеющий вид цветка или плода.

Стены комнат расписаны изображениями цветов и деревьев, увешаны коврами. У стен лежат подушки, стоят низенькие столики, покрытые пестрой тканью.

Настоящий фасад такого дома выходит во двор. Здесь — большие окна, в них вместо рам восточные шебеки, то есть деревянные решетки оригинального рисунка, сделанные без гвоздей и клея, на шипах. Двор обычно маленький, иногда с бассейном. Теперь часть этих домов совсем не используется для жилья. Жить в них не так уж удобно.

Рядом со старыми в Ордубате выстроены современные, удобные дома. Работают консервный завод и шелкоматериальная фабрика, подведена железная дорога. Как и раньше, славятся ордубатские фрукты, а теперь к их славе прибавилась слава ордубатских фруктовых консервов. Варенье, джем, компоты из внешних абрикосов, алычи, вишен имеют мало соперников. В последние годы садоводы-мичуринцы Ордубата вывели замечательный гибрид персика с абрикосом. По величине и виду — это персик, а по вкусу — абрикос.

Растет Ордубат. Недавно еще глухой, затерянный в горах городок становится одним из заметных промышленных центров Советского Азербайджана.

В. Струнова.

Так что же это было за изобретение? Это было объемное кино. Экипаж, в котором мы совершили мнимое путешествие, был зрительным залом, а весь ангар — своего рода экраном.

Картина, которую я видел, была снята исключительно с природы. Специальная экспедиция в конце первой послевоенной пятилетки выехала для съемок на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Съемки производились четырьмя аппаратами одновременно: один был направлен вперед, два — в стороны, а четвертый — обращен назад. Так же проектировалась и полученные изображения из кинобудки, которая помещалась в всячем яйце.

В результате, в какое бы окошко «экипажа» ни смотрели его «пассажиры», они видели как бы часть общей движущейся панорамы.

— Важно, конечно, — пояснил Иван Петрович, — добиться полной

синхронности, совпадения изображений всех четырех проекционных аппаратов.

Он рассказал, как это было осуществлено, причем подробно описал какой-то «гибкий вал», который предложил для этой цели сам Иван Петрович.

Съемка первой кинокартины производилась с автомобиля, самолета, моторной лодки, гидроплана и еще какого-то сооружения — «порткабеля»¹, так, кажется, назвал его Иван Петрович.

Теперь я понял, почему так пристально смотрели люди, мимо которых мы «проезжали» на нашей машине. Я думал, что они удивлялись необычному виду нашего экипажа, а они просто смотрели на операторов,

¹ Вышка, на которой устанавливается киноаппарат для съемки.

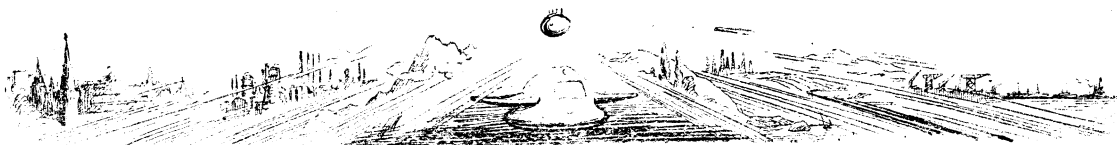
снимающих сразу четырьмя аппаратами с обыкновенного автомобиля.

Для чего же понадобилось сооружать ангар, асфальтовую дорожку и «кабину-вездеход»? Для того, чтобы зритель во время сеанса испытывал полную иллюзию путешествия по земле, воздуху, воде, а если понадобится, и под водой.

За время нормального киносеанса в этой «машине» можно объехать весь мир.

Все это сообщал мне Иван Петрович, чрезвычайно довольный как мсей любознательностью, так и своей способностью ее удовлетворить.

Мы шли по неширокой дорожке, окаймленной маленькими голубыми елями, и я думал о том, как много нового, неожиданного и увлекательного создала советская наука и техника за протекшие годы мирного труда.

Вл. НЕМЦОВ

Научно-фантастическая повесть¹

Рис. П. Караченцова

2-я часть

ГДЕ МЫ НАХОДИМСЯ?

Очнувшись, я увидел в дымном полумраке, что все мои спутники лежат на полу. Профессор слегка стонал. Андрей, подняв руку, бессильно скользил ею по гладкой поверхности подушек, пытаясь подняться.

Крышка на башне приподнялась, над нами показалась голова Сандро.

— Живы, друзья? Отвечайте! — отрывисто кричал он.

— Живы, Сандро, — отвечал Андрей, потирая ушибленное плечо и поднимаясь на ноги.

— Кажется, живы, — пробормотал профессор, ощупывая свою голову.

— Смотрите, — закричал Сандро, тормоша меня за плечо и помогая выбраться наружу. — Здесь нет пожара!

Я огляделся по сторонам. Огня нигде не было. Кажалось, мы попали совсем в другой мир, будто провалились сквозь землю. Кругом царил тишина, лишь издали доносился шум пожара. Откуда-то сверху спускался густой и плотный дым, похожий на клочья ваты. Сквозь него скупко проникал дневной свет, как сквозь стеклянный купол, покрытый снегом.

Я соскочил с брони и бросился обнимать холодные стволы деревьев, прижимаясь к ним лицом, чтобы сквозь липкую резину маски чувствовать на горячих щеках их прохладу.

Сандро наклонился, что-то сорвал в траве и поднес к стеклам моей маски. Я увидел в его руке темный силуэт колокольчика.

— Где же мы находимся? — спросил он. — Почему здесь нет пожара?

Андрей вынул из кармана маленький компас, наклонился ко мне и проговорил:

— Пойду проверю направление. Дайте мне на всякий случай запасный баллон с кислородом.

Я спустился в танк. Баллон, который предназначался для Вали, был пристегнут ремешком к стенке башни; я это хорошо помнил. Но сейчас его здесь не было.

— Ну, скоро там? — торопил Андрей.

Я спросил Сандро и профессора, но никто из них не перекладывал баллона на другое место. И только тут я вспомнил снаряд, вылетевший из башни «Феникса», когда мы находились под водой. Значит, это был запасный кислородный баллон, который мы бергли для Вали!

— Его нет! — крикнул я Андрею.

Тот устало махнул рукой и скрылся в дыму.

Я знал, что для того, чтобы проверить направление, необходимо отойти от такой большой железной массы, как танк, по меньшей мере на десяток метров в сторону. Поэтому поступок Андрея мне показался вполне естественным.

Прошло несколько минут. Андрей не возвращался. Профессор осторожно всматривался в черную дымовую завесу.

«Предположим, он сможет найти направление для нашего «Феникса», — думал я, — но вернуться обратно ему трудно. Огни у танка не горят — разрядились аккумуляторы, кричать бесполезно — сквозь маску ничего не услышишь. Он может пройти совсем рядом с танком и его не заметить».

— Нельзя терять ни минуты, — говорил, задыхаясь, Сандро, — кислород на исходе. — Он наклонился ко мне и, чтобы не слышал профессор, добавил: — Андрей не мог заблудиться, с ним что-то случилось, или он пошел обратно искать Валу.

— Куда обратно? — перебил я его. — Разве ты знаешь, где мы находимся?

— На дне глубокого оврага. Пожар прошел поверху. — Он поднял руку над головой.

Подожел профессор, взял его за плечи и что-то начал говорить.

Я переводил свой взгляд с одного на другого, при-

¹ Окончание, начало см. «Вокруг света» №8—9

слушивался к глухим звукам, доносившимся из-под масок, и мне казалось, что все это происходит во сне, что нет на свете ни горящей тайги, ни танка, ни этих, ставших мне близкими людей.

Я пытался протереть глаза, чтобы очнуться от тяжелого сна, но стекла кислородной маски прижались к векам, и рука скользила по гладкому стеклу. Где же Андрей? У него скоро кончится кислород, тогда конец, гибель. А Валия? Где она? Холодные струйки пота ползли по спине; я дрожал, как в лихорадочном ознобе. Нет, я сам пойду искать их. В крайнем случае, Сандро попытается один вывезти из тайги профессора!

Я обнял Сандро за плечи, наклонился к нему и, заглядывая в стекла маски, прошептал:

— Я иду. Если через... — я посмотрел на манометр кислородного прибора, — полчаса меня не будет, пытайся выбираться сам.

— Но как же ты сможешь вернуться, по какому ориентиру? — спросил наш водитель, до боли сжимая мне руку.

Я не ответил: мне пришла в голову до смешного простая идея, и я хотел ее проверить. Спустившись в башню танка, я взял оттуда сверток, завернутый в асбестовую ткань, и стал готовиться в поход. Профессор, почувствовав что-то неладное, осторожно приблизился ко мне.

— Что вы хотите делать? — отрывисто проговорил он. — Вы так же не вернетесь, как и они.

— За меня можете быть спокойны: дорогу обратно я найду.

— Но ведь в дыму ничего не видно! — резко проговорил профессор, стараясь заглянуть мне в глаза сквозь стекла маски.

— Мне ничего не нужно видеть. Я только попрошу вас периодически замыкать и размыкать эти два провода, — добавил я, скрываясь в дымной туче.

Когда Андрей отошел от танка, для того чтобы прозерить направление по компасу, ему казалось, что он спускается куда-то вниз. Там внизу висел тяжелый туман. Казалось, что стоит сделать еще один неверный шаг, и провалишься в темную пустоту.

Андрей продолжал осторожно спускаться, держа перед собой компас. Расстояние уже было достаточным, масса танка не могла повлиять на точность показаний. Но какая-то непреодолимая сила тянула Андрея вперед сквозь дымную пелену.

Он не мог примириться с мыслью, что Валия нет, что она погибла. Но куда она ушла? Почему не осталась на острове вместе с отцом? Какая сила толкнула ее в пламя пожара?

Андрей побежал вперед. Вдруг его нога подвернулась, он упал, и мгновенная острая боль сжала горло. Задыхаясь, Андрей стал ощупывать маску. Что могло случиться? Может быть, оборван шланг от баллона?

Дым останавливался в горле, ел глаза. Андрей машинально поднес руку к глазам, чтобы протереть их. Но где стекло? Оно разбито.

Раздумывать некогда. Андрей вытащил нож и отрезал от своего комбинезона кусок плотной асбестовой ткани: надо скорее закрыть выбитое стекло. Металлический обод, где оно было закреплено, на месте. Теперь бы только завязать чем-нибудь — травой, мочалкой. Андрей шарит у себя под ногами, прижимая кислородный шланг ко рту.

Нет, это невероятно... В руке тонкая и прочная бечевка, она обмоталась вокруг его ноги. Так вот почему он упал! Но откуда она в этом овраге?

Андрей закрыл правый глаз маски тканью от комбинезона и завязал его, оборвав бечевку. Теперь он видит в два раза хуже, но это ничего. Он поднялся на ноги и только тогда вспомнил о компасе. Где же он?

...Я не мог оторвать глаз от этого подарка с неба

Андрей снова опустился на колени, пополз по влажной траве, ища маленькую черную коробочку.

Снова в руки Андрея попала бечевка, он потянул ее к себе и тут только заметил, что она очень длинна. Куда она ведет? Андрей приподнялся, пропустил между пальцами эту странную нить и пошел за ней.

Впереди дым казался гуще. Но что это? Откуда-то издали, сквозь черный узор листьев и игол, просвечивал чуть заметный огонек. Он то поднимался, то опускался, приближаясь к Андрею. Казалось, что идет человек с гаснущим пламенем свечи. В дыму это трепещущее пламя казалось зловещим.

Мигающий огонек подполз совсем близко. Андрей уже протянул руку, чтобы встретить неожиданного гостя. Но рука бессильно повисла в воздухе. По тонкой бечевке, шипя и потрескивая, бежал гаснущий огонек. Он подобрался к руке Андрея, лизнул ее своим горячим розовым язычком и погас. Последняя призрачная надежда на спасение так же погасла, как этот прибежавший издали огонек.

Андрей бросил ненужную веревку и пошел в том направлении, откуда приполз огонек. Он шел, по инерции переставляя ноги. Под гору итти было легко, поэтому ему казалось, что ноги идут сами собой. Он уже ни о чем не думал.

Вдруг он поднял голову и остановился. Сквозь черную дымовую завесу, как через закопченное стекло, в которое смотрят во время затмения, перед ним просвечивало солнце, лежащее внизу, на самом дне оврага.

«Может быть, это солнце, отраженное в воде? Неужели я опять вышел к озеру?» подумал Андрей.

Маленькое солнце горело все ярче и ярче, по мере того как Андрей приближался к нему. Из темноокрасного оно сделалось оранжевым, затем ярко-розовым.

Андрей уже чувствовал его горячее дыхание. Он подошел ближе, стараясь рассмотреть таинственное солнце. Это было раскаленное тело, имеющее форму правильного шара около двух метров в диаметре. Оно лежало среди угасающего костра. Черная выжженная полоса вела от него к стенке оврага.

Андрей взглянул вверх: там бушевало пламя.

«Так вот откуда начался пожар тайги! — подумал он. — Но как сюда попал этот странный шар?»

Андрей осмотрелся по сторонам. В оранжевом отблеске огненного шара он увидел недалеко от него темную фигуру.

ЗАГАДОЧНЫЙ ШАР

Я шел по склону оврага, и мне казалось, что я опускаюсь на дно темного, глубокого омута. Вокруг стояла черная ночь. Но чем дальше я шел, тем прозрачней становилась тьма.

Странный дрожачий огонь освещал изнутри эту пещеру, полную движущегося дыма. Сквозь черный туман просвечивал красный солнечный диск, лежащий у моих ног.

Я раздвинул ветви густого кустарника, чтобы рассмотреть маленькое солнце, спустившееся на землю. Это была копия, или вернее, «действующая модель», солнца, до странности похожая на фотоснимок из учебника космографии. Можно было даже различить пятно на поверхности светила.

Я не мог оторвать глаз от этого подарка с неба. У меня почему-то появилась твердая уверенность, что я вижу перед собой вчерашнюю падающую звезду. Нет, это не был обычный метеорит, — он не сгорел, не разбился, не ушел в землю. Быть может, это подарок с другой планеты, междупланетная ракета марсиан?

На фоне огненного диска, в дымном тумане я увидел два силуэта. Это были какие-то странные существа, не похожие на людей. Они сидели на траве и размахивали щупальцами, напоминающими клешни. Когда один из них повернул ко мне голову, я с ужасом заметил на ней единственный глаз циклопа, светившийся красным отблеском шара.

Затаив дыхание, я наблюдал за поведением этих неземных существ. Как знать, может быть, я буду единственным человеком, которому посчастливилось так близко видеть этих таинственных пришельцев из другого мира!

Они сидели на траве и размахивали щупальцами...

Подойдя поближе, я остановился, потрясенный догадкой. Передо мной были Андрей и Валя!

Окруженные дымом горящей тайги, в кислородных масках, которые вот уж никак не могли служить украшением для влюбленных, они сидели около огненного метеора и, засматривая друг друга в стекла масок, о чем-то оживленно беседовали. Горькие и тревожные были минуты этого необыкновенного свидания.

Я не верил своей удаче. Пошел искать Андрея, а нашел Андрея, Валу и загадочный шар! Насколько мне позволяла кислородная маска, я крикнул, как мог, громко:

— Андрей! Валя!

Валя вздрогнула, Андрей обернулся, стараясь рассмотреть мою фигуру в густом дыму.

— Ну, знаете, мои милые, — говорил я, обнимая их за плечи, — вы выбрали совсем неподходящее место для объяснений. Посмотрите на манометры кислородных аппаратов, оглянитесь кругом.

— Видал? — как бы не обращая внимания на мои слова, спросил у меня Андрей, указывая на шар. — Что мы будем делать с этой штукой? Его и танк не дотащит. — Я не мог видеть его лица сквозь маску, но мне показалось, что он пытается скрыть смущение. — Но как мы сможем найти «Феникс»? Я уже потерял надежду выбраться из тайги.

— Будем искать танк по радио, — сказал я, разворачивая сверток и открывая крышку чемоданчика. — Не удивляйся, со мной приемник.

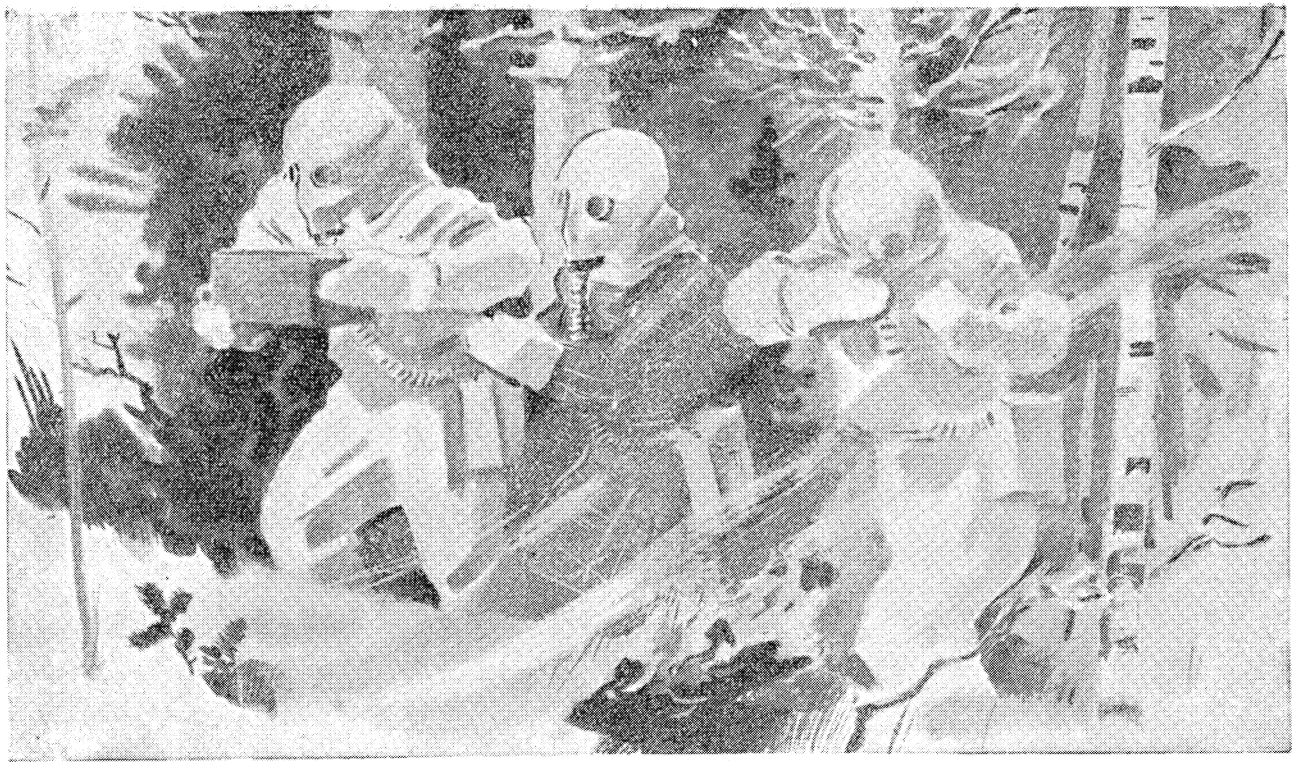
— А передатчик? — с недоумением спросил Андрей.

— Передатчик я сделал...

— Неужели ты думаешь, что я настолько наивен, — запальчиво возразил он, — чтобы поверить в то, что ты уже успел сделать радиопередатчик за время моего отсутствия? Не будем играть в прятки. Я и Валя достаточно ясно представляем себе всю безвыходность нашего положения. Мы готовы...

— Ну, как хочешь, — сказал я. — Мне сейчас тебя не переубедить. — Я взглянул на пылающий шар и добавил: — За ним мы еще вернемся.

Вставив вилку от телефонов в гнезда приемника, я включил его и начал настраиваться.

— Рамка указывает направление довольно точно..

Громкий, резкий треск раздался в телефоне. Казалось, что это где-то над головой трещат деревья. Но нет, это работал мой примитивный передатчик.

— Возьмитесь за мой пояс, — сказал я Андрею. — Рамка указывает направление довольно точно. Мы пойдем быстро, старайтесь не отставать.

Обратный путь был труден. Мы теряли друг друга в черном дыму, спотыкаясь о потухшие головни, но нас твердо и неуклонно вела к цели не современная радиостанция, а старая, заслуженная искра времен изобретателя радио Попова.

Через несколько минут мы увидели эту искру на башне «Феникса».

От бобины зажигания, которую Сандро оставил в танке, на крышу башни шли два провода; между ними проскакивала голубая искра... А внизу, расположившись на земле, сидел профессор и чиркал проводом по клемме аккумулятора. Он передавал сигналы, которые я принимал на своем приемнике. Никогда в жизни профессору не приходилось работать на таком передатчике, и мне казалось, что если бы я заглянул под его маску, то прочел бы на его лице ту же сосредоточенность, с которой он проводил свои опыты на мощных радиостанциях по исследованию ионосферы.

СНОВА ВМЕСТЕ

Не буду рассказывать о нашей встрече. Я думаю, что всем понятна радость людей, которых сблизило это необыкновенное происшествие в борьбе за жизнь.

Андрей остановил Валю, долго возился с ее кислородным баллоном и сказал:

— У тебя запаса кислорода осталось всего лишь в полчаса, — нельзя терять ни одной минуты.

Валя в изумлении бегала вокруг «Феникса», гладила его шершавые асбестовые бока, покрытые черными полосами копоти, залезала внутрь, в башню. В ответ Андрею она только кивнула головой.

— Сандро, — обратился я к нашему водителю, — ты взял буксировочный трос?

— Мы не будем спускаться вниз, в овраг, я категорически против, — перебил меня Андрей. — У Вали оста-

лось кислорода всего на тридцать минут. Мы не успеем вернуться.

— Вы правы, товарищ Ярцев, — сурово откликнулся профессор. — В интересах науки мы должны немедленно ехать, не теряя ни минуты драгоценного времени. Я уверен, что пожар скоро будет остановлен.

— Я вас не понимаю, профессор, — удивился я: — ведь если кончится пожар, нам легче будет выбраться из тайги!

— Надо помнить, уважаемый коллега, — заметил профессор, — что только во время пожара мы сможем проверить прохождение радиоволн в огне. Мы сделаем то, что вы не сделали на пути к острову. Надо исправлять свои ошибки.

— Ну, а ты что скажешь, Сандро? — обратился к нему Ярцев.

— Я, конечно, извиняюсь, — быстро заговорил Беридзе. — Я очень уважаю науку, но люди мне дороже. Дорога далекая, трудная, кислорода мало. Пройдем огонь, станут они на холодную землю, снимут маски, тогда Сандро опять поедет сюда шар тащить, пожар тушить, волны проверять — хочешь в огне, хочешь в воде, хочешь в воздухе!

Я молча слушал Сандро и чувствовал, что он прав, так же как правы и все остальные, но я никак не мог примириться с мыслью, что таинственный шар навсегда останется загадкой для всех нас, для нашей науки. Все против, никто не хочет меня понять.

Валя вылезла из башни. Она легко спрыгнула на траву и крикнула:

— Ну, я вижу, вы меня совсем уморить хотите в этой маске! Я уже чувствую, что дышать становится труднее, а нам еще за шаром заезжать надо.

— Шар пока останется здесь, — сказал я, взбираясь на танк. — Сейчас едем.

Валя с негодованием обернулась ко мне.

— Я вас совсем не знаю, — с дрожью в голосе сказала она. — И если бы я не была признательна вам за то, что вы вместе с моими друзьями совершили это рискованное путешествие ради нашего спасения...

— Позвольте, Валя... — попытался я что-то сказать.
— Я не хочу вас слушать, — продолжала она. — Может быть, я несдержанна, но мне до слез обидно. Я шла на разведку не за тем, чтобы искать дорогу сквозь горящую тайгу: я была уверена, что нас спасут, но мне нужно было найти метеорит. Я видела, как падала эта огромная звезда. По бечевке я спускалась в овраг, чтобы потом найти дорогу обратно. Я не заметила, как она перегорела, коснувшись раскаленной поверхности метеорита. А сейчас передо мной несколько мужчин, инженеры, ученые. С вами чудесная машина, которая может сделать все. Кто же вам дал право так... — Валя закашлялась, попыталась что-то сказать, но махнула рукой и отвернулась.

Наступило неловкое молчание. Профессор смотрел куда-то вверх, сквозь еле просвечивающую дымную пелену. Сандро методически стучал кулаком по броне. Андрей следил за стрелкой манометра кислородного аппарата. Я также чувствовал себя смущенным, но в глубине души был благодарен Вале за эту неожиданную поддержку.

Андрей наклонился к Сандро и что-то ему сказал. Тот, кивнув головой в ответ, полез в башню.

— По местам! — крикнул Андрей.

Все бросились к танку. «Феникс» уже слегка вздрагивал, как бы волнуясь перед новым испытанием.

Какое же принял решение Андрей? Должны ли мы подняться из оврага и снова прорываться сквозь огонь, или пойдем вниз, для того чтобы взять с собой загадочный шар?

Танк развернулся и медленно пополз вверх по склону. Валя повернула ко мне злые глаза.

— Радуйтесь, победила ваша осторожность, скоро ваша неприятная миссия закончится...

— Послушайте, Валя, это не мое решение

Она перебила меня:

— Я не знаю вас, но зато хорошо знаю других. Никто из них не колебался бы, если бы перед ними был выбор: мирно возвратиться домой или идти разгадывать неизвестное. Неужели вы не понимаете, что сейчас мы возвращаемся из-за вас?

— Как из-за меня? — удивился я.

Валя взглянула на Андрея и, убедившись в том, что он не обращает на нас никакого внимания и занят проверкой рефрижератора, наклонилась ко мне.

— Ну, конечно, вы для них чужой человек, и они не хотят, чтобы с вами что-нибудь случилось.

Я был ошеломлен. Неужели это правда? Неужели, несмотря на мое предложение, Андрей решил не подвергать случайного человека опасности, которой можно избежать?

В этот момент танк обошел мощные стволы и быстро пошел под гору, туда, где мы оставили шар. Андрей выжидательно посмотрел на меня. Я ничего не сказал, только молча пожал его руку.

По каким-то мало заметным признакам я узнавал дорогу, где мы недавно шли с Андреем и Валею. Вот стена кустарника, в нем застрял плотный черный дым. Вот полянка, откуда я увидел «странных существ с другой планеты». Вот черная выжженная полоса, и вот бугорок, на котором... Но что это? Что произошло?

Шар исчез.

ВОЗМОЖНО, ЭТО КОНЕЦ

Валя металась в разные стороны. В густом дыму она появлялась то здесь, то там. Она не верила, что шар мог так неожиданно исчезнуть. Но нет, никаких сомнений не было.

Я опустился на колени, чтобы отыскать следы исчезнувшего метеорита. И снова мелькнула мысль, что это был не метеорит, а управляемая машина. Метеорит не может передвигаться сам.

Маленькая, еле заметная искорка привлекла мое внимание. Словно составленная из крошечных осколков стекла, блестящих на солнце, лежала передо мной призрачная золотистая дорожка.

«Может быть, это дорожка для взлета странного снаряда-ракеты?»

Неожиданно я остановился и закрыл глаза рукой. Яркое огненное пятно горело передо мной. Это был он, пропавший шар. Мне снова показалось, что он слегка раскачивается.

— Смотрите! — кричал я Вале, которая бежала за мной. — Смотрите, он совсем живой!

За нами уже спешил «Феникс». Сандро остановил танк и быстро выпрыгнул из люка. В руках у него был асбестовый буксировочный канат.

— Такой огромный! Мы его не дотащим, — остановился он с петлей в руках. — В нем несколько тонн, а у нашего «Феникса» мотор слабый, да и аккумуляторы подсели.

— Мне кажется, что он внутри пустой, — заметил я, подходя к шару, — надо попробовать.

Валя бросилась к танку, достала лом и, подбежав к шару, тронула его острым концом.

Шар слегка покачнулся, потом как бы замер и... покотился прямо на нас. Мы еле успели отскочить. Пышущая жаром машина пронеслась мимо нас и остановилась.

— С такой игрушкой шутить не надо, — проговорил Сандро, осторожно подходя к шару. Набросив на него канат, как лассо, и точно пропустив его до середины шара, Сандро медленно затянул петлю. Она плотно вошла в толстый слой окалины. Сандро слегка дернул за канат, шар подвинулся ближе.

— Ну вот, видишь, — сказала с нескрываемой радостью Валя, — ты один можешь тащить его, не то что танк...

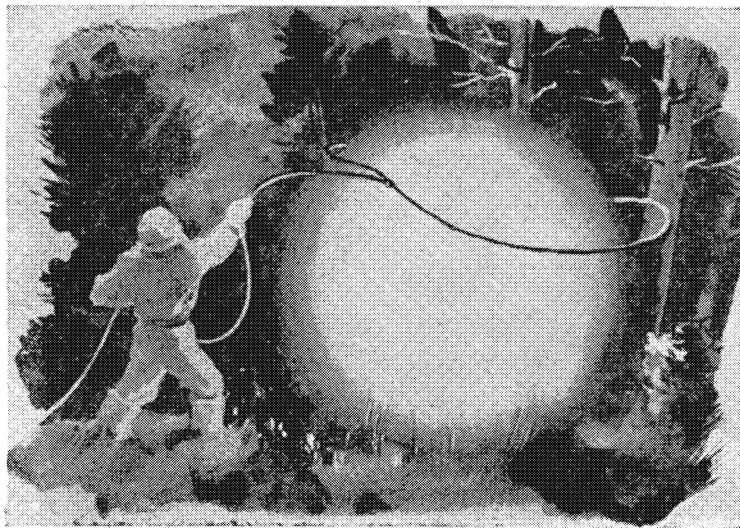
— Это очень и очень странно, — как бы про себя произнес профессор. — Из какого же металла он может быть сделан?

— Вы думаете, что он «сделан»? — осторожно спросил я у Чернихова.

— Не знаю, ничего не знаю, — сказал тот, недоверчиво поглядывая на шар.

Мы снова забрались в танк, канат натянулся, и шар пополз за нами. Но когда я выглянул из башни, каната не было видно, и мне показалось, что сквозь дымовую завесу за нами движется другой, горящий танк какой-то странной, шарообразной формы.

Мы тащились вверх по склону, откуда доносился шум разбушевавшегося огня. Вот навстречу нам выбежали первые огневые разведчики — острые огоньки пламени. Они прыгали под гусеницы нашего танка и гасли.

...Сандро затянул петлю.

Вслед за «Фениксом» тянулись две черные полосы, и по ним, как по рельсам, двигался огненный шар.

Показался горящий кустарник. Пришлось закрыть все люки. Мы снова были в сплошном огне.

Но как же шар? Его светящаяся поверхность была неразличима в пламени. Каждый десяток метров я просил Сандро остановить танк, выскакивал из башни и пробовал натяжение каната. Шар пока еще тащился за нами. Но вот мы вошли в густой лес. Сверху летели горящие головешки, падали обгорелые стволы деревьев. Выходить из танка было невозможно.

Андрей, взяв меня за руку, прокричал на ухо:

— Довольно, запрещаю! Больше нельзя рисковать!

— Андрей, разреши в последний раз!

— Мы не можем отсюда выбраться, — почти прошептал Андрей, касаясь гофрированной трубкой моей маски. — Курсы потеряны.

Нечего было и думать о том, чтобы обнаружить какие-либо внешние ориентиры, по которым можно было найти направление. Кроме пламени, ничего не было видно. «Может быть, опять обратиться к помощи приемника, который нас привел к острову и к «Фениксу»? — подумал я. — Но тогда работали радиостанции, а сейчас что слушать?.. Впрочем, мы входили в тайгу с ее западной окраины. Поэтому если мы прорвемся на запад, то выйдем из тайги. А на западе — Москва».

Я приоткрыл крышку башни, но выйти уже не мог. В бушующем пламени не было никакого просвета. С большим трудом высунул я завернутую в асбест рамку, включил приемник и прислушался. Кроме шорохов и шипения, ничего не было слышно.

Профессор стоял около меня, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. Он дернул меня за рукав и крикнул:

— Пламя экранирует рамку! Экран нужно отодвинуть от танка, только тогда будет возможен прием.

— Найди место, какое хочешь, но только без пламени, хоть квадратный метр! — закричал Ярцев, наклоняясь к водителю.

Танк ползал по лесу взад и вперед, но всюду был огонь без малейшего просвета. Вдруг Сандро резко затормозил и полез в задний отсек танка. Достав завернутый в асбест сверток, он рассмеялся:

— Я извиняюсь, Сандро вспоминает старое! Разрешите, товарищ инженер-майор, попробовать.

Ярцев посмотрел на сверток и обрадованно махнул рукой. Сандро на мгновение открыл свой люк и резким взмахом руки выбросил что-то вперед. Люк хлопнулся. Раздался взрыв, и впереди стало темно, как будто какое-то огромное фантастическое чудовище одним дуновением затушило огонь.

Перед нами было небольшое пространство в несколько квадратных метров, очищенное от огня. Связка противотанковых гранат сделала свое дело. Но не успел я приоткрыть люк, как неподалеку от нас раздался второй взрыв. Это было похоже на запоздалое эхо.

Я не успел еще сообразить, что это значит, как взрывы стали следовать один за другим. Шла ожесточенная бомбежка с воздуха. Сандро прыгал на своем месте и кричал:

— Я извиняюсь, вот это по-нашему! Понимаешь, авиация бомбит передний край противника. Вот сейчас в самый раз прорывать его оборону!

Я вспомнил, что одним из действенных методов ликвидации больших лесных пожаров является применение огнегасительных бомб. Вот уж не ожидал, что через несколько лет после войны, где-то в Сибири, я попаду под бомбежку.

Я выставляю рамку из башни, включаю приемник и вращаю ручки. Профессор опять дергает меня за рукав. О, как не вовремя!

Сандро открыл люк, пламя ворвалось в танк.

— Чувствуете ли вы периодические замирания сигналов? — кричит он, наклоняясь к моему уху.

Еле заметный писк доносится издалека. Я уже начинаю разбирать слова, ориентирую рамку по силе звука.

— Передача производилась по радиостанции... — напряженно вслушиваюсь я в звуки далекого голоса. Сейчас скажет, какая радиостанция.

— Так я был прав: экранирующее действие пламени сейчас менее заметно! — кричит профессор мне на ухо.

— Ничего не могу принять, не отрывайте меня, — со злостью отвечаю я.

Стрелка бежит по шкале.

— Говорит Москва! — загремело в телефоне.

Направление найдено. Будем идти на голос Москвы. — Только не потеряй направление, Сандро. Иди прямо, что бы ни случилось! — кричал Ярцев.

«Феникс» снова рванулся сквозь огонь и дым. Мы проскочили темную полосу, где огнегасительные бомбы разметали пламя, и опять углубились в чашу сплошного огня. Становилось трудно дышать. Андрей поднес к смотровому окну манометр своего кислородного прибора. Увидя, что я наблюдаю за ним, Андрей небрежно опустил его.

Танк замедлил свой ход, затем прошел еще немного и остановился. Сандро вскочил со своего места и крикнул:

— Аккумуляторы!

Андрей мгновенно повернулся к приборной доске и посмотрел на вольтметр.

— Аккумуляторы разряжены, — сказал он, рванув ручку рубильника.

Валя бросилась к нему.

— Андрей, неужели это конец?

Сандро открыл люк, пламя ворвалось в танк.

«ФЕНИКС» ЗАКАНЧИВАЕТ СВОЙ ПУТЬ

Мне трудно рассказывать о том, что было дальше. Мутилось сознание, помню только отдельные моменты.

Рефрижератор перестал работать; даже для него хватало энергии разряженных аккумуляторов. Трубки, которые до этого были покрыты инеем, сделались горячими, так же как и все металлические части в танке. Резиновая маска прилипла к лицу, мокрые костюмы нагрелись, пот лил, как в жестокой лихорадке.

— Танк не пойдет, — захрипел Андрей мне на ухо. — Мои аккумуляторы, даже если они не работают,

сами разряжаются через несколько часов. Я думал, что успеем... Не удалось. Если бы хоть на десять минут продлить их жизнь...

Он совсем задыхался, — видимо, у него уже не было кислорода в баллоне. Но почему он израсходовал его раньше, чем мы? Я оцупал баллон — он не был похож на наши. Сквозь пелену перед глазами я смог рассмотреть, что на баллоне Андрея не было зеленого треугольника.

— Аккумуляторы, вероятно, разрядились от жары, — говорил я Андрею, вспоминая, где же я видел этот баллон.

— Нет, они... изолированы от огня, — прерывисто шептал тот. — Они, как и другие... активнее работают при высокой температуре... Стой! — Он крепко схватил меня за руку. — Сандро, сдирай обшивку с аккумуляторов! Пусть кипят... Реакция пойдет сильнее.

Во всех уголках танка, где были расставлены аккумуляторы, мы вспарывали ножом воздушные подушки, которыми они были защищены, и яростно сдирали асбестовую ткань. Наше учащенное дыхание еще больше сократило и без того ничтожный запас кислорода. Андрей бессильно опустился на пол.

— Сандро, пробуй... включай...

Я посмотрел на манометр у баллона аппарата Андрея. Стрелка стояла на нуле. И вдруг я вспомнил, где я видел этот баллон: Андрей взял его у Вали, чтобы проверить, и незаметно для нее заменил своим.

«Феникс» тихо тронулся. Он полз, еле передвигая гусеницы. Кипевшие аккумуляторы отдавали последние частицы своей энергии.

Я взглянул в смотровое отверстие. Вокруг тлели потухшие деревья, раскиданные огнетушительными бомбами. Дым был такой густой, что казалось, его надо взрывать, как стену вражеской цитадели. Лучи угасавшей лампочки не могли пройти сквозь плотную дымовую мглу, наполнявшую танк.

Неужели придется сорвать маску, чтобы едкий дым ворвался в ноздри, горло, легкие?... Мне показалось, что начинается галлюцинация. Откуда-то доносился грохот танков, идущих в наступление. Я вспомнил такой же июльский день войны: дым, пыль и танки, идущие на запад. Я лежал в придорожной канаве и не мог крикнуть. А танки шли мимо, один за другим...

Загрохотал люк, и над нами в клубах дыма показалось лицо в маске.

Это был водитель буксирного танка, что ожидал нас на перекрестке дорог.

И когда мы жадными глотками вдоволь надышались кислородом из запасных баллонов, танкист рассказал нам, что подполковник, узнав о нашей задержке, послал на поиски еще несколько танков. И действительно, через минуту со всех сторон, почти одновременно, появились темные силуэты машин. Казалось, они ожидали за деревьями сигнала к наступлению.

Сандро вылез из люка и, стоя на броне, что-то выкрикивал, указывая на собравшиеся машины. Я поднялся к нему.

— Знаешь, дорогой, — закричал он мне на ухо, — я извиняюсь, конечно, но если бы они не смогли сгореть в огне, если бы все «Фениксами» были, сейчас бы поехал обратно.

— Зачем? Там же никого не осталось, — удивился я.

— Как никого? — Сандро даже подпрыгнул. — Огонь остался. Его фугасами надо врать, уничтожать бомбами, огнетушителями! Танковый десант надо посылать.

— Ну, это еще впереди, — ответил я. — «Феникс» наш был первым разведчиком. Может быть, мы еще построим негоряемые пожарные машины для тайги, степей и торфяных болот. Для нас еще работы хватит... А этот пожар и без нас скоро потушат.

«Феникс» медленно тянулся на буксире. Он вздрагивал и дергал канат, как будто хотел снова ринуться в огонь. А за ним, подпрыгивая на неровностях дороги, как гигантский мяч, катился остывающий шар. На его темновишневой поверхности то вспыхивали, то гасли золотые искры.

Вечером подполковник пригласил нас на дачу.

Он жил недалеко от города, на берегу реки. Я пришел несколько раньше и в ожидании друзей вышел на балкон. Оранжевый абажур мягко сиял над столом, ночные бабочки купались в цветных лучах. Я вспомнил скатерть, о которой мечтал несколько часов назад под водой. И золотистая скатерть, и золотое вино, и кисти винограда, опускавшиеся гроздьями из вазы уральского хрусталя, — все это стало действительностью.

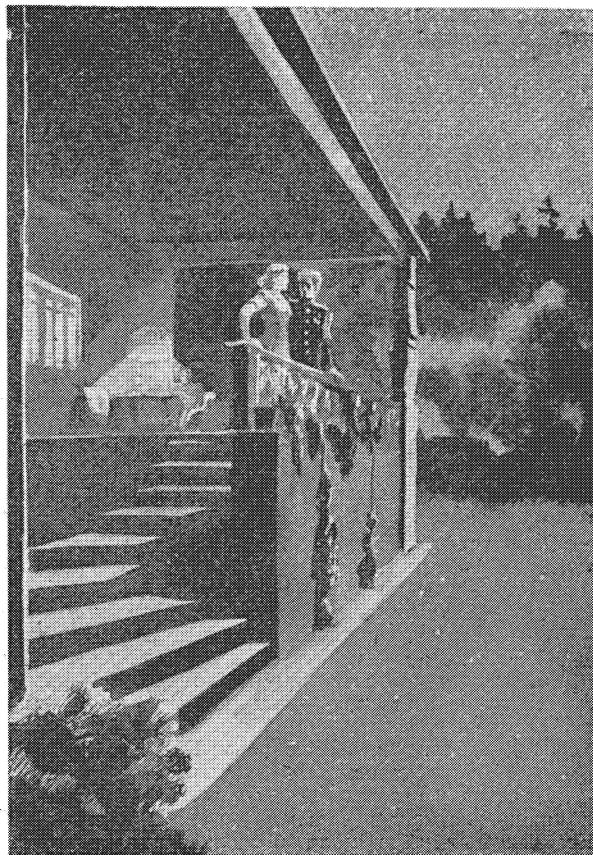
Стояла необыкновенная тишина. Она была такой прозрачной и светлой, что казалось, ничто не могло ее нарушить. Все отдыхало: поля, березы, ленивая, уставшая река. Я чувствовал свежесть вечерней росы, вкус мяты во рту, чуть заметный запах душистого мыла, ощущал капельки воды на волосах и всем знакомую усталость освеженного тела после купанья.

Я сел в кресло и смотрел на еле заметное в сумерках темнокрасное тело остывающего шара. Казалось, он также отдыхает от долгого путешествия здесь, у балкона, среди цветочных клумб.

Никогда я не ощущал радости тишины так глубоко, как сегодня, после грохота танка и воя горящего леса.

Зазвенели тонкие хрустальные рюмки на столе. То вошли Андрей и незнакомая мне девушка. Неужели это Валя? Так вот она какая без маски! В белом платье, вышитом красным с золотом, она ничем не напоминала пассажира «Феникса». Светлые блестящие волосы, смеющиеся глаза и губы, порывистость движений подчеркивали весь ее праздничный и радостный облик. Она взяла Андрея под руку и подвела к перилам балкона.

— Вероятно, к утру он совсем остынет, — сказала Валя, указывая на шар. — Вот тогда мы все про него узнаем. Мне кажется, что я не смогу спать всю ночь. Может быть, это действительно вестник с другой планеты.

Она взяла Андрея под руку и подвела к перилам балкона.

Я тихо поднялся со своего места в темном углу и направился к перилам балкона. Валя оглянулась и удивленно посмотрела на меня. Несомненно, она меня не могла узнать.

— Теперь я все-таки должен представить вас друг другу. — смеясь, проговорил Андрей, подходя ко мне. Он взял меня под руку и подвел к Вале.

— Совершенно необыкновенное знакомство. Как раз в вашем стиле, товарищ Петров. Вы прекрасно знаете Валу, а она вас, потому что немногие часы, проведенные вместе в танке, стоят многих лет знакомства. И все-таки я должен подвести вас друг к другу и сказать: «Вот это Петров, а это — Валя», потому что вы никогда не виделись. Разве можно разглядеть лицо под маской кислородного прибора?

Валя внимательно посмотрела на меня и крепко пожала мою руку.

Наш разговор неожиданно прервал профессор.

— Представьте себе, коллега, — еще с порога закричал он: — мои предположения оказались правильными; сейчас я разобрался в своих записях и убедился, что в огне мы принимали отраженный луч.

За профессором появился подполковник, а за ним в комнату вошел Сандро. Он был в ослепительно белом кителе, на котором блестели золотые погоньи; аккуратная складка тщательно выутюженных брюк упиралась в носки светлых ботинок. Я вспомнил его в костюме водителя «Феникса»: вначале в белом комбинезоне, затем в нем же, но уже неопределенного серого цвета, с черными полосами кофоти. Вспомнив об этом, я рассмеялся. Сандро удивленно взглянул на меня, осмотрел свой костюм, но, видимо не нашел в нем никаких дефектов.

— Товарищ подполковник, — вдруг горячо заговорил он, — пустите меня в тайгу, буду огонь тушить. «Феникс» готов, аккумуляторы к утру зарядятся.

— Опоздал, Сандро, — улыбаясь, сказал подполковник. — Огонь погашен, об этом мне сообщили час тому назад. Лучше сядем к столу, и вы мне расскажете о приключениях прошедшего дня.

Чуть заметный ветерок донес из тайги запах гари. Тронутые сединой волосы Андрея шевельнулись от ветра. Он вдохнул в себя воздух, о чем-то задумался и сказал:

— Вот этот запах пожара, что сейчас доносится издалека, тянется за мной с тех пор, как я увидел в огне свой родной город. Это было в такой же тихий летний вечер. Мы с Сандро вылезли из танка и сморгтели, как падают стропила и горят деревья городского сада, поднимая вверх обугленные ветви. Мы тогда шли на Запад... А потом, когда все кончилось, я стал работать в лаборатории завода, но боевая дружба, связавшая меня с армией, оказалась неразрывной. Поэтому я приехал сюда организовать новую лабораторию. И, вот так вышло, что мои научные работы оказались нужными и здесь. За боевую дружбу в нашей мирной жизни, мои товарищи, за радость творческих исканий! Везде, всюду, где только живет и работает советский человек!

Я смотрел на Андрея, он казался мне преображенным. Его лицо светилось каким-то внутренним, необычайным светом страстной, утверждающей силы. Я невольно им залюбовался.

— За радость творческих исканий! Что может быть прекраснее?! — сказал я, в свою очередь поднимая бокал. — На земле осталось еще столько необыкновенного, столько неразрешенных загадок. И, как вы все убедились сегодня, природа оказывается настолько щедрой, что, не ожидая, пока человек разгадает тайны земли, посылает нам загадки с неба. Не будем опережать событий! пусть шар остывает. Еще немного, и мы, быть может, узнаем что-нибудь необыкновенное.

Я не успел закончить свою речь. Какое-то странное клочкотанье послышалось за балконом, затем — пронзительный свист, и ослепительное фиолетовое пламя осветило наши застывшие лица.

Все вскочили из-за стола, бросились к перилам. Из небольшого отверстия на боковой поверхности шара вырывался лиловый огонь. Как упавшая на землю ракета, шар прыгал по песчаной дорожке. Наконец он

перепрыгнул через клумбу и со свистом выкатился на теннисную площадку.

Мне навсегда запомнилась эта картина. Помытая клумба, сломанные стебли георгинов, обгорелые чашечки лилий, расплавленный песок на дорожке. Все это, казалось, дрожало в свете беспокойного, фиолетового пламени, похожего на свет ртутной лампы.

Когда мы опомнились от неожиданности, шар уже остановился. Пламя погасло, стало темно, и только светилась огненная дыра сбоку шара — как раскаленное жерло необыкновенной пушки. На противоположной стороне шара чернела прямая трещина: мне почему-то представилось, что это щель приоткрытого люка.

— Да... я бы сказал... — промычал профессор.

Подполковник обошел вокруг шара, поднял с земли палку и осторожно постучал по его поверхности. Внутрь, повидимому, была пустота.

Палка начала тлеть, маленькие искорки побежали под темной окалиной шара.

— Он еще не совсем остыл, — спокойно сказал Егор Петрович, — придется ждать.

— Как ждать? — возмущилась Валя. — Он за это время успеет улететь.

— Куда? — иронически спросил Андрей.

— Как куда? — удивилась Валя. — Обратно.

— А если привязать его буксирным тросом? — мрачно заметил Сандро, поправляя сломанные кусты георгинов.

— Нет, дорогой друг, — отозвался профессор. — Если мы предполагаем, что этот, — он подыскивал подходящее слово, — снаряд может подняться в воздух силой какого-то реактивного двигателя, кстати говоря, в наличии которого я глубоко сомневаюсь, то канат разорвется, как паутинка.

Подполковник долго ходил вокруг шара, внимательно его осматривая, наконец остановился, вынул портсигар и, не доставая папиросы, снова положил его в карман.

— Ну, как хотите, дорогие друзья, — наконец заговорил он, — другого выхода не вижу. Иногда полезно ждать. Пусть кто-нибудь останется здесь рядом с ним.

— Разрешите мне, — попросил Сандро.

— Не возражаю, — сказал Егор Петрович и, взглянув на меня, добавил: — Вы посмотрите на Петрова, как тяжело он переживает это ожидание.

— Егор Петрович, — перебила его Валя, — советую вам посмотреть на Петрова, Ярева, меня, наконец, взглянуть в зеркало. Все мы ожидаем чего-то необыкновенного, может быть, только по-разному.

Она вынула из кармана платок. Сверкнул какой-то блестящий предмет и упал на песок. Я поднял его и, передавая Вале, успел заметить, что это слиток неизвестного мне металла.

— Благодарю вас, — сказала она. — Этот кусочек я нашла неподалеку от шара; кругом их было очень много. Я тогда подумала, что он как-то связан с метеоритом.

Андрей осторожно взял в руки кусок металла.

— Теперь мне многое ясно, — задумчиво сказал он, разглядывая блестящий осколок. — Понятно, почему не разбился пустотелый шар...

Мы выжидательно молчали.

— Этот легкий, но весьма стойкий металл, не сгоревший в атмосфере, видимо, образовывал внешнюю оболочку метеорита. В расплавленном состоянии он оказался своеобразным амортизатором, он смягчил удар, шар выскочил из окружавшей его жидкой оболочки и скатился в овраг, где его и нашла Валя... Как, Сергей Николаевич, вы находите мою теорию?

— Возможно, вы правы, — сказал профессор. — Однако заметьте, как этот шар помог мне проверить прохождение радиоволн в огне. Другие ученые испытывали электропроводность пламени в газовой горелке, но никому не удавалось сделать это в таком масштабе.

— Ну, идемте, друзья, — сказал Егор Петрович, беря профессор и Валу под руку.

Я и Андрей пошли сзади. Сандро остался около шара.

— Мне кажется, что ты прав, Андрей, — говорил я, замедляя шаг. — Представь себе такую падающую огромную каплю из очень легкого расплавленного металла; внутри ее находится шар с хорошей тепло-изоляцией. Металл расплавился в тот момент, когда снаряд проходил сквозь земную атмосферу, от трения о воздух, как обычно и происходит. При ударе о землю получается нечто вроде масляного амортизатора. Не правда ли, хитро придумано?

— Кем придумано?

Я молчал. Почему, в самом деле, мне так часто приходят в голову фантастические мысли? Кто мог выдумать этот странный снаряд? Пожалуй, только мое воображение. Я вспомнил взрыв в тайге. Видимо, тогда лопнула верхняя оболочка из окалины.

Оглянувшись назад, я снова увидел почти остывший шар, светилось только маленькое пятно сбоку, словно потухающий огонек папиросы. Вдали темнели ели, а внизу, под ними, по краям площадки тянулась бледная линия, как будто еще не растаявшего снега. Ветер донес отсюда пряный запах табака и левкоя.

Мы молча сели за стол. Каждый, видимо, думал о чем-то своем. Валя задумчиво посмотрела на желтое прозрачное вино в бокале, отодвинула его, как бы что-то вспомнила, провела рукой по лицу и тихо сказала:

— Я была на фронте санитаром. Спасала раненых. — Но вот кончилась война, мне показалось, что наступила тишина, и мне чего-то в ней не хватало. Я снова принялась за прерванную учебу. Это было очень трудно, я смотрела в книгу, разбирала чертежи и за сухими математическими формулами видела леса, землянки, вспышки огненных ракет. Мне тоже не хватало героики, как и Сандро...

Я невольно взглянул на площадку. Издали я различил силуэт Сандро. Он медленно ходил вокруг шара, как часовой.

— Но я упорно сидела за книгами и тетрадями, — продолжала Валя. — Я раскрывала книгу и словно шла в разведку. Мне встречалась неизвестная обстановка, я видела много непонятного. Запоминала формулы и таблицы, как чертежи вражеских укреплений. И мне казалось, что поиски неизвестного — это и есть «разведка боем», о которой я так часто слыхала.

Валя замолчала, улыбнулась и окинула окружающих смущенным взглядом. Звенел тонкий назойливый голосок комара. бабочка стучала крыльями по натянутому шелку абажура.

Оглушительный удар взорвал тишину. Как вспышка магния, яркий свет выхватил из темноты уснувшего сада ели, клумбы, скамейки, квадрат теннисной площадки, похожей на пруд, в котором на мгновение отразилось дневное небо.

Огненный фонтан фиолетового пламени повис в воздухе, и все погасло. Снова наступила тишина, и стало еще темнее. Только через минуту глаза смогли различить лампочку в абажуре, светлое пятно скатерти, неясные тени вокруг стола.

Я первым бросился на площадку.

На месте, где был шар, темнела воронка с рваными краями. Неподалеку лежал куст георгинов, поднимая вверх вывороченные корни.

ЗАГАДКА МЕТЕОРИТА

Мы не могли найти Сандро, как будто он исчез вместе с метеоритом. Я стал вспоминать, как Сандро ходил вокруг шара, осматривая его, — что-то искал в нем. Неужели он открыл люк? Или его насильно втащили внутрь шара?

Послышался треск ломаемых веток, и сквозь еловую изгородь на площадку прорвался Сандро. За ним тянулся белый канат.

— Что случилось? — кричал он, подбегая то к одному, то к другому. Запутавшись в канате, который тянул за собой, он остановился.

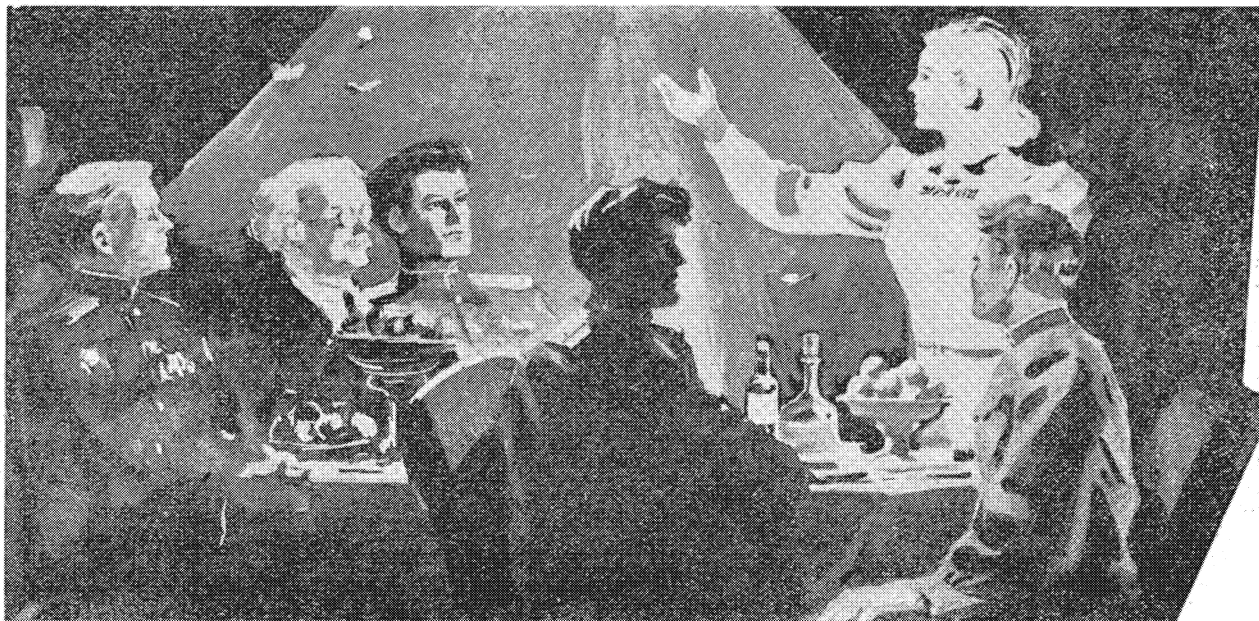
— Это у вас надо спросить, что случилось, товарищ капитан, — сурово заметил подполковник. — Вы оставались около шара!

— Прошу извинения, я отлучился на минуту. Мне показалось, что все же лучше будет закрепить его канатом, но я... — тут Сандро посмотрел на воронку, комья земли, раскиданные по площадке, и, вздохнув, добавил, — кажется, опоздал.

Я смотрел вверх, ища светящийся след в черном небе. Мне хотелось увидеть звезду, летящую в далеком небесном пространстве, первую звезду, которая не только упала на землю, но и возвратилась обратно.

— Не ищите его в небе, его там нет — сухо сказал профессор. — Метеорит остался на земле.

Он поднес к моим глазам черные, обгорелые черепки. — Пройдите по площадке, их там много, — продолжал он. — Повидимому, взрыв произошел вследствие какой-то неясной для нас реакции в процессе охлаждения. Такие случаи бывают.

— И мне казалось, что поиски неизвестного — это и есть «разведка боем»...

— Так значит, это — простой метеорит? — воскликнула Валя.

— Не совсем, — несколько смущенно сказал профессор. — Он совершенно необычаен по форме, по размерам. Что касается его пустотелости... — Профессор рассматривал осколки метеорита, близко поднося их к очкам. — Повидимому, он принадлежал к так называемым углистым метеоритам. Теперь мне ясно, почему он передвигался. Это было реактивное движение за счет горящих газов, вырывающихся из шара, вернее, из его изолированных камер, — закончил он.

Оглядев наши застывшие фигуры, стоящие вокруг вырытой ямы, он добавил:

— Конечно, очень неприятно потерять такую находку...

— Не то, Сергей Николаевич, не то! — не выдержал я. — Мы тащили этот шар из горячей тайги и вместе с ним бережно несли какую-то неясную мечту. И почти каждый из нас это скрывал от других, потому что желания наши многим показались бы невозможными.

— И вот наш таинственный шар лопнул, как мыльный пузырь, — добавил Андрей, — а вместе с ними и наша мечта.

— Остались только угольки и пепел, — как бы про себя сказал Сандро, ломая в руках легкий осколок.

Валя подняла несколько обломков и пыталась их рассмотреть в слабом отблеске света от лампы на балконе. Видимо, она что-то нашла в них и быстро побежала к дому. Мы медленно пошли за ней.

Я подумал о том вечере, когда увидел падающий метеор.

«О чем же ты горюешь? — говорил я сам себе. — Ты испытал необыкновенное путешествие, побывал в странном мире. Твоя мечта о необычайном сбылась. Так позабудь об этом маленьком приключении с упавшей звездой».

Валя подошла к столу и положила осколки метеорита под яркий свет оранжевого абажура. Вдруг она быстро наклонилась над ними и как-то неловко всплеснула руками.

— Скорее смотрите! Нет... этого не может быть! — прерывисто говорила она.

Андрей быстро подошел к столу, посмотрел на осколки, зажмурился и что-то прошептал. Профессор снял пенсне, вынул из кармана большой платок, тщательно протер стекла и, порывисто вскинув их на нос, промычал:

— Мда... редкая находка.

Сандро подбежал к столу и громко рассмеялся, не в силах сдержать радость и удивление.

Подполковник вынул папиросу из портсигара и своим обычным жестом постучал ею по крышке, затем отбросил ее в сторону и, облокотясь руками на стол, низко наклонился над осколками.

— Ну, батенька, — крикнул мне профессор, — выдали вы что-либо подобное?

От яркого света лампы я прищурил глаза. И вдруг тонкий, невероятно знакомый лучик проскользнул между век. Он дрожал и переливался, горел то красным, то лиловым, то голубым огнем. Вот мелькнул радостный зеленый луч, и, наконец, засиял прозрачный и яркий, как серебряная нить, ослепительный белый луч.

— Алмазы, — прошептал я.

— Но как они могли быть внутри сгоревшего шара? — спросила Валя. — Я что-то не слыхала о том, чтобы в метеоритах находили драгоценные камни.

— Ну, такие подарки небо посылает не так уж часто, — заметил профессор, рассматривая в лупу черный кусок угля, на котором, как крупная роса, блестели алмазы. — Нам известно, что в 1886 году в Пензенской губернии упал углистый метеорит весом в 1900 килограммов, внутри его были обнаружены алмазы, только, конечно, не такие крупные.

Я ошупывал острые грани алмазов, для проверки их твердости царапал стекло своих часов. Сомнений не было: алмазы были настоящие.

Профессор суетился, выкидывал самые крупные экземпляры, ложился всем телом на стол и, прищурив один глаз, издали смотрел в лупу на какой-нибудь особенно заинтересовавший его экземпляр чудесного камня.

— Пожалуй, я скажу вам, мои дорогие коллеги, — на минуту оторвавшись от своего занятия, заметил он, — что здесь дело не только в огромном кладе, в буквальном смысле слова, свалившемся нам прямо с неба, а, насколько я понимаю, дело в том, что наша находка может помочь нашим ученым найти способ изготовления искусственных алмазов.

— Может быть, в таких же огненных шарах... — заметил я.

— Это не так просто. Для кристаллизации искусственных алмазов нужна очень высокая температура, огромное давление и, видимо, какое-то, пока еще неясное, сочетание множества условий, — добавил Андрей. — Я думаю, мы отправим в Москву найденные нами алмазы и кусочки угля, из которого они родились...

— Подумайте и о том, друзья, — восторженно сказал я, — что тысячи дешевых алмазов могут создать полный переворот в технике. Представьте себе, что у токарных станков, у станков-автоматов на концах резцов стали бы светиться крупные алмазы в десятки карат!

— А главная ценность в иных алмазах, — улыбаясь, заметил Егор Петрович, — твердых и стойких, которые никогда не горят. В пламени горячей тайги вы не только нашли в себе мужество, чтобы спасти людей, но даже пытались проводить опыты с радиоволнами, тащили за собой огненный шар, чтобы узнать, что в нем внутри.

Подполковник вынул портсигар, закурил.

— В машине, что вы придумали, — продолжал он, пуская кольца дыма, — в «Фениксе», как в огненном шаре, кристаллизовались алмазы — люди, которые стоят дороже лучших в мире алмазов.

Прищурившись, я смотрел на сверкающие камешки. Все продолжали молчать, смущенные высокой оценкой поступков, которые нам казались совсем обыкновенными.

В мечтах я видел машины, похожие на «Феникс», путешествующие во всех стихиях, машины, что в воде не тонут и в огне не горят. Я представлял себе такие огромные алмазы, о которых не мог мечтать даже индийский магараджа.

Рядом со мной сидели люди, они могут сделать все. Работать вместе с ними, выдумывать и спорить, — вот было мое желание.

И снова в черном небе августовской ночи падали звезды, чтобы закончить свой путь на земле. Но я уже не мечтал о заоблачных путешествиях и не загадывал желаний. Я знал, что мое желание, о котором я только что думал, все равно исполнится.

Победители пространства

А. МОРОЗОВ

В 1944 году в Южной Австралии на границах Большой пустыни Виктории, неожиданно прервалась телефонная связь. Когда связисты добрались до места аварии, им представилось невиданное зрелище: на песке лежали провода, привязанные к изоляторам с крючьями, а от деревянных столбов лишь кое-где остались мелкие обломки да едва заметные пеньки.

«Ни диверсия ли это? — подумали сначала связисты. — Может быть, это сделали парашютисты?» Однако размеры повреждения и целостность проводов не подтверждали такого предположения. Много километров проехали связисты, пока не достигли уцелевшего участка, — отсюда линия шла уже на чугунных столбах.

Преступники вскоре были обнаружены: они оказались термитами — насекомыми вроде крупных муравьев. Челюсти у термитов необычайно мощны: дерево они крошат, как хлеб. Американская красная сосна, привезенная для устройства линий, была источена термитами, словно изысканное лакомство, и лишь какие-то неведомые причины заставили их уйти, не доев столбов до последних крошек.

«Так вот почему уцелели железные столбы!» воскликнул инженер, строивший линию.

И дерево больше не появлялось в Большой пустыне Виктории.

Во время второй мировой войны линии связи забралась и в Арктику, и в жаркие пустыни Африки, и на тропические острова, и в джунгли Индии. Связистам пришлось поэтому хорошо изучить географию связи — науку, помогающую приспособлять технические средства связи к географическим особенностям разных стран.

Уже в первые дни зарождения техники связи при посредстве электричества инженеры на опыте узнали, что условия существования провода в районе, например, Нью-Йорка, резко отличаются от его «жизни» где-нибудь в прериях.

Когда прокладывалась линия Индо-европейского телеграфа, протянувшаяся из Англии в Индию через

западноевропейские страны, Ближний Восток и множество отдельных больших и малых государств, строителям телеграфа пришлось считать не только с геофизическими условиями местности, но и со вкусами и суевериями населения. В одних местах оказалось совершенно невозможной прокладка подземного кабеля, в других — воздушных линий. Не один раз жители населенных пунктов, где вспыхивали холера или чума, разрушали телеграфные линии, явившиеся, по их представлению, причиной эпидемии. И осторожные инженеры, предвидя заранее, что там или здесь может вспыхнуть какая-нибудь эпидемия, обходили такие пункты далеко стороной, чтобы слепой гнев темных людей не обрушился на столбы и провода.

Неизмеримо большую опасность для линий связи представляют животный и растительный мир, а также стихийные силы природы. В особенности сильно воздействие этой среды в тропических странах, мало тронутых цивилизацией. Почти невидимые грибки, почему-то избравшие для своих поселений разные аппараты связи, явились настоящим бедствием на южных тихоокеанских островах. Появилась специальная аппаратура, на которой после долгих испытаний ставилось клеймо: «Не бойтесь грибковых заболеваний джунглей». Аппаратура связи, построенная из таких материалов, как шелк, свинец, канифоль, и других веществ, оказалась исключительно заманчивой для разных насекомых, грызунов и даже змей, приползающих погреться у теплых деталей приборов. Подбор и применение красок и запахов, отпугивающих тропических бабочек, жуков, комаров и мух, тучами налетающих даже на чуть заметные огоньки в помещениях связи, стали неотложной задачей.

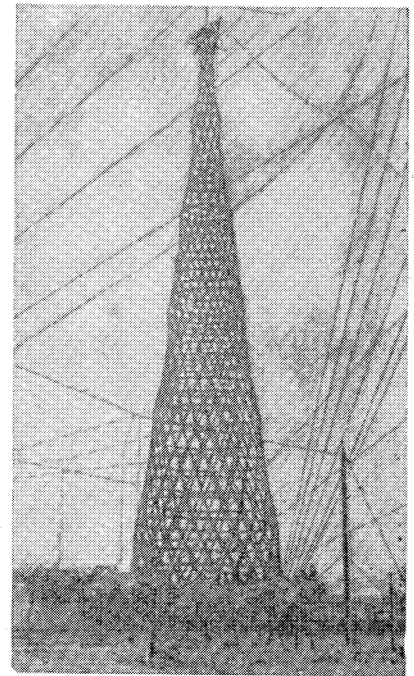
Кому из инженеров, проводящих полевой кабель, могло притти в голову, что им, как качелями, воспользуются шаловливые обезьяны, часто обрывающие провода? Но пришлось заняться и этим вопросом. Появился полевой кабель специально для джунглей — кабель с колючками, отбивающими охоту у любого зверя

к нему прикасаться. Другая угроза создалась для линий, построенных в районах, облюбованных жирафами. Эти стремительные животные на полном скаку ударяются своей длинной шеей о провода, рвут их и сами гибнут. В таких местах приходится украшать провода яркими флажками, отпугивающими животных.

Случается, что в роли вредителей выступают слоны, носороги и гиенопотамы. Вздумает такой «зверек» почесать спинку о телеграфный столб — трясется и разрушается целый участок линии. В этих случаях сооружения спасают лишь особые крупные шины, которыми покрывают столбы в тех местах, где ими может заинтересоваться какой-нибудь тяжелый четвероногий «танк».

Нередко сильнейшие повреждения линиям связи причиняют как будто совсем безвредные для них существа — гусеницы и жуки, прогрызающие свинцовую оболочку кабеля, крысы, белки. Иной раз у животных проявляется такая склонность к свинцу, что ни толстый слой смолы, ни покрытие кабеля едкими, сильно пахучими веществами его не спасают.

В одном небольшом европейском государстве связистам пришлось вести борьбу еще с одним вредителем воздушного провода — дятлами. Дятлы долбили своими крепкими клювами верхушки столбов до тех пор, пока из них не вылетали крючья с проводами. Ничто не помогало в борьбе с этими воздушными вредителями. Для того чтобы установить, почему дятлы занялись разрушением столбов, пришлось произвести насто-

На высоте 150 метров подвешены тонкие проволочки антенны. Излучаемые ими радиоволны охотятся за земной шар.

ящее расследование. Оказалось, что в районах, где много дятлов, водятся личинки жуков — любимое лакомство этих птиц. Грызя дерево, насекомые производят шорох, похожий на звуки, вызываемые вибрацией проводов в телефонном столбе. В столбе эти звуки сильнее всего слышны у крючьев — в местах, где крепятся провода. Тут дятлы и ищут своих «жуков» и долбят столбы до тех пор, пока «жук» не перестает подавать признаки жизни, то есть вместе с крюком не вылетает и провод...

Водная стихия нередко таит в себе такие же опасности для линий связи, какие встречаются и на суше. Инженер, прокладывающий кабель у морского берега, должен сначала обязательно узнать, нет ли в этих местах акул. Кабель, лишенный специальной защиты, неизбежно будет разорван подводными чудовищами.

Песчаные бури, штормы, землетрясения, разливы рек — все это должно учитываться строителями самых разнообразных сооружений связи.

В Советском Союзе впервые в мире разработаны правильные методы строительства линий связи в районах вечной мерзлоты, где долгое время такое строительство считалось невозможным. Во время постройки полярной станции в Анадыре, на Чукотке, строителям пришлось решать много труднейших задач: как заложить фундамент здания, как поставить антенну, крепить машины, прокладывать кабель.

В районах вечной мерзлоты сооружения, построенные без учета особенностей почвы, рассыпаются на части, словно детские картонные домики. Столбы выталкиваются из земли, точно их выбрасывает какое-то неведомое чудовище. Телефонные подземные кабели разрываются на куски, раздавливаются замерзшей водой.

Радиостанция у Анадыря строилась опытными полярниками. Они знали, как опасен деятельный слой земли (отмерзающий летом и замерзающий зимой). Поэтому фундаменты зданий они довели до «мертвого», неотмерзающего слоя, остающегося неизменным и зимой и летом. А чтобы тепло, развивающееся во время работы машин, не оживило этого «мертвого» слоя, между землей и фундаментами была проложена надежная тепловая изоляция из бревен и войлока.

Долго думали: что делать с кабелем? Рытье канавы длиной в несколько километров и такой глубоксой, чтобы кабель всегда лежал в вечномерзлом грунте, было делом слишком сложным и дорогим. Наконец решили: положить кабель прямо на поверхность земли! Решение оказалось совершенно правильным — кабель служит бесперебойно.

Чувствительные приборы связи выходят из строя при легких подземных толчках, не повреждающих других сооружений и порою даже не заме-

Прокладка телефонного кабеля в горах.

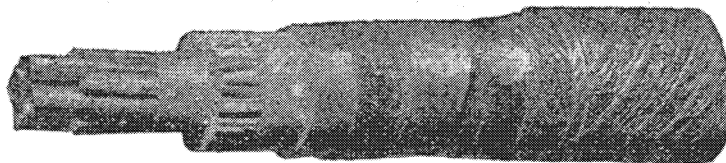
чаемых людьми. Там, где можно ожидать вмешательства подземных сил в работу связи, советские инженеры прибегают к помощи антисейсмического строительства. Здания делаются не из кирпича или камня, а из железобетона или дерева. Такие сооружения, представляя собой как бы крепко связанный корпус корабля, лучше переносят подземные толчки, качаясь на земных волнах, как единое целое. В особо опасных местах применяются железные каркасы с очень легкими стенами из дерева или другого подходящего материала.

Все соединения с приборами делаются достаточно свободными, чтобы при колебаниях не происходило обрывов проводов. Аппараты опираются на мощные пружины, поглощающие толчки. Некоторые приборы во время толчков безмятежно раскачиваются в особых люльках и не получают никаких повреждений.

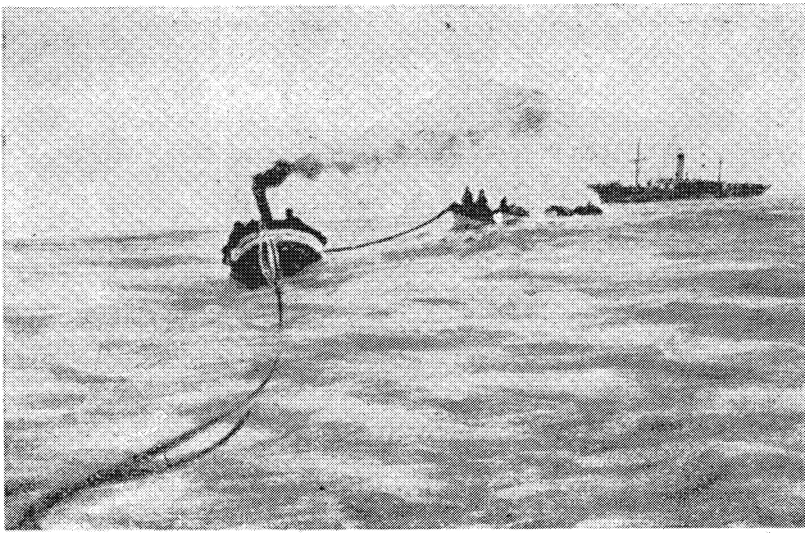
Одни и те же аппараты не могут одинаково хорошо работать в Верхоянске и в Ташкенте. У нас

есть особые гальванические элементы, приспособленные для Арктики, и другие — для самых жарких мест нашей страны: специальные провода, аппараты и детали... Теперь, когда линии связи СССР опоясывают гигантскую территорию, можно, сняв телефонную трубку, услышать голос близкого или знакомого, находящегося на расстоянии десятков тысяч километров. В этих условиях работа связи во многом зависит от местных географических условий. Раньше люди не задумывались над такими вопросами. Первая телеграфная линия в царской России была подземная. Кабель плохо изолировали, в состав изоляции входили животные жиры. Большой неожиданностью было для строителей, когда на одном участке крысы чрезвычайно быстро вывели эту линию из строя. Между тем давно и хорошо было известно, что местность кишит этими грызунами.

Не так поступаем мы теперь, когда осваиваем новые районы, проникаем в пустыню, в тайгу и в недра земли. Наши инженеры заранее изучают

По каждой паре проводников этого кабеля можно вести одновременно несколько сотен телефонных разговоров. Это концентрический кабель. В пятилетку 1946—1950 годов подобные кабели будут прокладываться в СССР.

Конец пути. Кабель проложен по дну моря и доведен до конечной станции.

условия, в которых будут работать пути сообщения, водопровод, сильные токи, связь... Послевоенным пятилетним планом предусмотрено широкое освоение новых районов, богатых углем, железом, цветными металлами. Появятся новые сельскохозяйственные центры, обеспечивающие выполнение плана по зерновым культурам, животноводству, техническим растениям. А всюду, где возникают города и усиливается приток людей, первыми приходят дорожники и связисты. Они прокладывают пути для остальных. Неудивительно поэтому, что программа строительства средств связи огромна. По пятилетнему плану проектируется проложить 7 800 километров магистрального кабеля. На столбах должно быть подвешено 50 000 километров проводов из цветных металлов. В течение пяти лет будет завершена организация надежной телефонно-телеграфной связи между Москвой и всеми республиками, крайними и областными центрами, а также между столицами союзных республик и их областными центрами.

Когда мы читаем в газетах о том, что высокогорные районы Киргизии соединятся телефонными проводами с областными центрами, — это не много говорит человеку, не знакомому с масштабами таких работ.

...Глубокие снежные завалы в течение шести месяцев отделяют Тогудторовский район Киргизии от всего остального мира. Раньше никто не отваживался перебираться зимой через высокогорные перевалы Карчальк и Аир-Таш. За ними расположен и третий, самый высокий перевал в Киргизии — Кугарт (4 500 метров над уровнем моря). Когда возник проект связать город Джалал-Абад со

столицей республики городом Фрунзе, даже старые испытанные проводники заявили: «Это невозможно! Там есть места, где не пройдут ни верблюд, ни лошадь».

Но строительство началось. Люди и вьючные животные со столбами, проводами, изоляторами шли над страшными обрывами, по обледенелым скалам. Горцы оказались правы: то верблюд, то лошадь с жалобным криком падали в пропасть. Наконец колонна строителей пришла к таким местам, где животные вообще останавливались, не в силах двигаться дальше. Тогда люди потащили столбы и провода на себе. По вечерам инженер, включившись в уже подвешенный провод, кричал в телефонную трубку: «Джалал-Абад, Джалал-Абад, слышишь меня? Говорит перевал Кугарт», — и строители,

Пятьдесят лет лежал этот кабель на дне моря. Он весь покрылся кораллами.

окружив его, затаив дыхание, слушали этот разговор, казавшийся фантастическим, и забывали о трудностях пройденного пути.

В огромной Якутской области, на дальнем северо-востоке нашей страны, линия связи является настоящим жизненным нервом. В 1942 году вдоль одной из важнейших на севере линий связи, Якутск—Осипенко, отправилась необыкновенная экспедиция. Шли инженеры связи, техники, монтеры, вооруженные охотничьими ружьями и привычными для связистов аппаратами для исследования проводов. Полторы тысячи километров прошли эти отважные люди по степям и горам. Не раз их путь пересекали реки, озера, болота. Охота и рыболовство доставляли им пищу; жили они и зимой и летом в палатках. На маленький лагерь часто налетали целые тучи всевозможной мошкеры. В тайге к связистам подкрадывались дикие звери.

Целью экспедиции было обследование линии и устранение малейших ее недостатков. Зоркие глаза монтеров сразу замечали оборванную вязку, удерживавшую провод на изоляторе, или столб, грозивший падением. Экспедиция выступила в поход летом 1942 года, а вернулась, исправив всю линию в полторы тысячи километров, летом 1943 года.

Пятилетний план предусматривает строительство пятидесяти пяти телефонно-телеграфных радиопередатчиков, двадцати восьми новых радиовещательных станций и увеличение в 1950 году радиоприемной сети на 75% по сравнению с довоенной. Радио уже стало у нас доступным для жителей самых далеких окраин.

В настоящее время советские ученые и инженеры много времени уделяют развитию у нас ультракоротковолновой связи. Она осуществляется при помощи автоматических станций, расположенных на высоких мачтах, — как маяки. Автоматические станции позволяют передавать телевизионные программы и телефонные разговоры через пустыни, горы, леса, водные преграды. На океанах и морях такие мачты можно будет поставить на особых громадных поплавках. Автоматическим ультракоротковолновым радиостанциям не страшны ни буря, ни холод, ни жара, — они будут действовать безотказно в любых условиях. Когда грандиозный проект создания у нас сети ультракоротковолновых радиостанций будет претворен в жизнь, в Киеве или Саратове, Астрахани или Якутске можно будет на экране телевизора увидеть московский спектакль или прочитать телеграмму, передаваемую из Владивостока.

Так осуществляется в нашей стране покорение пространства при помощи средств связи — одно из самых замечательных достижений человеческого гения.

ПОХОД ВАСИЛИЯ ПОЯРКОВА

А. Л. АВДЕЕВ

Рис. П. Папинова

Триста лет тому назад в Якутск возвратился из своего исторического похода на Амур якутский письменный голова Василий Данилович Поярков. Это был первый русский человек, осуществивший мечту своих современников — «землепроходцев» — первооткрывателей о нахождении и исследовании Амура и прилегающих к нему обширных земель, о которых они слышали столько чудесных рассказов и легенд.

История советского Дальнего Востока неразрывно связана с именами этих отважных русских людей — Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Семена Дежнева, Ивана Москвитина, Михаила Стадухина, Владимира Атласова — виднейших представителей многочисленной плеяды смелых и мужественных русских воинов и путешественников.

Разными путями — по суше, сквозь дремучую сибирскую тайгу, через высочайшие отроги суровых, считавшихся непроходимыми хребтов и гор, по бурному и студеному морю, на утлых суденышках, среди льдов и штормов, — разными путями, но почти в одно и то же время отважные русские люди отправлялись из Якутска на восток — в горы, в тайгу, в море, в неизвестность. Через горные перевалы, через «далекие заморские реки» шли они к неведомой «Чукотской земле», к студеному Охотскому морю, к таинственной Амуреке, красочные предания о которой изредка доносились из глубины времен.

Сказывали, например, сибирские таежные жители о том, что «есть в Сибири еще одна река — Даурская, при которой находится городок Даурск. Эта река течет до самого Китая, и названный городок является последним в Сибири; в нем дважды в год родится хлеб; в нем есть различные фрукты, вина...» Сказывали и о том, что эта «огромная река... течет на юг» и «по этой реке ходят большие корабли, похожие на русские, имеющие много мачт и пушек, которые, когда из них стреляют, сотрясают землю. Эти корабли принадлежат, повидимому, китайцам, которые торгуют там летом и возвращаются до наступления зимы...» А в устье Амура, как об этом рассказывалось еще в одном предании, «вырос великий камыш и толстый, и тем камышом вдаль на чистое море никонми мерами пройти невозможно».

В 1636 году вернулся из далекого похода, из «Брацкой земли», енисейский атаман Максим Перфильев с шестьюдесятью казаками. Перфильев принес важные вести о «хлебной реке Шилке», по которой живут «сидячие пахотные и хлебные люди», и что впадает эта река в море и, между прочим, что «есть в той стороне на Усть-Уре реке себегриная руда, одна в утесе, другая в воде». А еще три года спустя Иван Москвитин с партией красноярских казаков «сплыл по реке Мае на Улюю и зимовал у Студеного (Охотского. — А. А.)

моря» и несколько пополнил отрывочные сведения о далеком и легендарном Амуре.

Якутский острог, заложенный в 1632 году сотником Петром Бекетовым, стал отправным пунктом непреодолимого движения русских на восток. С основанием же здесь в 1642 году самостоятельного якутского воеводства на Лене образовалась еще более прочная база для дальнейшего обследования Сибири. Отсюда красноярские и якутские служилые люди пришли на «далекие заморские реки». Сначала прошли они на Яну и на Индигирку и, твердо обосновавшись здесь, перешли на Алазею и Колыму, потом дошли и до Анадырь-реки, а одновременно вели энергичные разведки дальше на восток, вдоль берегов Ледовитого океана. Вместе с открытиями на крайнем северо-востоке Сибири из Якутска шло обследование и берегов Охотского моря.

Ставили казаки в новых местах остроги (крепостцы), где «пригоже» укрепляли их «всякими крепостями накрепко», собирали ясак, открывали и исследовали «новые земли» и включали их в границы родной Руси. Иные погибали в далеких и трудных походах, иные возвращались со славой, и затем снова шли вперед.

В Якутске всерьез заинтересовались доставленными Перфильевым вестями о новых богатых и хлебных землях. В 1640 году письменный голова Бахтеяров во главе 70 служилых людей отправился в верховья Витима, чтобы добыть новые сведения о даурах и даурском серебре. Однако Бахтеяров не сумел добраться до источников Витима, и экспедиция вынуждена была возвратиться в Якутский острог.

Из Якутска же отправился в свой поход на Амур и Василий Данилович Поярков. Первые якутские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов поручили ему принести с Амура дополнительные сведения о всем виденном и слышанном, объяснить¹ живущие там народы и подвести их «под высокую государеву руку». При этом они строго-настрога наказывали Пояркову при обложении ясаком новых племен и народов «сперва ясак взять с иноземцев небольшой, чтобы их... ясаком не ожесточить и от царские высокие руки не отгонить». Воеводы помнили наказ Москвы о том, чтобы «сибирских бы есте всяких ясачных людей вели беречи и ласку и привет к ним держали и их ни в чем не жесточили».

15 июня 1643 года Василий Поярков и с ним 132 человека — приписанные казаки, охотче и промышленные люди — вышли на стругах из Якутска и направилась вниз по Лене, в далекий и неведомый путь. Все это были сильные, смелые и мужественные люди, закаленные многочисленными походами, борьбой с суровой сибирской природой, со всевозможными опасностями и лишениями — постоянными спутниками воинов и исследователей.

1 Обложить (подать), данью.

Василий Данилович Поярков был родом из Устюга Великого, старинного русского города на Северной Двине, там, где она образуется от слияния двух рек — Сухоны и Юга. Это был хорошо грамотный, по тому времени культурный человек. Он дослужился до звания письменного головы и до своего похода на Амур занимал эту должность во вновь созданном Якутском воеводстве. Он умел, кроме того, составлять чертежи и водить суда, умел строить укрепления и искать руду, краску, дорогие камни. Среди вещей, взятых Поярковым в поход на Амур, была стопа писчей бумаги. Качества смелого воина хорошо сочетались в нем с качествами ученого — исследователя, географа, геолога. А «для угрозы же немирных землиц» на вооружении экспедиции находились одна пушка, по восемь пудов пороха и свинца и ручное огнестрельное и холодное оружие.

Плыли казаки челны Пояркова по привольным сибирским рекам, сквозь нетронутые девственные леса, среди непуганых зверей и птиц. С Лены повернули казаки в Алдан, об удобствах плаванья по которому еще в Якутске узнали от местных тунгусов. Потом пошли по Учтуру, а через несколько недель после начала путешествия вошли в устье быстрой горной Гономы-реки и по ней с трудом «с судном на порог поднимались». Разбирали вращную каменные гряды, волоком перетаскивали суда через горные отроги. На одном из порогов потеряли почти весь свинец и часть других припасов. Из Гономы вышли в речку Ньюемку, а оттуда начинался еще один трудный волок — «через Зийские хребты».

Но подходила таежная сибирская зима, с трескучими морозами, с густыми снегами и колючими метелями. Не впервые было зимовать казакам в лесу, в тайге, но эта зимовка, пожалуй, представлялась особенно тяжелой. До хлебных мест было еще далеко, а провиант, взятый только на дорогу, постепенно истощался, одежда поистрепалась, поизносилась за летнюю и осеннюю походную страду.

Нужно было дойти до хлебных мест, — не возьмешь же хлеб в дикой, безлюдной тайге!

Оставив в наскоро построенном зимовье сорок человек и значительную часть оставшихся припасов, Поярков с остальными людьми двинулся в путь через горы. Зимовщиком он приказал пойти по его следам и соединиться с остальным отрядом.

Поярков спешил, подбадривал усталых людей, и вскоре отряд его переправил через Яблоновый хребет, вышел на реку Брядду и спустился по ней на Зею — один из крупнейших притоков Амура. Перед отважными землепроходцами лежал прямой путь на великую реку.

Казаки направились по Зее, снова по безлюдным местам, и только у устья реки Умлекан, левого притока Зеи, встретили они первые даурские поселения. Жители дружелюбно приняли Пояркова и его спутников и заплатили русским первый ясак. Дауры занимались земледелием и охотой, имели хлеб, овощи, домашний скот.

Была уже зима, продолжать путь было трудно, и близ даурского поселка Поярков поставил зимовье — первое русское поселение в Приамурье. Умлеканские дауры рассказали Пояркову все, что знали о своих местах, о жителях нижнего течения Зеи, об Амуре и даже о Сунгари и Шилке. Поярков пытался уточнить сведения Перфильева о

рудных месторождениях, но дауры сообщили, что все изделия из серебра, меди и свинца они получают в обмен на пушнину у монголов и китайцев, а в их местах, в том числе на Амуре и Шилке, никаких руд нет.

Между тем скудные продовольственные запасы истощались. Местные жители ничем не могли помочь Пояркову. Они сеяли хлеб только для своих потребностей и не имели никаких запасов. Но они рассказали Пояркову о даурском городке Молдыкыдч, расположенном около устья Селемджи, который издавна славился обилием хлеба и других продуктов. Они же поведали и о пути в этот городок.

Поярков отправил в даурский городок пятидесятника Юшко Петрова с семьюдесятью служилыми людьми. Пятидесятнику был дан строгий наказ соблюдать осторожность, не прибегать к насилиям и договориться о продовольствии мирным путем.

Отряд вскоре достиг городка. Местные князцы за версту встретили русских с почестями и дарами. Они обещали снабдить казаков продовольствием и сразу же начали доставлять им зерно в изобилии. Одной только овсяной крупы они принесли сорок коробов. Казалось, все идет хорошо. Но вскоре вышло по-иному. Петров был грубый, заносчивый человек. Он не удовлетворился тем, что давали ему жители, и, послушавшись приказа Пояркова, насильно ворвался в городок. Произшло вооруженное столкновение, и отряд Петрова был разбит. Петров, с оставшимися в живых людьми, вынужден был бежать и с почти пустыми руками вернулся в Умлекан.

Неблагоразумные действия Петрова вызвали самые печальные последствия. Отношение дауров к русским резко изменилось к худшему. Продовольствия у Пояркова почти совсем не осталось, а зима уже была в разгаре, и двигаться дальше стало невозможно. Положение стало крайне опасным. В довершение всего крупные объединенные силы вооруженных дауров вскоре напали на плохо защищенную крепостцу, в которой находилась горстка мужественных, но усталых и полуголодных русских людей. Потянулись томительные дни ожесточенной и продолжительной осады. Продовольствия совсем не было. Люди питались кореньями и сосновой корой, валились с ног и умирали от голода, но не сдавались. Сорок участников похода умерло от истощения во время этой осады.

Пришла, наконец, долгожданная весна 1644 года. Осада была отбита. Набухшие водой реки сбросили ледяной покров, и в Умлекан прибыли люди Пояркова, зимовавшие в тайге.

Этот отряд доставил немного продуктов. Положение Пояркова значительно улучшилось. Отряд его, правда, сильно поредевший, был весь в сборе. Голод и осада остались позади, и поход можно было продолжать беспрепятственно. И снова поплыли вперед казаки челны по извилистому течению Зеи — к Амuru. Еще много даурских поселений встречали путники по обоим берегам реки, вплоть до самого ее устья, а вокруг этих поселений виднелись возделанные поля с зеленеющими хлебами, богатые луга с обильными травами.

И в один из солнечных летних дней 1644 года Поярков и его спутники увидели перед собой полноводную реку, величаво несущую свои воды посреди широкого зеленого плеса. Мощное русское «урз» загрохотало над рекой, над обширной равниной с высокими травами, с густыми ярко-зе-

ленными рощами — над просторами Амура, побратски принимающего здесь младшую сестру свою — Сею.

Отважные русские люди вышли на Амур, совершили еще одно важнейшее географическое открытие.

А «те землицы людны и хлебны, и соболины и всякого другого зверя много, а те реки рыбы, и государевым ратным людям в той землице хлебной скудости ни в чем не будет...» — писал Поярков в своих «сказках»¹ о пути от Якутска до Амура.

Все лето плыли казаки по течению великой многоводной реки, блуждали иногда в ее многочисленных протоках, восхищались открывавшейся перед ними величавой красотой строгих, почти безлюдных берегов, то одетых в суровый непрístupный камень, то наряженных в яркую зелень стройных лесов и широких пойма, окаймленных дымчато-голубыми сопками; удивлялись обилию красной рыбы, которая «будто с дурна, сама на берег лезет».

Многочисленные опасности и здесь почти на каждом шагу подстерегали путников. То пробьет дно у какого-нибудь дощаника, наткнувшегося на кучу палых деревьев, то сердитая волна зальет утлюю, перегруженную ладью, то предательская стрела, пущенная с береговой кручи, просвистит над головой и мягко шлепнется в воду. А однажды, — это произошло где-то между устьями Сунгари и Уссури, — когда Поярков послал отряд в 25 человек проведать, далеко ли лежит устье Амура, все эти люди были перебиты местными дючерами.

Поярков аккуратно вел «роспись дороги своей», составлял чертежи пройденного пути, собирал сведения о богатствах и характере вновь открытых земель и рек, описывал быт и нравы местных жителей. Он писал об обширных и плодородных землях, о том, что живут по Амуру «пахотные, скотные и сидячие люди», которые сеют шесть хлебов: ячмень, овес, просо, гречиху, горох, коноплю. Растут там огурцы, чеснок («не в пример крупней наших»), бобы; есть яблоки и груши («крепко кислы, аж скулу на сторону воротит»), и даже орехи, как русские, да еще большие. черные, вроде заморских.

А «скот у тех людей добрый. Лошади, коровы, бараны, свиной много и куры есть». «А живут те народы недружно, — записывал Поярков, — и часто между собой бой учиняют. А ясак платят хану какому-то, а до того хана от Усть-Селибы (Селемджи) конем ехать шесть недель, да все на полуденную сторону».

К осени отряд доплыл до устья Амура. У Пояркова оставалось только шестьдесят человек. С такими незначительными силами Поярков не решился плыть обратно, имея в виду враждебное отношение части местных жителей, и решил остановиться на зимовку. Так, где-то в Амурском гирле, на высоком берегу, среди топей и рощ древовидного кустарника выстроили казаки зимовье — первое русское поселение на Амуре.

Поярков собрал с местных жителей довольно значительный ясак и продолжал добывать ценные сведения

о народах, населяющих край, описывал несметные его богатства и бескрайние просторы. Он писал в своих «сказках» и о «пашенных дючерах», предках современных маньчжуров, рассказывал о двухнедельном путешествии мимо владений народа ачанов (возможно, это были гольды), заселявших среднее течение Амура. В низовьях Амура Поярков услышал от гиляков о Сахалине, о чернобородых айнах. Приамурские гиляки хорошо знали этот остров, отделенный от материка узким проливом и частыми, густыми туманами. Они нередко плавали туда на своих легких берестяных лодках в гости к своим родичам — островным гилякам.

Наступила еще одна весна, и снова двинулись вперед утлые казачьи дощаники, на этот раз из устья Амура в бурное и студеное Охотское море и дальше, вдоль берегов его, на север. Много сил и энергии потребовалось снова, чтобы преодолеть жестокие штормы, пройти невредимыми сквозь нагромождения пловучих льдов, предательски подстерегающих легкие суденышки среди густых туманов и неистовых снежных метелей. Все короткое лето ушло на борьбу с суровым, неприветливым морем, с голодом и стужей. И только осенью, через три месяца после выхода в море, уже почти к самому ледоставу, дошли казаки до устья Ульи-реки, где за несколько лет до этого также побывали русские люди. Поярков снова зазимовал, собирая ясак с местных ламутов и готовясь к последнему, завершающему этапу своего великого похода.

12 июня 1646 года Поярков возвратился в Якутск. С ним вернулось меньше одной трети отряда. Двадцать служилых людей были оставлены им в Усть-Ульинском остроге. Остальные «полегли костью», чтобы товарищи их шли вперед, увековечивая доблесть и мужество русского народа, славу и мощь своей матери-родины.

Три года продолжался этот беспримерный поход. За эти годы русские казаки прошли семь тысяч верст, совершили величайшие географические открытия. Поярков первый, не только из русских людей, но и из европейцев, совершил плавание по Амуру и произвел серьезную разведку открытого им нового богатейшего края. В Якутске он подал местным воеводам обстоятельный проект укрепления и освоения приамурских земель.

Якутские воеводы заинтересовались открытиями Пояркова. В том же, 1646 году из Якутска была послана новая экспедиция. Она направилась вверх по Лене до Олекмы, Олекмою до Тугири и Тугиром до «камня», «который камень (Яблоновый хребет) промеж государевой земли и Даурской», с целью «про ту Даурскую землю проведать доподлинно».

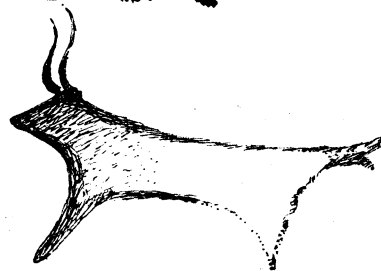
А еще через несколько лет отправился на Амур солтычегодский крестьянин и воин — Ерофей Павлович Хабаров, имя которого носит Хабаровский край. Он снарядил свою экспедицию на собственный страх и риск — «на своих проторах» — на деньги, взятые взаимно у якутского воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова. Вслед за Хабаровым пошли другие «землепроходцы» и воины: русские люди утвердились на Амуре, на берегах Тихого океана.

¹ Записках.

Зараут-Сай

АДА РОГИНСКАЯ

В Узбекистане, недалеко от афганской границы, проходит отвесный Кугитанский хребет. Легенда говорит, что хребет этот, как граница между царствами, возник когда-то по мановению меча Александра Македонского.

Много лет бродит здесь по глухим звериным тропам охотник-красвед И. Ф. Ломаев. Его с радостью встречают в каждом кишлаке, у каждого костра на горных пастбищах, и зовут его там то Иван-ака, то есть Иван-брат, то Иван-морбос — Иван-змеелов: голыми руками он ловит самых ядовитых змей.

Однажды, еще до войны, Ломаев ночевал в заброшенном кишлаке на вершине горы. Здесь от своего хозяина горца он услышал о загадочных «красных рисунках» на скалах ущелья Зараут-Сай.

Добравшись до ущелья, Ломаев действительно обнаружил на скалах множество разных рисунков. Часть из них он срисовал, как умел, и отвез в город Термез, директору областного музея Г. В. Парфенову. Археолог сразу понял значение этого открытия и вскоре сам осмотрел и описал рисунки. Он пришел к выводу, что они сделаны первобытными художниками, за десятки тысяч лет до нашей эры.

С началом Великой отечественной войны приостановились работы Парфенова, и только в 1943 году ему удалось снова организовать экспедицию в Зараут-Сай. В ней, как художники, приняли участие и мы с А. С. Кирилловым. В натуральную величину, с возможной точностью мы копировали на месте рисунки доисторического человека и писали пейзажи тех мест, где он жил и охотился.

Большая мрачная гора нависла над ущельем Зараут-Сай, глубоким и темным.

Трудно передать, даже в красках, это хаотическое величие, эти грозно за-

стывшие земные сдвиги. Отвесный склон поднимается косыми, параллельными террасами серо-коричневого камня. Весенние потоки промыли в них неглубокие навесы, покрытые желто-розовым известковым натеком. На этих навесах и оставил первобытный художник следы своего творчества.

Основным сюжетом рисунков являются охотничьи хроники. Часто в рисунок, как элемент изображаемого ландшафта, входит рельеф самой скалы. Охотники окружают диких быков. Они вооружены копьеметалками, бумерангами, пращами, дротиками. Стрелы и камни летят в быков и гонят их по скалам вверх, до обрыва, в пропасть, куда быки должны быть сброшены. Охотники замаскировались шкурами зверей, похожи на больших птицедров, с которыми быки жили дружно.

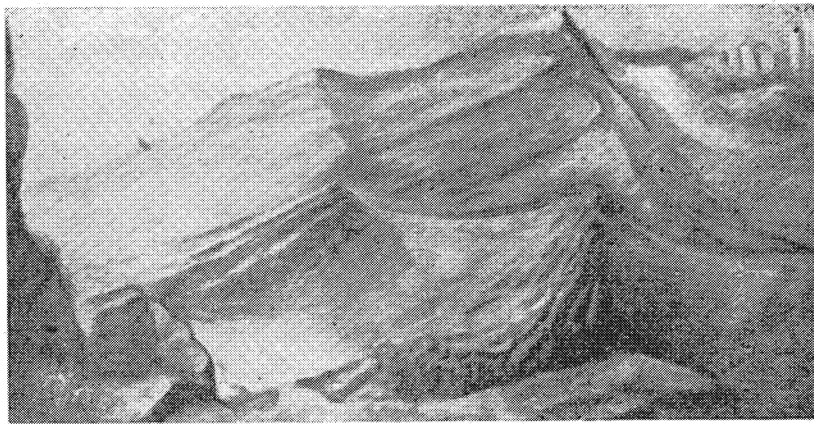
Фигурки на рисунках небольшие — от пяти до тридцати сантиметров каждая. Мы видим здесь охотников, быков, ловушки для животных и даже насекомое — фалангу.

Все рисунки одноцветны. Только силуэты. Ни объема, ни светотени, ни расцветки там нет. По нюансам они бледнее знаменитых изображений, найденных в испанских и французских пещерах, но по экспрессии и внутреннему напряжению некоторые из них отнюдь не слабее.

Рисунки, изображающие быков, по своему разнообразию, остроте и выразительности заставляют вспоминать о прославленной серии работ известного испанского художника Гойя, посвященных бою быков.

Быки были почти единственной пищей зараутсайского предка. Они же и одевали его своими шкурами. Вполне понятно, что бык в сознании первобытного человека превратился в существо, которому приносились жертвы, чтобы он дал себя убить на охо-

Вид ущелья Зараут-Сай сверху.

Картина А. Кириллова.

те. Для этой же цели служили и изображения на скалах. Охотник верил, что, пронзив сердце быка на рисунке, он пронзит его и на охоте. Оружие первобытного человека было далеко несовершеннее. С таким оружием охотник в одиночку не мог одолеть дикое животное. Так возник коллективный способ охоты — облава. Мы видим изображения таких облав на «красных рисунках» Зараут-Сая. После охоты в ущелье, куда с обрыва сбрасывались быки, происходили пиршества и дикне пляски у костров. Кровью быков, может быть, обмазывались скалы, и это могло навести на мысль об употреблении красной охры, лежавшей под ногами, а скульптурные формы скал и некоторых навесов, напоминающие по виду сыка, — на мысль о его изображении.

Краской первобытным художникам служила красновато-коричневая и лиловая охра, которой и сейчас полно дно ущелья. Они, повидимому, растирали охру на жире животных и писали чем-то вроде кисточки, а иногда и собственным пальцем.

С волнением мы приступили к своей работе. Глубина основного навеса меньше метра. Внизу пропасть, а рисунки

находятся на наклонном потолке навеса. Мы работали, привязывая себя веревками, по многу часов подряд. Добираться до этого навеса было очень трудно.

Копии рисунков, сделанных нами в Зараут-Сая, мы долго еще обрабатывали в Термезе. Затем нас вызвали в Москву показать эти работы.

Живопись первобытного человека была известна до последнего времени только по пещерам Испании и Франции. И поэтому интерес, вызванный заравутскими охотниками, вполне понятен. Относительно времени происхождения рисунков Зараут-Сая мнения ученых резко разошлись. Одни относят их к эпохе за пять-шесть тысяч лет до нашей эры; другие — за десяти-пятнадцать тысяч лет. Третьи, в том числе Парфенов, определяют давность основных рисунков в двадцать-тридцать тысяч лет. Дальнейшее изучение Зараут-Сая покажет, кто из ученых прав, пока же все они сходятся в одном: рисунки Зараут-Сая — открытие, имеющее мировое научное значение.

Но еще более неожиданные находки были сделаны позже. В экспедиции 1943 года, когда, закончив свою работу, мы с Кирилловым уехали, Парфенов

остался в Зараут-Сая один, чтобы закончить начатое им описание пещер. Как-то утром печально срубившись сверху (и не разбившись лишь случайно), Парфенов упал около нижнего навеса, где мы всегда завтракали. В этом месте мы никогда не замечали никаких рисунков, кроме отпечатка, похожего на пятерню человека. Парфенов думал, что и здесь должны быть рисунки, но они, вероятно, покрыты толстым слоем разных отложений. И действительно, заглянув в навес с новой точки зрения — с земли и при ярком свете раннего солнца, он увидел следы множества рисунков. Пересиливая боль, Парфенов достал воды из родника и промыл один из камней скалы. Да, они были там, знакомые «красные рисунки», а помимо них и еще какие-то следы крупных фигур уже иного типа. Отмыл и протравив керосином весь нижний навес, Парфенов нашел сорок восемь различных новых рисунков. С этих рисунков и начала свою работу наша вторая экспедиция осенью 1945 года.

Характерен был рисунок, образованный рельефом самой скалы, создававшим подобие быка. Первобытный художник только пририсовал к нему рогатые рога. Туловище быка было частью сбито, частью покрыто остатками краски. Четко видны ступни ног.

Такие подобию животных, созданные самой природой и только дорисованные человеком, по существу, и дали начало изобразительному искусству. Это — истоки живописи.

По мнению Парфенова, крупные фигуры животных на последних рисунках гораздо более древнего происхождения, чем все остальные рисунки Зараут-Сая. В экспедицию 1945 года мы открыли и еще несколько новых мест с изображениями на скалах. Одни на вершине горы, другие — в узких местах ущелья. Изображены на них лозушки для быков, а один рисунок, по предположению Парфенова, — грубая карта местности, окружавшей Зараут-Сай. Всего пока открыто двадцать шесть разных пунктов с рисунками.

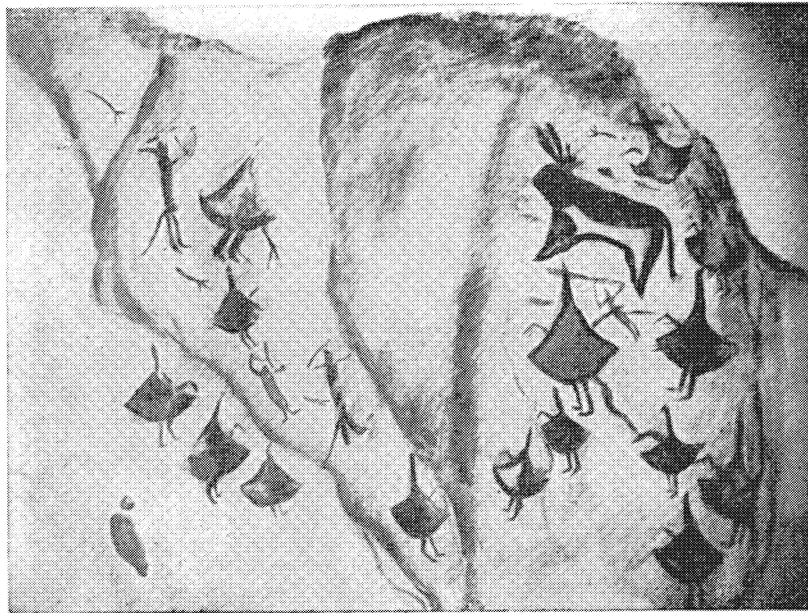
По рисункам Зараут-Сая Парфенов помогал нам, художникам, как по книге, читать о бесконечно далеком прошлом человечества, о жизни наших предков, их одежде и вооружении и, наконец, об их искусстве.

В экспедицию 1945 года мы поселились в покинутом кишлаке Зараут, на самой вершине горы. За нами только розовая отвесная стена Кугитанга. Вокруг нас горные просторы, орлы, звенящая тишина.

Наша кибитка, как и все здешние постройки, из глины. В ней одно крошечное оконце, с толстой деревянной ставенкой. Снаружи крупные сосновые стволы подпирают крышу из больших бревен, покрытую глиной. Наш хозяин Вахаб — тот самый горец, от которого Ломаев впервые узнал о «красных рисунках». Теперь Вахаб — хранитель Зараут-Сая. Он и его семья сейчас единственное население на вершине. Живут они немного ниже нас, в круглой войлочной юрте.

Весь этот кишлак останется нетронутым до мелочей и войдет как экспонат в заповедник «Зараут-Сай». Сейчас определяются границы этого заповедника по хребтам Кугитанга до Аму-Дарьи. Ущелье Зараут-Сай — искусствоведческая часть заповедника; лесные склоны с вымирающими редкими животными — зоологическая часть.

Все остальные горы — геологическая сокровищница. Наверху — каолин — огнеупорная глина. Под ногами — красноватый железный плитняк. Сверкают на солнце белые кварцы — это золото и стекло. В роднике — признаки серы и нефти. Есть здесь и свинец, и гипс, мел и уголь. И, наконец, самое близкое сердцу художника — одиннадцать различных оттенков первоклассной охры. Той самой охры, которой пользовались первые художники для своих «красных рисунков» на скалах Зараут-Сая.

Зарисовка наскальной живописи «Охота на дикого быка». Акварель А. Рогинской.

«РАССКАЗЫ О КОРАБЛЕКРУШЕНИЯХ»

Перед нами небольшие, изящно изданные книги. На обложке каждого томика — забавный рисунок. Вот женщина с лавровым венком на голове. В правой руке ее — перо, в левой — раскрытая книга. Это одна из девяти муз: муза истории — Клио, записывающая в свою книгу все примечательные деяния людей. Ее окружает довольно странное общество: тут и индеец с пучком перьев на голом черепе, и китайка с веером в руке, и персиянин в высокой меховой шапке, и бедунин на белом коне, и индус на слоне, и русская тройка с бубенцами и кучером в рукавицах. На заднем плане — часть земного шара, еще дальше — море с корабликами, пальмы, пагоды, минареты, египетские пирамиды. На изображении земного шара надпись: «Библиотека путешествий».

Так выглядят первые восемь томов «Библиотеки путешествий», изданные в 1854 году петербургским книгоиздателем А. А. Плюшаром.

Сейчас плюшаровская «Библиотека путешествий» забыта. Однако в ней есть немало замечательного и для современного читателя.

Определяя задачи «Библиотеки путешествий», издатель писал, что «Библиотека» будет состоять из описаний путешествий в страны, «пре-

имущественно мало известные читающей публике», из рассказов о кораблекрушениях, «заимствованных из самых достоверных источников», из жизнеописаний знаменитых путешественников.

Наибольший интерес представляют два тома «Рассказов о кораблекрушениях». Эти рассказы с увлечением прочтутся каждым, кто любит море. В героических событиях раскрывается перед читателем суровая, мужественная жизнь моряков тех давних времен, когда корабли еще не пятнали черным дымом небо над морем, а мчались своими дерзкими путями, гордо выпятив белые паруса.

Великий русский мореплаватель, капитан-командор флота Василий Михайлович Головнин в предисловии к четвертому тому собрания своих сочинений (в этот том вошли его переводы «Описания примечательных кораблекрушений» Дуйкена) приводит слова английского капитана: «Мореплавателю, для коего сие творение особенно назначено, оно будет весьма полезным и даже, можно сказать, почти необходимым сопутником; оно предостерегает его от погрешностей, ввергнувших других в ужасные бедствия, а подвергнувшись оным, он научится примерами твердости, мужества и постоянства извлекать себя из бед, повидимому непреодолимых, и не предаваться отчаянию в самых опаснейших случаях, коим он часто бывает подвержен...»

Невольно вспоминаются эти слова, когда читаешь «Рассказы о кораблекрушениях» из плюшаровской «Библиотеки путешествий». Они также исполнены «примерами твердости, мужества и постоянства», — и именно этим и увлекают читателя.

Нельзя без волнения читать рассказ о том, как капитан французского брига «Натали», затертого льдами у берегов Нью-Фаундленда, спас жизнь двум матросам, или удивительную историю Рутефорда, попавшего в плен к туземцам Новой Зеландии. Зимовка английских моряков на острове Чарльстон в Гудсоновом заливе, похождения Александра Селькирка на острове Хуан-Фернандес — того самого Селькирка, который послужил Даниэлю Дефо прообразом Робинзона Крузо, смерть капитана Мариона в Новой Зеландии — эти и многие другие истории, рассказанные простым, деловым языком, пробуждают в читателе восхищение

мужеством моряков, их беззаветной любовью к морю.

Следовало бы подумать нашим издателям о том, чтобы переиздать «Рассказы о кораблекрушениях».

Б. Е.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АМУРА¹

Весной 1849 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, посетив Камчатку, направился в Аянскую бухту, надеясь встретить здесь транспорт «Байкал», которым командовал русский морской офицер Геннадий Иванович Невельской. Прошел уже год, как вдали от родины Невельской проводил свои беспримерные исследования Амурского края. Последние вести о транспорте «Байкал» были получены давно, и на Аяне уже почти потеряли надежду вновь увидеть Невельского и его отважную команду.

«...3 сентября утром в виду Аяна показалось судно, шедшее прямо в порт. Поднялось общее оживление. Все, даже сам Муравьев, бросился на берег. «Может быть, это «Байкал!» — перекликались люди. — «Байкал» и есть!»

Быстро были спущены на воду шлюпки, и не успел «Байкал» бросить якорь, как на борт транспорта уже взобрался адъютант Муравьева Корсаков, подошедший на быстром вельботе; за ним, мерно взмахивая веслами, подходил двенадцативесельный катер с Муравьевым и его свитой.

— Откуда вы? — крикнул Муравьев еще издали, увидев стоявшего у трапа Невельского.

— Сахалин — остров, вход в лиман реки Амура возможен для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно! — в мегафон отвечал Невельской.

Так было совершено выдающееся открытие, утвердившее рубежи России на Тихом океане, вызвавшее к жизни огромный Амурский край. Величие подвига Г. И. Невельского можно понять, только зная историю исследования Амурского края и Татарского пролива. Царские чиновники, в целях личной наживы заинтересованные в торговле с Китаем по суше, всячески срывали мероприятия

¹ Виталий Тренев, Амурская экспедиция Невельского. М. Воениздат, 1946, 156 стр. Ц. 3 р. 50 к.

исутомного исследователя Амурского края. Все, казалось, было против него: и равнодушие царского правительства, и авторитет виднейших мореплавателей Лаперуза и Крузенштерна, ранее тщетно пытавшихся пройти Татарским проливом. Горячая любовь к родине и вера в правоту своего дела помогли скромному русскому офицеру преодолеть все опасности и трудности и достичь великой цели.

Выдающиеся открытия Невельского оказали великую услугу русскому

флоту в войну 1854—1855 годов. Попытки западных держав уничтожить русскую эскадру на Тихом океане оказались безрезультатными благодаря тому, что берега Татарского пролива, изученные Невельским и его спутниками, были мало известны неприятелю.

Книга Виталия Тренева «Амурская экспедиция Невельского», на основе исторических источников рассказывает о его выдающемся походе, о подвигах его товарищей: Чихачева, Бошняка, Орлова и других, положивших начало научному географическому исследованию берегов Татарского пролива, о мужестве этих замечательных русских людей, впервые осваивавших для нашей родины одну из отдаленнейших ее окраин.

И. В.

Далекие По странам

ОТВЕТЫ

1. Одним из первых европейских путешественников по Китаю был русский ученый Павел Яковлевич Пясецкий. Он собрал в Китае богатые зоологические, ботанические и этнографические коллекции и дал подробное и живое описание всего виденного в двухтомном труде «Путешествие по Китаю, награжденном Русским географическим обществом большой золотой медалью. Свое путешествие он совершил в 1873—1875 годах.

2. Один из главных учредителей Русского географического общества — Федор Петрович Литке — впервые познакомил мир с природой Новой Земли, для исследования берегов которой он совершил четыре путешествия в 1821—1824 годах. Федор Петрович в 1826—1828 годах был начальником экспедиции, совершившей кругосветное путешествие на корабле «Сенявин».

3. Известный русский путешественник Петр Кузьмич Козлов в 1899—1901 годах исследовал восточные области Тибета. Здесь он открыл горный хребет, который назвал хребтом Русского географического общества.

4. Известный ученый, член Русского географического общества Александр Иванович Воейков в 1874 году совершил, по заданию общества, путешествие по странам Южной Америки.

5. Знаменитый ученый, член Русского географического общества Иван Павлович Минаев совершил три путешествия с научно-исследовательскими целями по Индии, Цейлону и Бирме в 1877, 1879 и 1895 годах.

Вл. Янубович

¹ См. «Вокруг света» № 8—9.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1946

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Сергеев	
В стране Азери	2
Геннадий Фиш	
Беломорканал	10
Н. Чуковский	
Возвращение «Морского льва»	14
Бор. Иванов	
Через три материка (окончание)	26
И. Осипов	
45 дней в борьбе со штормом	34
Н. Гладков.	
Птица, которая любит солнце	35
Д. Арманд	
По следам ветра	36
В. Сапарин	
Удивительное путешествие	40
В. Струкова.	
В старом Ордубате	44
Вл. Немцов	
Огненный шар (окончание)	45
А. Морозов.	
Победители пространства	55
Ал. Авдеев	
Поход Василия Пояркова	58
А. Рогинская	
Зараут-Сай	61
В мире книг	63

На обложке в рамке: иллюстрации художника П. Караченцова к научно-фантастической повести В. Немцова «Огненный шар».

На цветных вкладках:
1. Каспий. Рыбачьи лодки вышли на лов осетра.
2. Езда на кутасе (Памир).

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
Адрес редакции:
Москва, Новая пл., д. 6.
Тел. К 5-24-71.

★

Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакционная коллегия: Д. Л. Арманд, И. А. Ефремов, И. В. Иноземцев (ответственный редактор), Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Н. А. Солнцев

Техред А. Губер

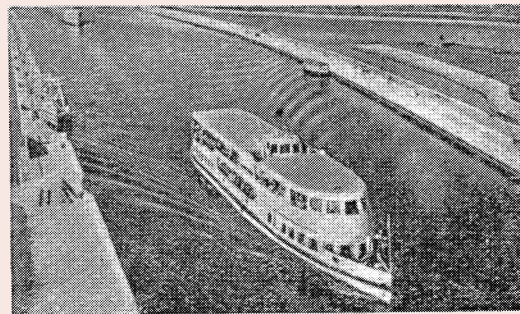
Подписано к печати 31/X 1946 г. А04611. Бумага 60×92 см^{1/4}, 8 печатных листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50.000 экз. Цена 6 руб. Зак. 1989
Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Суцеская, 21.

Знакомы ли вам эти места?

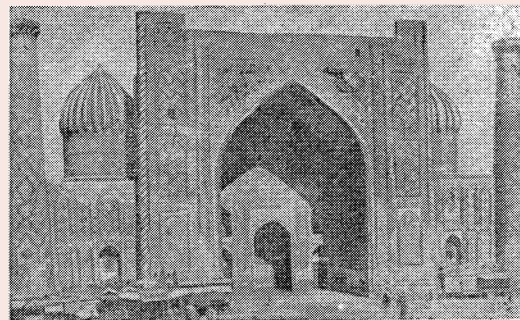
Эти фотографии засняты в районах, отстоящих на тысячи километров один от другого. Не сможете ли вы сказать, что изображено на снимках и где производились съемки?

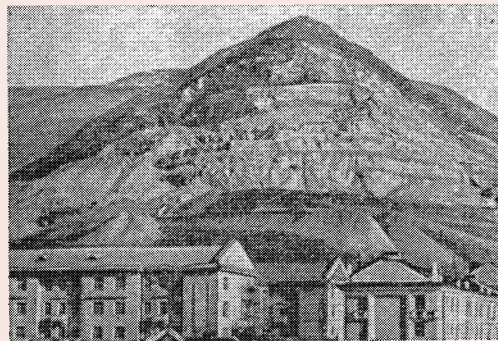
В городе, близ которого погиб великий русский поэт, стоит памятник. Чей это памятник и где он находится?

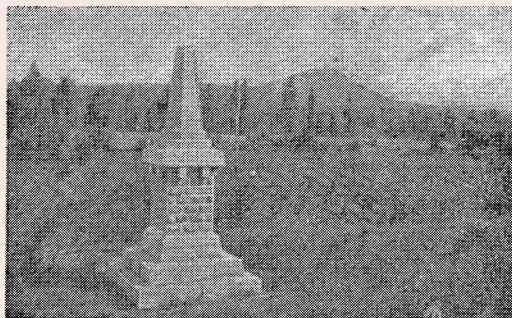
Этот канал — четвертый в мире по длине. Какой это канал и когда он построен?

Чудесные по своей расцветке изразцы украшают фронтон этого древнейшего сооружения. Что это за здание и где оно находится?

Широкими террасами открытых разработок покрыты склоны этой горы, дающей нашей родине ценнейший материал. Что это за гора? Какие это разработки?

Скромный обелиск воздвигнут на одном из рубежей мира. Что он отмечает?

Бронзовый орел придерживает лапой карту края, впервые исследованного знаменитым русским путешественником. Где и кому воздвигнут изображенный на фотографии памятник?

ВАСИЛИЙ ПОЯРКОВ

Сквозь дремучую сибирскую тайгу, через высочайшие отроги суровых гор лежал путь отважного «землепроходца» Василия Даниловича Пояркова.

Семь тысяч верст прошел отряд Пояркова, совершив величайшие географические открытия. Поярков первым из русских людей вышел к устью Амура и собрал сведения о природных богатствах открытого им края.

Рисунки и маршрутная карта худ. П. Павлинова.